МЫСЛИ О РЕЛИГИИ

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

Перевод с французского С. Долгова

Москва 1892 г

Редакция 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк жизни Паскаля
I. Общее понятие о человеке
II. Величие человека
III. Суетность человека, воображение, самолюбие
IV. Слабость человека, непрочность его естественных познаний
V. Жалкое состояние человека
VI. Удивительные противоречия, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей
VII. Против равнодушия атеистов
VIII. Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская вера
IX. Признаки истинной веры
X. Истинная вера доказывается заключающимися в человеке противоположностями и первородным грехом
XI. Подчинение и власть разума
XII. Образ человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание
XIII. Об евреях
XIV. О прообразах; прообразный характер древнего закона
XV. Об Иисусе Христе
XVI. Свидетельства пророков об Иисусе Христе
XVII. Различные свидетельства об Иисусе Христе
XVIII. Для чего Бог, скрываясь от одних, открывается другим
XIX. Ветхий и Новый Заветы в сущности — одна вера
XX. Истинное, благотворное познание Бога достижимо только через Иисуса Христа
XXI. Мысли о чудесах
XXII. Различные мысли о религии
XXIII. Размышления о Тайне Христовой
Приложения
Размышления о смерти
Молитвенное размышление об обращении во благо болезней
Сравнение древних христиан с нынешними
Об обращении грешника

Очерк жизни Паскаля

Власий Паскаль родился в Клермоне 19 июня 1623 года.
Отец его занимал довольно видный пост на французской государственной службе. Это был весьма образованный, даже ученый человек и притом хороший христианин. Замечая в сыне редкие способности ума, и не желая доверить его воспитание посторонним людям, он сам взял на себя эту заботу. Держась того взгляда, что раннее систематическое обучение может повредить успехам сына, он ограничивался беседами, где в общих чертах знакомил мальчика с начатками грамматики, объяснял некоторые явления природы и т.п. Мальчик очень любил эти беседы, но не мог довольствоваться теми, большей частью поверхностными, объяснениями, которыми отец ограничивался ввиду возраста сына, а всегда старался узнать действительную причину явления. Удовлетворить его пытливость было нелегко: он был доволен только тогда, когда истина становилась для него очевидной.

Однажды он заметил, что удар ножом по тарелке производит звук, прекращавшийся тотчас, как только на тарелку клали руку. Заинтересовавшись этим, он сам начал производить опыты для наблюдения звука. Результатом этих детских изысканий был, по словам его сестры, весьма дельный для такого возраста трактат о звуке. Мальчику было в то время только 12 лет.

Присутствуя при ученых беседах отца с его друзьями, где большей частью речь шла о математике, мальчик заинтересовался этой наукой и просил отца сообщить ему, в чем она заключается. Отец, зная, насколько математика способна завладевать умом в ущерб другим знаниям, и намереваясь обучить сына сначала древним языкам, совсем не хотел пока знакомить его с математикой. Юному Паскалю, после долгих просьб, удалось лишь узнать от отца, что геометрия дает средства строить точные фигуры и находить между ними взаимные отношения; но затем отец запретил ему дальнейшие вопросы, спрятал все находившиеся в доме книги по математике и даже избегал упоминать о ней в присутствии сына.

Несмотря на такие предосторожности, мальчик тайно от отца, без всякой посторонней помощи, не имея иного руководителя, кроме своего природного рассудка, старался проникнуть в тайны этой науки. Пользуясь всякой свободной минутой, он убегал в отдельную комнату и там чертил углем на полу треугольники, круги и другие фигуры, даже не зная их настоящих обозначений, и постепенно, изобретенными им самим средствами и способами, переходил от простого к более сложному.

Наконец отец застал его однажды за подобным занятием. Оказалось, что мальчик был занят в эту минуту решением очень трудной математической задачи. Пораженный и восхищенный, отец, конечно, не мог далее противиться сыну и дал ему полную волю и все средства продолжать занятия. Получив свободу, юноша стал быстро продвигаться вперед. Но столь напряженная умственная деятельность в таком раннем возрасте значительно расстроила его здоровье.

Около этого времени, а именно в январе 1646 года, отец Паскаля вывихнул ногу. Он обратился за помощью к двум искусным хирургам, которые по этому случаю провели у него около трех месяцев. Знакомство с этими лицами, их наставления, благочестивые беседы и строгий образ жизни незамедлительно оказали влияние на всю семью Паскаля. Плодом этого влияния было то, что семья обратилась к чтению тех же самых книг, благодаря которым эти лица достигли своего обращения к христианской добродетели; таковы были в особенности сочинения Янсения, Сен-Сирана и Арно. Больше всего это чтение отразилось на восприимчивом и глубоком уме Власия Паскаля.

Усвоив из этих книг великую христианскую заповедь, повелевающую жить только для Бога, он решил следовать этому учению. Его необыкновенная энергия увлекла своим примером отца и сестер, так что, по выражению одной из них, он как бы стал отцом для своего отца и сестер. Младшая из них, Жакелина, одаренная и красотой, и богатыми способностями ума и сердца, особенно увлеклась братом, так что ради дел благочестия и созерцательной жизни покинула мир, в котором, несмотря на свою молодость, успела приобрести известность своим стихотворным талантом.

Со времени смерти отца, последовавшей в 1651 году, Паскаль опять предался своим научным занятиям и, как всегда, с чрезмерным усердием. Если при жизни отца небольшие путешествия и другие семейные удовольствия несколько укрепляли его слабое тело, то теперь, когда этого не стало, его неумеренные труды вновь отразились на его здоровье, и прежние недуги проявились с новой силой. К этому присоединилось еще то, что сестра его Жакелина, обществом которой он особенно дорожил, поступила монахиней в Пор-Рояль, куда она давно собиралась, но пока жив был отец, не хотела его покинуть.

Несмотря на все старания нескольких врачей, болезнь Паскаля не поддавалась лечению, так что им оставалось только одно средство — посоветовать Паскалю отрешиться от умственных трудов и искать развлечений. Трудно было Паскалю решиться следовать такому совету. Среди света он боялся утратить свое религиозное настроение. Считая, однако, позволительным с христианской точки зрения не пренебрегать своим здоровьем, он понемногу стал посещать свет и, как говорят, одно время помышлял даже о женитьбе.

Но однажды — это было в 1654 году — Паскаль ехал с несколькими знакомыми в Нейли в карете, запряженной четверкой лошадей. При въезде на мост передняя пара лошадей, взбесившись, понесла экипаж прямо в реку; только благодаря тому, что в этот момент оборвались постромки, лошади упали в реку, а экипаж удержался на берегу. Это чудесное, в глазах Паскаля, спасение от неминуемой смерти произвело на него такое сильное впечатление, что он тут же решился, и уже безвозвратно, покинуть мир, видя в этом событии направление своей судьбы как руку Божью.

Такому решению в значительной степени помогла сестра его Жакелина, бывшая уже тогда монахиней и строго относящаяся к делам мира. Чтобы порвать завязавшиеся светские отношения, Паскаль удалился в деревню и сразу установил порядок своей жизни на самых строгих началах умеренности и воздержания от малейших излишеств, ограничивая свои потребности лишь крайне необходимым. Все время он посвящал молитве и чтению Священного Писания и Отцов Церкви. Он читал так много и с таким усердием, что знал почти наизусть все Писание. В 1656 году племянница и крестница Паскаля, приложившись к выставленной в церкви Пор-Рояля для благоговейного любования игле из тернового венца Спасителя, получила исцеление от жестокой болезни глаз, которой страдала три с половиной года и от которой не могли избавить никакие усилия знаменитейших врачей Парижа.

Этот случай глубоко тронул Паскаля; он был несказанно рад, что Богу благоугодно было совершить чудо в такое время, когда общество было сильно заражено неверием. Под впечатлением этого события у него явилось несколько замечательных мыслей о чудесах и еще более укрепилось его ранее задуманное намерение написать обширное сочинение в опровержение главнейших и наиболее ложных умствований атеистов. Он тщательно изучал их, изощряя свой ум в поисках средств опровергнуть их. Он полностью предался этой задаче.

Последний год его работы прошел весь на собирании различных мыслей по этому предмету, говорит его сестра. Он записывал все, что его великий ум и горячая любовь к

христианской истине подсказывали ему по поводу того или другого вопроса веры, возникавшего при беседах с посещавшими его друзьями или при чтении. Когда, удрученный болезнями, он не мог держать перо, то диктовал другим. Он думал написать систематическое сочинение, но этой цели ему не суждено было достигнуть; усилившиеся страдания заставили его прекратить этот труд, так как с 1658 года он уже не мог ни читать, ни писать.

Болезнь его была очень сложная: смесь колик, непрерывных головных и зубных болей, обмороков и т. п. Все эти мучения он переносил с замечательным терпением, никогда не жаловался, напротив, благодарил Бога за ниспосланные болезни, так как, по его словам, болезненное состояние есть истинное и надлежащее состояние христианина. Расставшись с миром, он, как уже выше сказано, отказался от всяких удобств, от всего, что могло доставить хоть какое-нибудь, даже самое невинное удовольствие; насколько позволяли силы, сам ухаживал за собой, даже принял к себе в комнату больного бедняка, за которым сам ходил, заботясь, чтобы на его долю пришлось не меньше попечений, чем ему самому.

Любовь его к бедным видна из следующих слов, сказанных им сестре: «Удивляюсь, что так любя бедных, я так мало сделал для них». И это говорил тот, кто в своей жизни так много делал милостыни и даже готов был отдать на это все свое достояние, если бы тому не воспрепятствовали родственники, боявшиеся, что ему самому нечем будет жить. На эти уговоры он ответил однажды: «Одно я заметил, что как бы человек ни был беден, а после смерти все-таки что-нибудь у него остается».

Несмотря на такой образ жизни, несмотря на то, что все его стремления были направлены на то, чтобы жить только в Боге и для Бога, он постоянно опасался, как бы чем-нибудь не изменить этому правилу, не увлечься честолюбием, гордостью или каким-либо другим порочным чувством. Для этой цели он, между прочим, надевал на голое тело железный пояс, утыканный острыми шипами; когда появлялась у него тщеславная, суетная мысль или чувствуя удовольствие от обстановки или места, где находился, он ударял себя локтем, чтобы усилить колющую боль и тем напоминал себе о своем долге. Этот подвиг казался ему столь полезным, что он не оставлял его до самой смерти, даже когда страдания совсем не покидали его.

Наконец, 19 августа 1662 года, эта подвижническая, многострадальная, исполненная неутомимых трудов и величайших стремлений жизнь кончилась, и сбылись сказанные некогда им слова: «Смерть является вестником блаженства души и началом блаженства тела». Насколько Паскаль жаждал горячей, живой веры и как он рад был, когда получил ее, видно из следующего: после его смерти были найдены зашитыми в его одежде два небольших листа бумаги, и на одном из них оказались записанные его рукой слова.

Лето от Рождества Христова 1654.
Понедельник, 23 ноября, день св. Климента, папы и мученика, и других по Четьи-Минее; канун дня св. Хрисогона, мученика, и др.

Часов с десяти с половиною и до половины первого ночи.

Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова,
А не философов и ученых.
Уверенность. Чувство. Радость. Мир.
Бог Иисуса Христа.
Богу Моему и Богу вашему.
«Твой Бог будет моим Богом».
Забвение мира и всего, кроме Бога.

Его можно обрести только путями, указанными Евангелием.
Величие души человеческой.
«Праведный Отче, мир не познал Тебя, а Я познал Тебя».

Радость, радость, радость, слезы радости.
Я отдалился от Него: «Меня оставили, источник воды живой».

Боже мой, оставишь ли меня?
Да не буду разлучен с Ним во веки.
«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа».

Иисус Христос.
Иисус Христос.
Я разлучился с Ним; я от Него бежал, отрекся, ранил Его.
Да не разлучусь с Ним во веки.

Хранить Его можно только путями, указанными в Евангелии.
Отречение полное и сладостное.
Полная покорность Иисусу Христу и моему духовнику.
Вечная радость за один день подвига на земле.

Не забуду слов Твоих. Аминь.

Эти отрывочные слова, этот, как бы шепот беседующей с собою души, показывают, насколько истомилась она в ожидании великой минуты, когда благодатный свет свыше озарит ее, когда вера станет живою силою, двигающей и направляющей все остальные силы души, и наступит желанный конец всяким сомнениям.

С. Долгов.

I. Общее понятие о человеке.

(Вот к чему приводят нас естественные познания. Если они не истинны, то совсем нет истины в человеке; если же, напротив, они истинны, то он находит в них великий повод к смирению, будучи принужден принизить себя тем или другим способом. Так как он не может существовать, не веря им, то хотелось бы, чтобы он, прежде чем приступить к самым обширным исследованиям природы, не торопясь и серьёзно посмотрев на неё, взглянул бы также на самого себя и рассудил, имеет ли он какую-нибудь соразмерность с нею при сравнении этих двух предметов.)

Пусть же рассмотрит человек всю природу в её высоком и полном величии; пусть перенесет свой взор с низших окружающих его предметов к тому блестящему светилу, которое, подобно вечной лампаде, освещает вселенную. Земля покажется ему тогда точкой в сравнении с необъятным кругом, описываемым этим светилом; пусть он удивится тому, что этот необъятный круг, в свою очередь, не больше как очень мелкая точка по сравнению с путём, который описывают в небесном пространстве звёзды. Но когда взор его остановится на этой грани, пусть воображение уходит дальше: скорее утомится оно, чем истощится природа, снабжая его всё новой пищей. Весь этот видимый мир есть лишь незаметная черта в обширном лоне природы. Никакая мысль не обнимет её. Сколько бы мы ни тщеславились нашим проникновением за пределы мысленных пространств, мы воспроизведём лишь атомы в сравнении с действительным бытием. Эта бесконечная сфера, центр которой

везде, а окружность нигде. Наконец, самое осязательное свидетельство всемогущества Божия — это то, что наше воображение теряется в этой мысли.

Пусть, пришедший в себя, человек посмотрит, что представляет он в сравнении со всем бытием; пусть представит себя как бы заблудившимся в этом далёком уголке природы и пусть по этой «келье» — я разумею вселенную нашу — он научится ценить землю, царства, города и себя самого в своём истинном значении. Что такое человек в бесконечном? Но чтобы увидеть другое столь же удивительное чудо, пусть он исследует один из мельчайших известных ему предметов. Пусть в крошечном теле какого-нибудь клеща он рассмотрит ещё мельчайшие части: ножки со связками, вены в этих ножках, кровь в этих венах, жидкость в этой крови, капли в этой жидкости, частицы в этих каплях; разделяя ещё эти последние вещи, пусть он истощит свои силы в этих представлениях, и да будет следующий предмет, к которому он придёт, предметом нашего разговора. Может быть, он подумает, что это уже самомалейшая малость в природе. Но я покажу ему новую бездну в ней. Я нарисую ему не только видимую вселенную, но и мыслимую необъятность природы в рамках этого атомистического ракурса.

Он увидит бесчисленное множество миров, каждый со своим особым небом, планетами, землёй таких же размеров, как и наш видимый мир; на этой земле он увидит животных и, наконец, тех же насекомых, и в них опять то же, что найдет в нервном; встречая ещё в других существах то же самое, без конца, без остановки, он должен потеряться в этих чудесах, столь же изумительных по своей малости, сколько другие по их громадности. Ибо как не прийти в изумление, что наше тело, до того незаметное во вселенной, которая, в свою очередь, незаметна в недрах всей природы, вдруг стало колоссом, миром, скорее всем, в сравнении с недостижимым для воображения ничтожеством? Кто посмотрит на себя с этой точки зрения, испугается за себя самого. Видя себя в природе помещённым как бы между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством — он содрогнется при виде этих чудес. Я полагаю, что его любопытство превратится в изумление, и он будет более расположен созерцать эти чудеса в молчании, чем следовать за ними с высокомерием.

Да и что же такое, наконец, человек в природе? — Ничто в сравнении с бесконечным, всё в сравнении с ничтожеством, средина между ничем и всем. От него, как от бесконечно далёкого от постижения крайностей, конец вещей и их начало несомненно скрыты в непроницаемой тайне; он одинаково неспособен видеть и ничтожество, из которого извлечён, и бесконечность, которая его поглощает. Убедившись в невозможности познать когда-либо начало и конец вещей, он может остановиться только на наружном познании середины между тем и другим. Всё сущее, начинаясь в ничтожестве, простирается в бесконечность. Кто может проследить этот изумительный ход? — Только виновник этих чудес постигает их; никто другой понять их не может.

Не обратив внимания на эту беспредельность, люди дерзнули исследовать природу, как будто имея некоторую соразмерность с нею. Странное дело: они захотели познать начало вещей и дойти, таким образом, до постижения всего — самоуверенность столь же бесконечная, как и сам предмет исследования. Очевидно, что подобное намерение немыслимо без такой самоуверенности или без способностей, столь же совершенных, как и природа. Сознавая же беспредельность и недостижимость познания нами природы, мы поймем, что она, отпечатлев свой образ и образ своего Творца во всех вещах, выражает в большинстве их свою двоякую бесконечность. Таким образом, мы убеждаемся, что всякое знание бесконечно по обширности его предмета; ибо кто сомневается, что геометрия, например, может представить неисчислимое множество задач? Они так же бесчисленны, как бесконечны их начала, ибо известно всем, что теоремы, считающиеся последними, не имеют основания в самих себе, а вытекают из других данных, которые в свою очередь опираются на третьи и т.д. без конца.

С последними выводами, представляющимися нашему разуму, мы поступаем как в материальных предметах, где точку, дальше которой не идут наши чувства, мы называем неделимой, хотя по своей природе она делима бесконечно. Из этой двойной бесконечности знания мы чувствительнее к бесконечности величия; поэтому некоторые возымели уверенность в знании всех вещей. «Я буду говорить обо всем», — сказал Демокрит. С первого взгляда видно, что уже одна арифметика представляет бесчисленные свойства, не говоря о других науках. Но бесконечность в малом видима гораздо меньше. Философы, хотя и считали, что достигли этого, однако все преткнулись именно на этом. Отсюда-то произошли столь обычные заглавия, как: «О начале вещей», «О началах философии» и другие подобные, хотя и не по внешности, а в действительности одинаково тщеславные с бросающимся в глаза De omni scibili (Обо всём постигаемом).

Мы, естественно, считаем себя более способными достигать центра вещей, чем обнимать их окружность. Видимая обширность мира, очевидно превосходит нас, но так как малые вещи превосходим мы, то и считаем себя более способными обладать ими; между тем для постижения ничтожества нужно не меньше способности, как и для постижения всего. Бесконечность нужна для того и другого, и мне кажется, что постигший последние начала вещей мог бы дойти и до познания бесконечного. Одно зависит от другого и одно приводит к другому. Крайности сходятся и соединяются в силу своего удаления и находят друг друга в Боге и только в Нем одном.

Признаем же предельность нашего существа и наших познаний: мы — нечто, но не всё. Уделённая нам частица бытия не даёт нам возможности познать первые начала, рядящиеся из ничтожества, и обнять нашим взором бесконечное. Наш разум, в порядке вещей умственных, занимает то же место, что наше тело в пространстве природы. Всесторонне ограниченное, это состояние, занимающее средину между двумя крайностями, отражается во всех наших способностях.

Наши чувства не выносят никаких крайностей. Слишком сильный шум оглушает нас; слишком яркий свет ослепляет; слишком далёкое и слишком близкое расстояние мешает нам видеть; одинаково затемняет себя как чрезмерно медленная, так и непомерно быстрая речь; слишком много правды нас удивляет: я знаю таких, которые не могут понять, что, отнимая от нуля четыре, получаем нуль. Первые начала имеют для нас слишком много очевидности. Излишнее удовольствие беспокоит нас; чрезмерное созвучие не нравится в музыке, и раздражает слишком щедрое благотворение: нам хочется иметь возможность вернуть долг с излишком: «Bénéficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse; ubi multum antecesserint, pro gratia odium redditur» (Благодеяния радуют лишь до тех пор, пока кажется, что их можно возместить; но когда они слишком превосходят возможное воздаяние, вместо благодарности рождается ненависть).

Мы не чувствуем ни крайнего тепла, ни крайнего холода. Чрезмерные обнаружения свойств губительны, но они чувствительны для нас. Слаб ум как слишком юный, так и слишком старый; вредно и слишком мало, и слишком много учиться. Крайности как бы существуют сами по себе, а мы для них: они ускользают от нас или мы от них. Таково наше действительное положение, и вот что делает нас неспособными знать наверняка и совершенно ничего не знать. Мы как бы носимся по обширной поверхности вод, не зная пути и постоянно бросаемые из конца в конец. Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашим усилиям, ускользает из наших рук, обращается в вечное перед нами бегство. Ничто для нас не останавливается. Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы горим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нём башню и по ней добраться до бесконечного; но всё здание наше рушится и земля разверзается под нами до самых недр своих.

Перестанем же искать уверенности и прочности. Наш разум вечно обманывается непостоянством кажущегося; ничто не может утвердить конечное между двумя бесконечностями, которые заключают его и от него убегают. Вполне сознав это, мы, думаю, будем сидеть спокойно, каждый в положении, назначенном ему природой.

Так как это выпавшее на нашу долю срединное положение всегда удалено от крайностей, то, что за важность, имеет ли человек несколько большее понятие о вещах или не имеет? Если имеет, то смотрит на них несколько свысока. Но не всегда ли неизмеримо далёк он от конечного, и продолжительность вашей жизни, не удалена ли так же бесконечно от вечности; протечёт ли она десять лет больше или меньше? С точки зрения бесконечного все конечные вещи равны между собой; и я не вижу причины, почему один предмет заслуживал бы большего внимания с нашей стороны, чем другой. Нам больно всякое сравнение самих себя с конечным.

Если бы человек изучил сперва самого себя, он увидел бы своё бессилие проникать за пределы конечного. Как может часть знать целое? Может быть, однако, он будет стремиться познать, по крайней мере, части соизмеримые ему. Но все части мира находятся в таком отношении и сцеплении между собой, что невозможно, думается мне, узнать одну без другой и без целого. Человек, например, имеет отношение ко всему ему известному. Ему нужно место в пространстве, время для существования, движение для жизни, элементы для создания его тела, тепло и пища для питания, воздух для дыхания. Он видит свет, ощущает тела; всё находится с ним в известной связи.

Следовательно, чтобы познать человека, нужно знать, почему необходим, например, для его существования воздух; равно для ознакомления со свойствами и природой воздуха требуется узнать, каким образом он влияет на жизнь человека и т.д. Горение без воздуха не происходит, так что для познания одного нам необходимо исследовать другое. Так как, следовательно, все вещи производятся и производят, пользуются помощью других и сами другим помогают, посредственно и непосредственно, и все взаимно поддерживаются естественной и неуловимой связью, которая соединяет самые отдалённые и различные между собой вещи, то я считаю невозможным познать части без познания целого, равно как и познать целое без подробного ознакомления с частями.

В довершение нашей неспособности к познанию вещей является то обстоятельство, что они сами по себе просты, а мы состоим из двух разнородных и противоположных натур: души и тела. Ведь невозможно же допустить, чтобы рассуждающая часть нашей природы была не духовна. Если бы нам считать себя только телесными, то пришлось бы ещё скорее отказать себе в познании вещей, так как не разумнее всего утверждать, будто материя может иметь сознание. Да мы и представить себе не можем, каким образом она себя сознавала.

Следовательно, если мы только материальны, то совсем не можем познавать что-либо; если же состоим из духа и материи, то не можем вполне познавать простые вещи, т.е. исключительно духовные и исключительно материальные. Поэтому-то почти все философы смешивают понятия о вещах, говоря о чувственных как о духовных и о духовных как о чувственных. Они смело повествуют, что тела стремятся книзу, к своему центру, избегают разрушения, боятся пустоты, имеют наклонности, симпатии, антипатии, т.е. такие свойства, которые присущи только духам. Говоря же о духах, они рассматривают их как бы находящимися в пространстве, приписывают им движение с места на место, что свойственно только телам. Вместо того чтобы воспринимать идеи этих чистых вещей, мы придаем им наши свойства и отражаем наше сложное существо на всех созерцаемых нами простых вещах.

В виду нашей наклонности придавать всем вещам свойства духа и тела, казалось бы, естественным предположить, что для нас весьма достижим способ слияния этих двух начал. На деле же это именно и оказывается для нас всего недостижимее. Человек сам по себе самый дивный предмет природы, так как, не будучи в состоянии познать, что такое тело, он ещё менее может постигнуть сущность духа; всего же недостижимее для него, каким образом тело может соединяться с духом. Это самая непреодолимая для него трудность, несмотря на то, что в этом сочетании и заключается особенность его природы: «Modus quo corporibus adhæret spiritus comprehendi ab hominibus non potest; et hoc tamen homo est» (Способ, которым дух сопряжён (прилеплен) к телам, не может быть постигнут людьми; и, тем не менее, именно это и есть человек).

Вот часть причин недомыслия человека в отношении природы. Она двояко бесконечна, а он конечен и ограничен; она продолжается и существует без перерыва, а он преходящ и смертен; вещи в частности гибнут и изменяются ежеминутно, и он видит их только мельком; они имеют своё начало и свой конец, а он не знает ни того, ни другого; они просты, а он состоит из двух различных натур.

Чтобы исчерпать доказательства нашей слабости, я окончу двумя следующими размышлениями.

Две бесконечности. Середина.

Мы не можем понимать ни слишком быстрого, ни слишком медленного чтения. Слишком много и слишком мало вина: не дайте ему вина — он не найдет истины; дайте ему чрезмерно много — то же самое. Природа так прекрасно поставила нас в середине, что если мы изменим равновесие в одну сторону, то сейчас же изменим его и в другую. Это заставляет меня предполагать, что в нашей голове есть пружины, которые так расположены, что, если тронуть одну, то непременно коснешься и противоположной.

Рассуждения идут плохо как в слишком юном, так и в слишком зрелом возрасте. Пристрастие к чему-либо одинаково происходит и от недостаточного, и от слишком частого размышления о предмете. Если приняться за рассмотрение своего труда тотчас по его окончании, то бываешь слишком предрасположен к нему, а долго спустя — видишь, что стал чужд ему. Так и в отношении картин: смотреть на них слишком близко или слишком издалека — одинаково нехорошо; а ведь должна быть одна неизменная точка, с которой картину видно лучше всего. Другие точки зрения слишком близки, слишком далеки, слишком высоки или чрезмерно низки. В искусстве живописи перспектива определяет такую точку; кто возьмется определить ее в вопросах истины или морали?

Играя на человеке, думают, что играют на обыкновенном органе; это действительно орган, но орган странный, изменчивый, трубы которого не следуют одна за другой по близлежащим ступеням. Умеющие играть только на обыкновенных органах не вызовут на таком органе стройных аккордов.

Мы так мало знаем себя, что иногда собираемся умирать, пользуясь полным здоровьем, или кажемся вполне здоровыми незадолго до смерти, не чувствуя, что скоро откроется горячка или образуется какой-нибудь нарыв. Рассматривая малую продолжительность своей жизни, поглощаемую предшествующей и последующей вечностью, «memoria hospitis unius dici praetereuntis» (Проходит как память об однодневном госте), незначительность занимаемого мною пространства, незаметно исчезающего в глазах моих среди необъятных пространств, невидимых ни мне, ни другим — я прихожу в ужас и изумление: почему мне нужно быть здесь, а не там, почему теперь, а не тогда? Кто поставил меня здесь? По чьему повелению и назначению определено мне это место и это время?

Почему ограничено мое разумение? мой рост? моя жизнь — почему ограничена она сотнею, а не тысячью лет? Но какой причине природа дала мне именно такую продолжительность жизни, почему именно это число, а не другое выбрала она в вечности, перед которой всякие числа теряют свое значение?

II. Величие человека

I.

Я одинаково порицаю и берущих на себя задачу восхвалять человека, и видящих в нем только унизительные стороны, а равно и тех, которые думают лишь, как бы развлечь его; одобрять же могу только с воздыханием ищущих истину. Стоики говорят: «Взойди внутрь себя — там твой покой»; и это неправда. Другие говорят: «Не углубляйся в себя, ищи своего счастья вне себя — в развлечениях»; и это неправда. Наступят недуги, и счастье окажется ни внутри, ни вне нас: оно в Боге и вне, и внутри нас.

(При болезнях развлечения немыслимы; стало быть, счастья вне нас мы обрести тогда уже не можем, как никогда не можем находить его и внутри себя, так как оно только в Боге, вечном, неиссякаемом источнике истинного блага; но сколь мы обращаемся к этому первоисточнику, постольку возможно для нас и внутреннее, и внешнее счастье. Так объясняем мы себе эти слова Паскаля) Переводчик.

II.

Природу человека можно рассматривать с двух сторон: по отношению к цели его — и тогда он является великим и несравненным; или как смотрит большинство, как судят, например, о натуре лошади или собаки, т. е. хорошо ли она бежит и хороша ли нравом — тогда человек покажется отвратительным и жалким. Таковы два пути, ведущие к совершенно разным заключениям и служащие поводом к столь жарким дискуссиям.

III.

Мы имеем такое высокое понятие о душе человека, что не можем переносить её презрения, обойтись без того, чтобы, хотя какая-нибудь душа нас не почитала; всё блаженство людей состоит в этом почете. Самая низкая черта в человеке, но вместе с тем и величайший признак его превосходства, — это стремление к славе. Действительно, чем бы человек ни обладал на земле, каким бы здоровьем и удобствами ни пользовался, он недоволен, если не пользуется почетом у людей. Он так уважает разум человека, что, имея всевозможные преимущества, если не занимает выгодного места в умах людей, он недоволен. Это место ему нравится больше всего на свете; ничто не может отвлечь его от этого желания, и это самое неизгладимое свойство человеческого сердца. Даже не признающие род людской, приравнивающие его к животным, хотят, чтобы люди удивлялись и верили им. При этом они противоречат самим себе, своим собственным воззрениям: природа их, которая всё превозмогает, убеждает их в величии человека сильнее, чем разум — в его низости.

IV.

Несмотря на все обуревающие нас немощи, мы не можем подавить в себе невольного возвышающего нас инстинкта.

V.

Величие человека так заметно, что доказывается даже самой его немощью. Что свойственно природе животных, то в человеке мы называем слабостью, доказывая этим, что если природа его уподобляется природе животных, то, стало быть, он лишился лучшей природы, некогда ему свойственной. Ибо кто кроме царя, лишившегося трона, может считать себя несчастным вследствие потери царства? Разве считали Павла Эмилия

несчастным, когда он перестал быть консулом? Наоборот, все считали его счастливым, что он был консулом, потому что это звание не было пожизненным. Персея же называли несчастным, потому что он лишился царства, которое всегда должно было ему принадлежать, и даже удивлялись, что с горя он не лишил себя жизни. Горюет ли кто, что у него только один рот? И кто не сетует, лишившись одного глаза? Вряд ли кому приходило когда-нибудь в голову печалиться, что у него не три глаза; но ничто не может утешить лишившегося зрения.

VI.

Несчастным может быть только существо сознательное. Разрушенный дом не может быть несчастным. Бедствовать сознательно может только человек «Ego vir videns» («Я — человек, испытавший (видевший) бедствие» Плач Иеремии 3:1)

VII.

Человек велик, сознавая свое жалкое состояние. Дерево не сознает себя жалким. Следовательно, бедствовать значит сознавать свое бедственное положение; но это сознание — признак величия. Вся бедственность, все эти несчастья человека доказывают его величие. Это несчастья вельможи, царя, лишенного короны.

VIII.

Так как о ничтожестве судят по величию, а о величии по ничтожеству, то одни доказали полную нищету человека тем легче, что основали это доказательство на величии; а так как другие доказывали с таким же успехом величие, выводя его из самой бедственности, то всё, что одни могли привести в доказательство величия, послужило другим лишь аргументом в пользу бедственности, потому что бедствие тем ощутительнее, говорили они, чем полнее было предшествующее ему счастье; другие же утверждали обратное. Так споры их вращались в кругу бесконечном, ибо по мере разумения своего люди находят в себе и величие, и ничтожество. Одним словом, человек сознает свое жалкое состояние. Он жалок потому, что таков есть на самом деле; но он велик, потому что сознает это.

IX.

Я легко могу представить себе человека без рук, без ног, без головы, так как только опыт научает нас, что голова нужнее ног; но я не могу вообразить себе человека без мысли: это был бы камень или животное. Следовательно, мысль отличает существо человека, и без неё нельзя себе его представить. Чем именно мы ощущаем удовольствие? Пальцами ли? Рукою ли? Мышцами ли, кровью ли? Понятно, что это ощущающее в нас должно быть невещественное.

X.

Не в пространстве, занимаемом мною, должен я полагать свое достоинство, а в направлении моей мысли. Я не сделаюсь богаче чрез обладание пространством земли. В отношении пространства вселенная обнимает и поглощает меня как точку; мыслью же своею я обнимаю её.

XI.

Человек — самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить её. Для её умерщвления достаточно небольшого сопротивления, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавит его — человек станет ещё выше и благороднее своего убийцы, потому что он сознает свою смерть; вселенная же не ведает своего превосходства над человеком. Таким образом, всё наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и продолжительностью, которых нам не наполнить. Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности.

XII.

Очевидно, человек создан для мышления; в этом всё его достоинство, вся его заслуга, и весь долг его — мыслить как следует, а порядок мысли — начинать с себя, со своего Создателя и своего назначения. А о чём думает свет? Он никогда об этом не думает: он помышляет о танцах, музыке, пении, стихах, играх и т.д., думает, как бы подраться, сделаться царем, не задумываясь при этом, что значит быть царем и что значит быть человеком.

XIII.

Всё достоинство человека в мысли. Мысль, стало быть, по природе своей есть нечто удивительное и несравненное. Чтобы сделать её достойной уважения, она должна была обнаружить странные недостатки; да, она и на самом деле имеет их, и самые смешные. Как величественна она по своей природе! Как жалка она по своим недостаткам!

XIV.

Опасно слишком много указывать человеку на его сходство с животными, не показывая ему его величия. Опасно также слишком часто обращать его внимание на его величие, не напоминая о его ничтожестве. Опаснее всего оставлять его в неведении того и другого. Напротив, весьма полезно представлять ему то и другое. Не следует человеку думать, ни что он равен животным, ни что он равен ангелам, и нельзя допускать, чтобы он не ведал ни того, ни другого; следует ему знать и то, и другое одновременно.

XV.

Пусть человек узнает теперь цену себе. Пусть он любит себя, так как в его природе есть способность к добру; но пусть он ради этого не любит присущих ему злых сторон. Пусть презирает себя, так как эта способность праздная; но не презирает для этого и своей естественной наклонности к добру. Пусть ненавидит, пусть любит себя: он носит в себе способность познавать истину и быть счастливым; но самой истины, постоянной и удовлетворяющей, в нём нет. Поэтому мне хотелось бы возбудить в человеке желание отыскать эту истину, довести его до свободы от страстей и готовности последовать за истиной туда, где найдет её. Зная, насколько его познание затемнено страстями, мне бы хотелось, чтобы он возненавидел в себе чувственность, управляющую его волею, чтобы она не ослепляла его при выборе и не могла остановить его, когда выбор будет сделан.

XVI.

По мере вразумления нашего мы открываем в человеке более и более величия и низости. Сначала обыкновенный уровень людей, затем более образованные, наконец, философы; последние составляют предмет удивления обыкновенных людей. Высшая степень — христиане; им дивятся философы. Что же удивительного после этого, что вера основательно знает то, что дается по мере просвещения?

XVII.

Я сознаю, что мог бы совсем и не быть, ибо мое «Я» заключается в моей мысли; стало быть, я, который мыслю, не существовал бы, если бы мою мать убили прежде, чем я получил душу; следовательно, я существо не необходимое. Равно, ни вечен, ни бесконечен; но я ясно вижу, что есть в природе Существо необходимое, вечное и бесконечное.

III. Суетность человека, воображение, самолюбие

I. Суетность

Мы не довольствуемся жизнью, которую имеем в себе и в собственном бытии нашем: мы хотим жить в мыслях других жизнью кажущейся и прилагаем к тому все наши усилия. Мы

беспрестанно заботимся о том, как бы сберечь и украсить это воображаемое бытие; действительное же у нас в небрежении. Если в нас есть молчаливость, великодушие или верность — мы стараемся выставить их напоказ, с целью придать эти добродетели мнимому существу. Мы готовы скорее лишиться их сами, чтобы украсить ими то существо, так что охотно, например, сделались бы малодушными, чтобы прослыть мужественными. Веским доказательством ничтожности нашего собственного существа служит то, что мы не довольствуемся им одним, без того другого, — отрекаемся часто от одного в пользу другого. Кто для сохранения своей чести не пожертвовал бы жизнью, назван был бы бесчестным. Слава так сладостна для нас, что, с чем бы она ни соединялась, — хотя бы даже со смертью, — мы любим её.

II.

Гордость перевешивает все немощи: она или скрывает их, или, если и обнаруживает, то тщеславится их сознанием. Среди всех наших слабостей и заблуждений она так от природы сильна в нас, что мы с радостью отдаём самую жизнь, лишь бы только о том говорили.

III.

Тщеславие так укоренилось в сердце человека, что похвалиться не прочь и солдат, и денщик, и повар, и носильщик; всякому любо иметь своих поклонников. Да и философы не чужды этому чувству. Сами пишущие против славы хотят иметь славу хороших писателей, а читатели их — похвалиться, что прочли их. Да и сам я, пишущий это, имею, может быть, то же желание, равно как и читатель.

IV.

Мы до того тщеславны, что хотели бы быть известными всему миру и даже последующим поколениям; суетность так сильна в нас, что уважение пяти-шести окружающих нас лиц доставляет нам удовольствие.

V.

Любознательность тоже тщеславие. Чаще всего мы хотим знать только для того, чтобы сообщить об узнанном. Не стали бы мы разъезжать по морям ради одного удовольствия видеть море, без надежды когда-нибудь рассказать об увиденном.

VI.

В городе, через который только проезжают, не заботятся приобрести уважение; иное дело, если приходится пробыть в нём некоторое время. Но сколько именно? — смотря по продолжительности нашей суетной и жалкой жизни.

VII.

Желающий вполне узнать суетность человека пусть рассмотрит только причины и последствия любви. Причина её — «я не знаю что» (Корнель), а последствия — ужасны. Это «не знаю что», столь малое, что не может быть узнано, движет государями, армиями, всем светом. Будь нос Клеопатры покороче — иное было бы лицо земли.

VIII.

Удивительно, что столь очевидная вещь, как людское тщеславие, до такой степени мало известна, что кажется странным и необыкновенным назвать глупостью стремление к почестям и величию.

IX. Самолюбие

Сущность самолюбия и этого человеческого «я» — в том, чтобы любить только себя и сообразоваться только с собою. Но что же выходит? Оно не может помешать своему предмету избавиться от множества недостатков и немощей: человек хочет быть великим —

а видит себя малым; хочет быть счастливым — а сознаёт себя несчастным; желает быть совершенным — а находит себя полным несовершенств; хочет стать предметом любви и уважения людей — а убеждается, что недостатки его заслуживают лишь их отвращение и ненависть.

Такое затруднительное положение производит в нём самую несправедливую и преступную страсть, какую только можно представить: он начинает смертельно ненавидеть истину, которая укоряет и убеждает его в его недостатках. Он хотел бы уничтожить её, но, не будучи в силах разрушить её саму, он, сколько может, разрушает её в сознании своём и других, то есть прилагает все усилия скрыть свои недостатки и от других, и от самого себя, и не терпит, чтобы ему указывали на них, ни чтобы видели их сами.

Быть полным недостатков, без сомнения, дурно; но ещё хуже — не хотеть сознавать их, ибо этим мы прибавляем зло произвольного обмана. Мы не хотим, чтобы другие нас обманывали, находим несправедливым их желание пользоваться нашим уважением в большей мере, чем они заслуживают; поэтому несправедливо и с нашей стороны обманывать их и желать, чтобы они уважали нас превыше наших заслуг.

Таким образом, открывая в нас действительно присущие нам несовершенства и пороки, они нисколько не обижают нас, ибо не они в том виновны; напротив, они делают доброе дело, помогая нам избавиться от зла, состоящего в неведении этих недостатков. Мы не должны сердиться, что они знают их, ибо мы таковы на самом деле, и пусть они презирают нас, если мы достойны презрения.

Таковы чувства, которые должны бы родиться в правдивом и искреннем сердце. Что же сказать нам о нашем, видя в нём совсем противоположные наклонности? Разве не верно, что мы ненавидим правду и тех, которые её высказывают, любим, когда они ошибаются в нашу пользу, и желаем от них большего уважения, чем то, которое они к нам питают?

Вот одно доказательство, которое меня ужасает. Католичество не обязывает открывать свои грехи всем без различия; она допускает их утаение от всех других людей, за исключением одного, которому мы должны открыть глубину нашего сердца и показать себя в своём настоящем виде. Это единственный человек, которого она повелевает нам не вводить в заблуждение, и возлагает на него долг нерушимой тайны, так что это знание в нём как бы не существует. Можно ли представить себе что-нибудь более милосердное и доброе? Несмотря на то, испорченность человека так велика, что он находит суровым этот закон, и это было одной из главных причин возбуждения против Церкви значительной части Европы. Как несправедливо и нерассудительно сердце человека, если он находит дурное в обязанности делать по отношению к одному человеку то, что по справедливости должен был бы делать по отношению ко всем! Разве справедливо с нашей стороны обманывать их?

Это отвращение к правде проявляется в различных степенях, но можно сказать, что до некоторой степени оно существует во всех, будучи неразлучно с самолюбием. Эта порочная щекотливость заставляет людей, принуждённых необходимостью обличать и порицать других, прибегать к стольким изворотам и смягчениям, чтобы как-нибудь не оскорбить их. Им поневоле приходится умалять наши недостатки, показывать вид, что извиняют их, примешивать похвалы и выражения дружбы и уважения. При всём том это лекарство не перестаёт казаться горьким для самолюбия: мы принимаем его, как только можем меньше, и всегда с отвращением, часто даже с тайной досадой на подающих.

От этого происходит, что имеющий интерес быть любимым нами избегает оказывать нам услугу, которая, по его мнению, может быть нам неприятна. С нами поступают так, как мы хотели бы, чтобы поступали с нами: мы ненавидим правду — и её скрывают от нас; желаем

лести — и нам льстят; любим, чтобы нас обманывали — и нас обманывают. Поэтому чем выше наше положение в свете, тем больше мы удаляемся от истины, ибо люди более остерегаются оскорбить тех, чьё расположение полезнее, а вражда — опаснее. Иной государь становится притчей во всей Европе — и только он один об этом не знает.

Я не удивляюсь тому: говорить правду полезно для того, кому говорят, но невыгодно для говорящего, ибо возбуждает против него ненависть. А так как приближённые государя считают свои интересы ближе себе, чем интересы монарха, то и не заботятся принести ему выгоду во вред себе. Это несчастье, без сомнения, больше и обыкновеннее среди богатых и сильных; но не свободны от него и люди меньшего состояния, потому что всегда найдётся интерес привлекать к себе людское расположение. Таким образом, жизнь человеческая есть постоянная иллюзия: люди только обманывают и льстят друг другу.

В нашем присутствии никто не говорит о нас так, как говорит за глаза. Связь между людьми основывается только на этом взаимном обмане. Немного бы дружб уцелело, если бы каждый знал, что друг его говорит о нём в его отсутствие, хотя в таком случае он говорит о нём вполне искренно и беспристрастно. Человек, таким образом, есть лишь притворство, ложь и лицемерие — как по отношению к самому себе, так и к другим. Он не хочет, чтобы ему говорили правду, и сам избегает говорить её другим; все эти наклонности, столь чуждые справедливости и разуму, от природы глубоко коренятся в его сердце.

X. Воображение

Воображение — это именно та обманчивая сторона в человеке, которая вызывает и направляет все его заблуждения, — сторона тем более опасная, что обманывает не всегда. Ибо если бы ложь была всегда присуща ей, она сделалась бы неоспоримым руководством к истине. Но, будучи чаще всего ложным, оно не даёт нам никаких признаков, по которым можно было бы судить о нём, так как отмечает одинаковыми чертами и ложь, и правду. Я говорю не о глупцах, а о самых умных; и именно между ними воображение имеет наибольшую силу убеждения. Как бы громко разум ни говорил, он не может оценивать вещей.

Эта гордая власть, враждебная рассудку и старающаяся держать его в своих руках, чтобы показать свою вездесущую мощь, создала в человеке вторую природу. У неё есть свои счастливцы и несчастные, свои больные, богатые и бедные; она заставляет разум верить, сомневаться или отрицать; она либо подавляет чувства, либо заставляет их действовать; у неё есть свои глупцы и свои умники. Что всего досаднее, — она гораздо полнее, чем разум, удовлетворяет своих приверженцев. Считающие себя умными гораздо довольнее собой, чем просто благоразумные люди. Они смотрят на других свысока, ведут споры дерзко и уверенно, тогда как другие высказывают своё мнение робко и нерешительно. Эта смелость часто склоняет слушателей на их сторону, — столь благосклонны судьи к этим мнимым мудрецам, подобным самим себе!

Воображение не может сделать глупца мудрым, но делает его счастливым — на зло разуму, который приносит своим последователям только несчастье. Одно покрывает их славой, другой — стыдом. Кто распоряжается известностью? Кто доставляет почёт и уважение лицам, трудам, законам, знатным людям, если не эта воображающая способность? Всех богатств земли мало, если нет её согласия. Вот почтенный судья, с сединами, внушающими уважение целому народу; вы уверены, что он руководится только чистым и возвышенным разумом, судит о вещах по их внутреннему достоинству, не обращая внимания на пустяки, способные поразить воображение только слабых. Вот он приходит слушать проповедь: исполнен благоговения, готов подчинить доводы рассудка горячности христианской любви. Видно, что он собирается слушать проповедника с примерным уважением.

Но проповедник является, и, по несчастью, природа дала ему сиплый голос и странные черты лица, а цирюльник плохо его побрил, да вдобавок, случай заставил его где-то испачкаться. Что же вы думаете? Я готов держать пари, что наш судья потеряет всю свою важность, какие бы высокие истины ни возвещались с кафедры. Предложите величайшему философу перейти через пропасть по широкой и прочной доске: как бы разум ни убеждал его в отсутствии опасности, воображение всё-таки возьмёт верх. Многие не могут даже подумать о подобной опасности, не изменившись в лице.

Кому не известно, что многие не могут видеть кошек, крыс, не могут слышать, как раздавливается уголь? Тембр голоса действует даже на самых рассудительных и изменяет и разговор, и звучание читаемого стиха. Расположение или неприязнь влияют на правосудие: как часто адвокат, получивший вперёд хорошую плату, склоняется в пользу порученного ему дела! Как часто смелый жест его увлекает судей, впечатлённых этой внешностью! Как жалок разум, подчиняющийся каждому порыву!

Я не намерен приводить всех последствий действия воображения, — иначе пришлось бы перечислить почти все поступки людей, руководимых почти одним только воображением. Ибо разум вынужден уступить ему своё место, и самый сильный рассудок управляется теми правилами, которые людское мнение случайно ввело повсюду.

XI.

Наши судьи хорошо знают эту тайну. Их красные мантии, горностаевая опушка, роскошь судилищ, лилии на гербах — вся эта торжественная обстановка была весьма необходима. И если бы наши доктора не носили ряс и туфель, а учёные — четырёхугольных шапок и широких плащей, — они никогда не смогли бы одурачить свет, который не в силах противостоять этой неотразимой внешности. Только военные люди не прибегают к таким переодеваниям, потому что последствия их деятельности гораздо существеннее: они завоёвывают своё место силой, а те — мнимостью.

Поэтому и наши короли не нуждаются в переодеваниях: они не кутались в странные одежды, но окружали себя стражей, алебардами; эти вооружённые гиганты, трубы и барабаны, эти легионы, идущие впереди шествия, внушают трепет даже самым мужественным. Их величие не в одежде, а в силе. Нужно обладать очень совершенным рассудком, чтобы не поддаться обаянию величия при виде падишаха в его серале, окружённого сорока тысячами янычар.

Если бы судьи руководились истинным правосудием, а врачи обладали действительным искусством исцеления, то не нужны были бы им четырёхугольные шапки: величие этих наук внушало бы само по себе достаточно уважения. Но, обладая лишь мнимым знанием, они вынуждены прибегать к этим жалким средствам, поражающим воображение, с которым имеют дело, — и действительно преуспевают в этом. Мы не можем видеть судью в домашнем халате и шапке, не испытывая всё же выгодного впечатления о нём.

Воображение распоряжается всем: оно сообщает и красоту, и право, и счастье, которое составляет всё на свете. Мне бы очень хотелось видеть итальянскую книгу, известную мне только по названию, — Della opinione, regina del mondo («О мнении, владычице мира»). Я подписываюсь под этой книгой, не читая её — за исключением, разумеется, всего дурного, если оно там есть. Таковы действия этой обманчивой способности, которая, по-видимому, дана нам нарочно, чтобы вводить нас в неизбежное заблуждение. Но в нас есть и другие причины.

IV. Слабость человека, непрочность его естественных познаний

I

Без благодати человек полон врождённого и неисправимого заблуждения. Ничто не указывает ему истины; напротив, всё вводит его в обман. Оба проводника истины — разум и чувства — помимо присущего обоим недостатка правдивости, ещё злоупотребляют друг другом. Чувства обманывают рассудок ложными признаками. Разум тоже не остаётся в долгу: душевные страсти помрачают чувства и сообщают им ложные впечатления. Таким образом, оба источника познания истины только затемняют друг друга.

II

Больше всего удивляет меня то, что никто не дивится своей слабости. Люди действуют серьёзно, каждый следует своему образу жизни — не потому, что польза или обычай того требуют, но как будто каждый наверно знает, в чём заключается сущность и истина. Мы то и дело убеждаемся в своих ошибках, но по какому-то странному смирению думаем, что это происходит от наших частных недостатков, а не от того, что мы всегда слишком уверены в безошибочности своих суждений. Но для славы скептицизма хорошо, что на свете столько подобных людей — не скептиков; ибо этим доказывается способность человека к самым чудовищным мнениям вследствие его склонности думать, что он не только свободен от природной и неизбежной слабости, но, напротив, от природы одарён мудростью.

III

Нас вводят в заблуждение не одни только прежние впечатления: ту же власть над нами имеют и прелести новизны. Отсюда происходят все пререкания между людьми: одни упрекают нас в том, что мы руководимся впечатлениями детства, другие — что мы слишком смело идём за новизной. Кто же держится золотой середины? Пусть он явится и укажет нам её.

Нет понятия, каким бы естественным оно ни было, даже привычного с детства, которое не называли бы ложным впечатлением — плода науки или чувств. Так как, говорят, вы с детства привыкли считать ящик пустым, потому что ничего в нём не видели, то и пришли к убеждению, что пустота возможна; это обман ваших чувств, укрепившийся в вас благодаря привычке, и его необходимо исправить наукой. Другие же говорят: вам в школе внушили, что пустоты не существует, — этим исказили ваш здравый смысл, который был здрав до тех пор; теперь необходимо прибегнуть к вашему природному рассудку, чтобы исправить это ложное впечатление. Кто же нас обманывает — чувства или наука?

В нас есть и другая причина заблуждений — болезни. Они повреждают и рассудок, и чувства. Если ощутим вред от сильных болезней, то несомненно, что и малые недуги оказывают свою долю влияния на человека. Наш личный интерес — вот ещё чудесное орудие, которым мы с удовольствием выкалываем себе глаза. Самому правдивому человеку не позволяется быть судьёй в своём деле. Я знаю таких, которые, чтобы не впасть в подобное самолюбие, делали величайшие несправедливости — в обратную сторону. Верное средство проиграть самое чистое дело — обратиться за помощью к близким родственникам. Справедливость и правда — две такие тонкие острия, что наши орудия слишком тупы и к ним не подходят. Касаясь острия, они загибают его и попадают скорее на ложное, чем на истинное.

IV

Ум величайшего в мире судьи не настолько самостоятелен, чтобы не смутиться от первой суматохи, которая произойдёт около него. Не нужно пушечного выстрела, чтобы нарушить течение его мыслей; для этого достаточно скрипа флюгера или блока. Не удивляйтесь, что он рассуждает плохо: муха жужжит над его ухом — этого довольно, чтобы сделать его неспособным к правильному решению. Если вы хотите дать ему возможность найти истину,

прогоните животное, которое беспокоит его рассудок и смущает эту могучую мысль, правящую городами и царствами. Вот он — забавный божок! «O ridicolosissimo errore!» (О ты забавнейшее заблуждение!)

V

Как трудно предложить что-нибудь на обсуждение другого, не повредив его суждению самым способом предложения! Если сказать: «я нахожу, что это хорошо» или «что это неясно», и тому подобное, — то мнение судьи или увлекается этим суждением, или, напротив, раздражается. Лучше ничего не высказывать, и он будет судить о предмете, каков он есть, то есть сообразно тому, каким он кажется в данный момент, и согласно другим обстоятельствам, придающим предмету вид не по своей воле. Но если вы и не высказали никаких замечаний, то весьма возможно, что самое молчание ваше произведёт своё действие — смотря по тому, как он к нему отнесётся, как объяснит себе его; и, может быть, если он физиономист, то самое выражение вашего лица или тон вашего голоса повлияют на его решение. Так трудно не сдвинуть суждение с его природного основания, — или, скорее, как мало вообще есть твёрдых, незыблемых суждений!

VI

Самое важное в жизни — выбор ремесла. Выбор этот зависит от случая. По обычаю становятся каменщиком, солдатом, кровельщиком. «Он хороший кровельщик» или «солдаты дураки», — говорят одни; другие выражаются наоборот: «великое дело — только война, остальные занятия — пустяки». Как с детства наслушаются похвал известным ремеслам и порицания всех других, так и выбирают, ибо каждый естественно ищет похвального занятия, а не смешного.

Отзывы окружающих несомненно действуют на нас; мы ошибаемся только в их применении. Сила обычая так велика, что из тех, кого природа создала просто людьми, вырабатываются представители всевозможных специальностей: целые области дают только каменщиков, другие — только солдат и т.д. Конечно, природа не так однообразна, но она подчиняется обычаю. Иногда берёт верх и сама природа, удерживая человека в его природных наклонностях — несмотря на обычай, хорош он или плох.

VII

Мы никогда не ограничиваемся настоящим. Желаем, чтобы скорее наступило будущее; сожалеем, что оно как будто медленно подвигается к нам; или вспоминаем прошедшее, хотим удержать его, а оно быстро убегает от нас. Мы так неразумны, что блуждаем во временах, нам не принадлежащих, не думая о том, которое дано нам. Мы суетно пребываем мыслью во временах, которых уже нет, и без размышления упускаем настоящее. Оно-то именно всегда и не нравится нам. Мы стараемся не видеть его, когда оно приносит горе; если же оно доставляет удовольствие — с сожалением смотрим, как оно бежит от нас, стараясь поддержать его будущим и думая располагать вещами, не нам принадлежащими, и во времени, до которого, кто знает, доживём ли.

Пусть каждый исследует свою мысль: окажется, что она всегда занята или прошедшим, или будущим. О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то лишь ради того, чтобы из него научиться располагать будущим. Настоящее никогда не составляет нашей цели: прошедшее и настоящее — лишь средства, а цель — одно будущее. Таким образом, мы никогда не живём, а только надеемся жить; и, так как всегда рассчитываем на счастье, то, несомненно, никогда его не достигаем (если стремимся лишь к тому, которое может быть уделом этой жизни).

VIII

Наше воображение так расширяет перед нами конечное время здешней жизни вследствие постоянного размышления о нём и так уменьшает вечность — благодаря недостаточному

размышлению о ней, — что из вечности делаем ничто, а из ничего — вечность. И всё это так глубоко укоренилось в нас, что никакая сила рассудка не может защитить нас от этого.

IX

Кромвель готов был потрясти весь христианский мир: семейство короля погибло, его же, казалось, навсегда приобрело могущество; но мелкая песчинка попала в его мочевой пузырь — и что же? Когда самый Рим начинал трепетать перед ним, эта малая песчинка умертвила его, низвела его семейство в прежнее состояние, навела мор и восстановила короля на престоле.

X

Воля — один из главных органов верования: она не образует верования, но даёт оценку вещам, которые можно считать истинными или ложными — смотря по тому, как смотреть на них. Воля, отдающая преимущество одному предмету перед другим, отвращает разум от исследования свойств вещи, ей неугодной; а потому ум, идущий в ногу с волей, останавливает своё внимание на том, что укажет воля, и судит по тому, что видит.

XI

Воображение увеличивает малые предметы до того, что они всецело наполняют нашу душу, и, по безрассудной дерзости, уменьшает великие предметы до своих собственных размеров, говоря, например, о Боге.

XII

Все занятия людей клонятся к приобретению имущества, но люди не сумели бы доказать, что владеют им по всей справедливости. Право их основывается только на фантазии законодателей, и самая прочность владения весьма сомнительна. То же и по отношению к знаниям: болезнь отнимает их у нас.

XIII

Если бы нам каждую ночь снилось одно и то же, то это производило бы на нас такое же впечатление, как если бы мы видели эти предметы в действительности. Если бы ремесленник наверняка рассчитывал каждую ночь, в продолжение двенадцати часов, видеть себя королём, то, полагаю, он был бы почти так же счастлив, как король, которому каждую ночь, в течение двенадцати часов, снилось бы, что он ремесленник. Если бы каждую ночь нам снилось, что нас преследуют враги или что мы находимся в тягостных обстоятельствах, а все дни проводим в разнообразных занятиях, как это бывает при действительности, то мы страдали бы от этого почти так же, как если бы это было наяву, и нам стало бы страшно засыпать — как страшно бывает проснуться, когда нас действительно ожидают подобные неприятности.

И, в самом деле, эти грёзы были бы едва ли не тягостнее, чем самая действительность. Но так как сны разнообразны и изменчивы, то и впечатления от них гораздо слабее, чем от видимого наяву, ибо последнее, хотя и с переменами, но повторяется чаще и постоянно. Кроме того, перемены эти не так неожиданны и, главным образом, бывают только при обстоятельствах. Поэтому тогда говорят: «мне кажется, что я грежу», ибо самая жизнь — тот же сон, только менее непостоянный.

XIV

Мы предполагаем, что все люди одинаково воспринимают впечатления внешних предметов; но предположение это делаем наугад, ибо никаких доказательств тому не имеем. Я понимаю, что одинаковые слова употребляются в тождественных случаях, и всякий раз, когда двое видят, что тело или предмет переменяет своё место, оба выражают впечатление от одного и того же предмета одними и теми же словами, говоря тот и другой, что он движется. Из этой тождественности определений выводят сильное доказательство

тождественности идей. Но последняя вряд ли доказывается этим окончательно, хотя и многое можно сказать в защиту такого вывода. Мы знаем, что одни и те же последствия нередко выводятся из различных предположений.

XV

Видя действие, повторяющееся постоянно при одних и тех же данных, мы выводим из этого понятие естественной необходимости, как ожидаем, что завтра будет день и т.д.; но часто природа нас обманывает и не подчиняется своим собственным законам.

XVI

Люди имеют две соприкасающиеся между собой крайности: первая — то полное естественное неведение, в котором находятся все люди при рождении; другой крайности достигают великие умы, которые, пройдя всё доступное людям знание, убеждаются, что ничего не знают, и, таким образом, приходят к тому же неведению, с которого начали. Но это уже — ученое, сознательное неведение. Вышедшие из естественного неведения и не достигшие ученого сознательного принимают некоторый вид самодовольного знания и разыгрывают из себя учёных. Они смущают мир и обо всём судят хуже прочих. Управляют же миром, по обыкновению, толпа и мудрецы; остальные — презирают свет или презираемы им.

V. Жалкое состояние человека

(Ничто так не способно познакомить нас с жалким положением людей, как исследование истинной причины их бедствия. Жизнь дана человеку на короткое время; он знает, что это лишь переход к вечному путешествию и что нужно приготовиться к нему в короткий срок человеческой жизни. Естественные потребности отнимают у него большую часть этого времени, так что на его собственную долю остаётся совсем немного. Но и этот краткий досуг почему-то так тяготит и затрудняет его, что, кажется, он только и заботится о том, как бы от него избавиться. Для него невыносимо жить с самим собой и думать о себе. Он стремится только к самозабвению, старается провести это столь короткое и драгоценное время без размышления, в занятиях, способных отвлечь всякую мысль об ожидающей его вечности.

Вот источник всех суетных занятий, всякого так называемого развлечения или препровождения времени. Цель этого — проводить время, не чувствуя его, или, скорее, не чувствуя самого себя; избегать внутреннего недовольства, которое бы непременно возникло в душе человека, если бы он употребил это убиваемое время на размышление о самом себе. Душа не находит в себе никакого удовлетворения. Каждый взгляд внутрь себя приносит ей огорчение. Это принуждает её искать утешения вне себя, привязываться к предметам внешним, чтобы всячески изгладить мысль о своём действительном положении. Радость её — в самозабвении; и чтобы сделать её несчастной, достаточно оставить её наедине с самой собой.)

I

На людей с детства возлагается обязанность заботиться о своей чести и имуществе, а также о чести и имуществе их друзей. Их обременяют делами, обучают языкам и наукам, внушая при этом, что счастье заключается в здоровье, чести и богатстве — как их самих, так и друзей, — и что недостаток одного из этих благ влечёт за собой потерю счастья. Таким образом, им дают дела и занятия, которые потом мучают их всю жизнь. Вот, скажете вы, странный способ приносить людям счастье! Не вернейшее ли это средство сделать их несчастными?

Хотите знать, как можно достичь этого? Стоило бы только отнять у них все эти заботы — тогда бы они увидели самих себя, стали бы думать, что они такое, откуда и куда идут. Но

трудно привлечь их к таким занятиям и отвлечь от иных. Поэтому, наградив их множеством дел, советуют им каждую свободную минуту употреблять на развлечения, игру и всячески занимать себя.

II

Стараясь иногда объяснить себе, почему люди подвергают себя трудам и опасностям при дворе, на войне; откуда происходят столько споров, страстей, смелых и нередко безрассудных предприятий, — я часто приходил к тому заключению, что всё несчастье людей происходит только от того, что они не умеют спокойно сидеть в своей комнате. Человек, имеющий средства к жизни, если бы находил удовольствие сидеть дома, не захотел бы пускаться в путешествия по морю или участвовать в осаде крепости. Он только тогда решился бы платить за место в армии, когда ему стало бы невыносимо оставаться в городе.

Бесед, развлечений и шумных занятий ищут только потому, что не находят никакого удовольствия сидеть дома. Но, присмотревшись ближе и найдя причину всех наших несчастий, я захотел узнать, в чём коренится она сама. Оказалось, что начало её заключается в естественном злополучии нашей слабой и смертной природы. Это состояние настолько жалкое, что нет никаких средств утешить себя, коль скоро задумаешься о нём. Какое бы положение себе ни представил, какие бы богатства ни вообразил, — всё же положение государя кажется лучшим на свете.

Но, думаю, если бы и ему, которому предоставлено всевозможное довольство, пришлось остаться без развлечений и углубиться в самого себя, в своё положение и значение, — эта полнота земных благ не смогла бы его поддержать. Ему невольно пришли бы на ум мысли о возможности восстания, наконец, о неизбежных болезнях и смерти; так что, едва он очутится без развлечения, как становится несчастным — и даже более несчастным, чем любой из его играющих и забавляющихся подданных. Монаршее достоинство само по себе разве не настолько велико, чтобы осчастливить носящего его? Нужно ли ещё развлекать его этой мыслью, как обыкновенных людей?

Я понимаю, что можно принести счастье человеку, отвлекая его внимание от домашних невзгод и наполняя его помыслы заботой — как бы выучиться хорошо танцевать; но пригодно ли это для государя? Будет ли он счастливее, развлекаясь, чем созерцая своё величие? Какой более достойный предмет может занимать его мысли? Не значило ли бы лишать его радостей, занимая его ум размышлением о том, как лучше кидать шар, вместо того чтобы предоставить ему спокойно созерцать окружающее его величие? Попробуйте: оставьте короля совершенно одного, без всякого удовлетворения чувств, без умственных забот, без общества — чтобы он мог на свободе подумать о себе, — и вы увидите, что король без развлечения вполне жалкий человек.

Поэтому-то тщательно этого избегают, и в королевской свите всегда находится множество людей, обязанность которых — доставлять государю после всякого дела забавы, так что незанятого времени у него никогда не остаётся. Другими словами, короли окружены людьми, заботящимися зорко следить за тем, чтобы король не оставался наедине с собой и не имел повода размышлять о себе, — хорошо зная, что при всём его королевском достоинстве он станет жалок, как только начнёт думать о себе.

Люди, занимающие высокие должности, поддерживаются главным образом тем, что они непрестанно отвлечены от мысли о себе. Обратите внимание на положение министра, канцлера, первого президента: с утра до вечера их осаждает множество людей, не оставляя им ни одного часа в течение целого дня, чтобы они могли подумать о себе. Но когда они впадают в немилость и вынуждены удаляться в свои поместья, где у них нет недостатка ни в

богатствах, ни в слугах, готовых удовлетворить каждому их требованию, — они, однако, начинают чувствовать своё ничтожество, ибо никто уже не мешает им предаваться размышлениям о самих себе.

По той же причине мы ищем женского общества, идём на войну, стремимся к высоким должностям; но потому, что в них действительно заключается счастье, и мы не воображаем себе, будто истинное благополучие в деньгах, которые можно выиграть в карты, или в зайце, которого гоним. Мы отказались бы принять такое счастье, если бы оно было предложено само по себе. Мы ищем не этого вялого и покойного пользования, при котором мы не освобождались бы от мыслей о нашем бедственном положении; нас привлекают не опасности войны, не трудности, сопряжённые с высокими должностями; нам нужна суета, которая развлекала бы нас и не давала места столь неприятным мыслям.

Но по этой же причине мы так любим шум и передвижение; оттого так страшно тюремное заключение; оттого непостижимо для нас, как могут люди находить удовольствие в уединении. Участь монархов завидна во мнении людей, потому что приближённые их заботятся о доставлении им беспрестанно всевозможных удовольствий и развлечений.

Вот всё, что могли изобрести люди, чтобы сделать себя счастливыми. Умничающие на эту тему и порицающие людей за то, что они по целым дням охотятся на зайца и не хотят попросту добыть его покупкой, плохо знают человеческую природу. Этот заяц не избавил бы нас от вида смерти и бедствий, но предохраняет от того охота. Поэтому, если бы они, упрекнув в суетности искомого ими с таким усердием, как следует подумав, ответили, что в этом они ищут усиленного и бурного занятия, которое бы отвлекло их от мысли о себе, и что ради этого они стремятся к предмету, могущему прельстить и привлечь их к себе всецело, — то противники их не нашли бы, что возразить им. Но они не отвечают подобным образом, ибо не знают самих себя; не знают, что не добыча, а самая охота — предмет их стремлений.

Сии воображают, что, получив такую-то должность, могли бы насладиться покоем, и не чувствуют всей ненасытности своей природы. Они уверены, что искренно стремятся к покою, а на деле ищут только забот.

В них есть тайный инстинкт, заставляющий их искать развлечений и внешних занятий и вызываемый постоянным ощущением своего безотрадного положения. Есть в них и другой тайный инстинкт, остаток величия нашей первобытной природы, внушающий им, что действительное счастье заключается только в покое, а не в суете. Эти два противоположные инстинкта сливаются в них в одно смутное предчувствие, скрывающееся от их взоров в глубине души, побуждающее их стремиться к покою через возбуждение и как бы всегда говорящее им, что удовлетворение, которого они лишены, наступит, если, поборов некоторые представляющиеся им трудности, они сумеют открыть себе тем путь к успокоению.

Так протекает вся жизнь. Ищут покоя в борьбе с некоторыми препятствиями. Коль скоро последние побеждены, покой делается невыносимым, так как приходится думать или о бедствиях, уже существующих, или угрожающих в будущем. Если бы даже казалось, что отовсюду мы ограждены от невзгод, то скука, пользуясь своей особой властью, не замедлила бы подняться из глубины сердца, где она глубоко укоренилась от природы, и наполнила бы ум своим ядом.

Трудно было исполнить совет успокоиться, данный Пирру, который искал покоя в утомлении себя беспрерывными подвигами. Человек так несчастлив, что, просто в силу своего природного свойства, ему не избавиться от скуки даже тогда, когда, по-видимому, для неё нет никакой непосредственной причины. В то же время он так суетен, что, когда у него

тысячи существенных причин быть печальным, пустейшая вещь, в роде игры на бильярде, может его рассеять.

Но, скажете вы, какой интерес его во всём этом? А интерес тот, чтобы завтра похвалиться в кругу друзей, что он играл лучше другого. Так иные корпят в своём кабинете, чтобы показать учёным, что они сумели разрешить какую-нибудь алгебраическую задачу, до них не решённую. Многие опять подвергают себя всевозможным опасностям, чтобы потом иметь возможность похвалиться участием во взятии крепости, и, по моему мнению, то же глупо делают. Третьи, наконец, убивают себя, трудясь над описанием всех этих подвигов, не для того чтобы умудрить себя ими, но чтобы показать только, что они их знают. Эти последние всех глупее, потому что глупы сознательно, когда о других можно ещё сказать, что они бы не стали этого делать, если бы понимали, что делают.

Такой человек проводит жизнь без скуки, играя каждый день по маленькой. Давайте ему всякое утро деньги, которыми он может ежедневно выигрывать, но с условием, чтобы он не играл совсем, — и вы сделаете его несчастным. Скажут, может быть, что он в игре ищет развлечения, а не выигрыша. Так пускай он играет даром: вы увидите тогда, что он не будет горячиться, зато станет скучать за игрой. Стало быть, он ищет не одного развлечения: вялое и бесстрастное удовольствие наведёт на него скуку. Ему необходимо возбуждение, самообман от мысли, что он будет счастлив, выиграв, хотя и не желал бы получить выигрыш при обязательстве не играть совсем. Ему непременно нужен предмет страсти, который бы возбуждал его желания, его гнев, его страх, подобно тому, как дети пугаются ими же намалёванного лица.

Отчего это происходит, что человек, потерявший несколько месяцев тому назад единственного сына, удручённый тяжбами и процессами, так горевавший ещё сегодня утром, теперь вдруг как бы и думать перестал о своём горе? Не удивляйтесь этому: он всецело занят наблюдением, где пройдёт кабан, которого вот уже шесть часов, как неистово преследуют собаки. Что ещё ему нужно? Человек, как бы сердце его ни было переполнено горестью, раз удастся увлечь его в какую-нибудь забаву, счастлив, пока она продолжается. И при всевозможном счастье, если он не развлечён, не поглощён какой-либо страстью или забавой, мешающей скуке овладеть им, он скоро впадает в грусть и становится несчастным. Без забавы нет радости, как за забавою нет печали. Таким-то образом составляется благополучие лиц высшего общества, окружённых множеством людей, развлекающих их и тем поддерживающих их благополучие.

III

Легче умереть, не думая о смерти, чем перенести мысль о смерти, не подвергаясь опасности.

IV

Если бы человек вообще был счастлив, он чувствовал бы себя тем счастливее, чем меньше бы его развлекали. Но такое счастье ведомо только Богу и святым. Да, но разве не значит быть счастливым — находить удовольствие в забаве? Нет, ибо это счастье внешнее и зависит от множества случайностей, которые могут быть причиною неизбежных огорчений.

V

Единственным средством, утешающим нас в наших горестях, служит развлечение; но в то же время в нём и величайшая наша беда, потому что именно оно мешает нам думать о себе. Не будь его, мы жили бы в скуке, а эта скука побудила бы нас искать более верных средств, чтобы от неё избавиться. Но развлечение услаждает нас, и с ним мы незаметно доживаем до смерти.

VI

Состояние человека: непостоянство, скука, беспокойство.

VII

Суетен тот, кто не замечает суетности мира. А кто не видит её, кроме молодёжи, всецело поглощённой шумом, забавами и мыслью о будущем? Но отнимите у неё развлечения — и вы увидите, как она станет пропадать от скуки. Она инстинктивно почувствует тогда своё ничтожество, ибо действительно великое несчастье — испытывать невыносимую скуку, когда поневоле приходится сосредоточивать свои мысли на самом себе, за неимением чем развлечься.

VIII

Если бы наше положение было действительно счастливое, то не требовалось бы отвлекать нас от мысли о нём, чтобы сделать нас счастливыми. Немного нужно для нашего утешения, потому что немного достаточно, чтобы нас опечалить.

IX

Всего невыносимее для человека — это полный покой: без страсти, без дела, без развлечения. Он чувствует тогда своё ничтожество, своё несовершенство, свою зависимость, немощь, пустоту. Немедленно из глубины души поднимается скука, мрак, горечь, печаль, досада, отчаяние.

X

Когда солдат или работник жалуются на свой труд, оставьте их без всякого дела — и вы увидите, как им станет ещё тяжелей.

XI. ФИЛОСОФЫ

Прекрасное дело — кричать человеку, который сам себя не знает, чтобы он шёл сам по себе к Богу! Не лучше ли говорить это тому, кто знает себя?

Э. Гавэ комментирует это место следующими словами: «Если он не знает себя, то как знать ему Бога? Зная же себя, он понимает, насколько он слаб и несовершенен, а потому не может сам по себе обратиться к Богу без помощи благодати». (Перев.)

XII. О КАНТЕ И ИСТИННОМ БЛАГЕ

Люди обыкновенного уровня полагают своё благо в богатстве, вообще — во внешних предметах, или, по меньшей мере, в развлечении. Философы указали на суетность всего этого, и каждый из них объяснял благо по-своему. У философов можно насчитать 288 высших благ. *(По словам Варрона, приводимым бл. Августином (De Civitate Dei, XIX, 2), в отношении понятия о высшем человеческом благе можно было насчитать двести восемьдесят восемь сект. (Прим. Э. Гавэ))*

Спор о высшем благе: «Ut sis contentus temetipso, et ex te nascentibus bonis» (Чтобы ты был доволен самим собой и благами, рождающимися из тебя самого). В этих словах противоречие, ибо они (философы-стоики) советуют, наконец, самоубийство. О, как счастлива должна быть жизнь, от которой бегут, как от чумы!

XIII

Так как природа во всяком положении делает нас несчастными, то недостающее нам счастье мы стараемся вообразить себе, присоединяя к состоянию, в котором находимся, удовольствия, присущие состоянию, в котором не находимся. Достигнув же этих удовольствий, мы не нашли бы в них счастья, так как возымели бы новые желания, согласные с этим новым состоянием.

XIV

Люди, не будучи в силах избежать смерти, бедствий и неведения, вознамерились ради счастья совсем о них не думать. Вот всё, что они могли изобрести для облегчения себя от стольких зол. Но это утешение очень жалкое, ибо ведёт не к исцелению зла, а только к временному сокрытию его; а скрывая зло, мы удаляем мысль о его действительном исцелении. Таким образом, благодаря странному извращению природы человека, выходит, что скука — самое чувствительное для него зло — как будто становится до некоторой степени его величайшим благом, будучи в состоянии более всего заставить человека подумать об истинном врачевании.

По такой же иронии развлечение, которое он считает своим величайшим благом, в действительности есть его величайшее зло, ибо более прочего отвлекает его от искания средства против своих зол. То и другое служит замечательным доказательством жалкого и повреждённого состояния человека и в то же время — его величия. Человек скучает от всего и ищет множества занятий потому только, что имеет представление о потерянном им счастье; но, не находя в себе этого счастья, он тщетно ищет его во внешних вещах, ибо счастье это не в нас, не в тварях, а только в одном Боге.

XV

Соломон и Иов лучше всех знали и лучше всех говорили о бедствиях человека — один, будучи самым счастливым, а другой — самым несчастным; один, опытом познавший суетность удовольствий, другой — действительность зол.

VI. Удивительные противоположности, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей

I

Всего поразительнее в человеческой природе — это противоположности, обнаруживающиеся в ней во всём. Человек создан для познания истины; он горячо желает её, он ищет её, но в этих поисках теряет путь и приходит в смущение до такой степени, что добытая им истина легко может быть у него оспариваема. Из этого возникли две секты — пирронисты и догматики: одни хотели отнять у человека всякое знание истины, другие старались уверить его в обладании ею. Но доводы и тех и других столь мало правдоподобны, что лишь увеличивают затруднение и смущение человека, когда у него нет иного руководства, кроме того, которое он находит в своей природе.

Главные доводы пиррони́стов, не говоря о второстепенных, таковы: мы не имеем никакой уверенности в истинности этих природных начал познания, вне веры и откровения; мы чувствуем их лишь по внушению самой нашей природы. А это природное чувство не есть убедительное доказательство их истинности, ибо, раз вне веры нет уверенности, создан ли человек благим Богом, или злым демоном, или произошёл случайно, — он всегда остаётся в сомнении, даны ли нам эти начала истинными или ложными, смотря по нашему происхождению. Более того, никто вне веры не убеждён, бодрствует ли он или спит, потому что и во сне человек считает себя вполне бодрствующим. Во сне мы видим пространства, очертания, движение; видим, как течёт время, измеряем его и действуем так, будто всё это наяву.

Таким образом, по собственному нашему признанию, значительная часть нашей жизни проходит во сне, когда, что бы нам ни казалось, мы не имеем никакого понятия о действительности, ибо во сне чувства наши — простая иллюзия. Следовательно, кто знает, не есть ли и эта другая половина жизни, в которой мы бодрствуем, тоже сон — несколько отличный от первого, от которого мы пробуждаемся, когда полагаем, что спим? Вот главные

положения этой стороны. Я опускаю второстепенные доводы, например, пирронистов против понятий, приобретаемых воспитанием, нравами, климатом и прочим. Эти доводы хотя и увлекают большую часть обыкновенных людей, догматизирующих лишь на этих неверных основаниях, однако легко опрокидываются при малейшем сомнении пирронистов. Кто в этом сомневается, пусть заглянет в их книги — убедится очень скоро, даже слишком.

Я останавливаюсь на единственном общем доводе догматиков, а именно: что, говоря искренно и чистосердечно, нельзя сомневаться в естественных началах познания. Этому пирронисты противопоставляют неуверенность в нашем происхождении, заключающую в себе неуверенность и в нашей природе. На это возражение ответ остаётся за догматиками с незапамятных времён. На этой почве происходит между людьми постоянная борьба. Каждый поневоле принимает в ней участие и примыкает обязательно или к догматизму, или к пирронизму; а кто думает оставаться нейтральным, становится пирронистом в высшей степени. В этой нейтральности и заключается вся их суть: кто не против них, тот за них. Пирронисты не сами за себя: они безразличны, нейтральны, не принадлежат ни к какой стороне — даже к своей собственной.

Что же делать человеку в этом положении? Сомневаться ли во всём? — Сомневаться ли в том, что он бодрствует, что его щиплют, что его жгут? Сомневаться ли ему в том, что он сомневается? — или в том, что он существует? Но это невозможно. И я утверждаю, что никогда не было действительно совершенного пиррониста. Природа поддерживает немощный разум и препятствует ему доходить до подобной крайности. Можно ли, напротив, утверждать, что человек несомненно обладает истиной — человек, который, как ни мало его торопи, не в силах доказать права своего владения ею и по необходимости должен расстаться со своей добычей? Что же такое человек? Какая химера! Какое невиданное, хаотическое существо! Какой предмет противоречий! Какое чудо! Судья всех вещей — бессмысленный червь земной; хранитель истины — смесь неуверенности и заблуждения; слава и отброс Вселенной! Кто разберётся в этом хаосе?

Природа смущает пирронистов, разум путает догматиков. Что же будет из тебя, о человек, который ищешь определить своё действительное положение своим природным рассудком? Тебе нельзя ни избежать одной из этих сект, ни остаться в какой-либо из них. Познай же, гордец, какой парадокс ты сам для себя представляешь. Смирись, немощный ум; умолкни, несмысленная природа. Познай, что человек — существо бесконечно непостижимое для человека. Вопроси у своего Владыки о неведомом тебе истинном твоём состоянии. Послушай Бога. Если бы человек не был повреждён грехом, он, в своей невинности, достиг бы прочного обладания и истиной, и блаженством. Но если бы он был повреждён изначала, то не имел бы никакого представления ни об истине, ни о блаженстве.

Однако, при всём нашем несчастье, и если бы в нашем положении не было никакого начала величия, мы всё же имеем представление о счастье, не будучи в силах достигнуть его; мы чувствуем образ истины, а владеем только ложью. Неспособные ни к абсолютному неведению, ни к несомненному знанию, мы носим в себе очевидное свидетельство, что некогда были на степени совершенства, с которой, к прискорбию, пали. Мы познаём истину не одним разумом, но и сердцем. Этим последним путём мы постигаем первые начала, и напрасно старается оспаривать их разум, который тут вовсе не у места. Напрасен труд пирронистов, стремящихся к этому. Мы знаем, что вовсе не грезим, хотя ум наш бессилен доказать это; но это бессилие свидетельствует лишь о слабости разума, а не о сомнительности всех наших познаний, как утверждают они.

Знание первых начал — например, что существует пространство, время, движение, число — прочно, как ни одно из тех, что приобретаются рассуждением. На эти-то знания сердца и инстинкта должен опираться разум и на них строить свои выводы. Сердцем мы чувствуем,

что в пространстве есть три измерения и что числа бесконечны; а разум потом доказывает, что нет двух квадратных чисел, из которых одно было бы удвоением другого. Начала — чувствуются; а суждения — выводятся. То и другое — с уверенностью, хотя и различными путями. Смешно со стороны разума требовать от сердца доказательств его начал, чтобы согласиться с ними, — так же смешно было бы сердцу требовать от разума чувственного восприятия всех его заключений, чтобы их принять.

Следовательно, это бессилие должно служить лишь к смирению разума, которому хотелось бы судить обо всём, а не к опровержению нашей уверенности, как если бы только один разум был способен руководить нами. Дай Бог, чтобы, напротив, мы никогда не имели нужды в разуме, а познавали всё инстинктом и чувством. Но природа отказала нам в этом благе, сообщив нам лишь немногие понятия такого рода; все другие приобретаются только рассуждением. Так отличается человек от человека в отношении истины; рассмотрим его теперь в отношении счастья, к которому он столь горячо стремится во всех своих действиях. Все люди желают счастья — в этом между ними нет исключения. При всём различии употребляемых ими средств, все стремятся к одной и той же цели. Это заставляет одних идти на войну, а других — не идти; у тех и у других одно и то же желание, только осуществляемое различными путями.

Воля побуждает человека лишь к этому предмету, то есть к счастью. Это побуждение всех действий всех людей — даже самоубийц. Между тем, при всей древности рода человеческого, никто никогда без веры не достиг той цели, к которой все стремятся. Жалуются все: государи и подданные, вельможи и простолюдины, старые и молодые, сильные и слабые, учёные и невежды, здоровые и больные — люди всех стран, времён, возрастов и положений. Такой долгий, постоянный и однообразный опыт должен бы убедить нас в невозможности достичь блага своими собственными силами; но пример этот ничему нас не учит. Потому что между всеми положениями никогда не бывает полного сходства, и всегда встречается, хотя и ничтожное, различие — и по этой причине мы надеемся, что наше ожидание не будет обмануто в этот раз, как было прежде.

Таким образом, никогда не удовлетворённые настоящим, мы позволяем опыту обманывать нас и идём от несчастья к несчастью — к смерти, вечному завершению всех наших стремлений. Что же возвещают нам эта жажда счастья и эта невозможность его достигнуть, если не то, что существовало когда-то истинное счастье, которым человек пользовался, но от которого теперь остался лишь слабый след? Напрасно человек старается наполнить эту образовавшуюся пустоту всем, что его окружает, прибегая к отсутствующим вещам за помощью, которую отказываются дать ему вещи настоящие. Ни те, ни другие не в силах помочь ему, ибо эта бездонная пропасть может быть исполнена только предметом бесконечным и неизменным — то есть самим Богом. Только Он есть истинное благо человека, и с тех пор, как Бог покинул его, ничто в природе не в силах заменить утраченное небо.

С тех пор всё для него стало одинаковым: небо и земля, стихии, растения, животные, разумные твари, болезни, войны, пороки, плен — всё может показаться благом, даже самоубийство, хотя оно противно Богу, разуму и природе. Одни ищут блага во власти, другие — в науках и изобретениях, третьи — в удовольствиях. Некоторые, несколько ближе подошедшие к истине, поняли, что всеобщее благо, желаемое всеми, не может заключаться ни в одной из частных вещей, доступных лишь одному, ибо это благо не должно быть источником зависти. Они поняли, что истинное благо должно быть общим, доступным всем одновременно и в равной мере, чтобы никто не мог быть лишён его против своей воли. Они поняли это — но не нашли. И вместо прочного и действенного блага ухватились за пустой образ фантастического добра.

Инстинкт заставляет нас искать счастья вне себя. Наши страсти влекут нас наружу, даже если перед нами нет предметов, способных нас удовлетворить; внешние вещи искушают и манят нас к себе, даже когда мы о них не думаем. Поэтому, сколько бы философы ни говорили: «Войди внутрь себя — там твоё благо» — им не верят, и верят лишь самые простодушные и пустые. Что может быть смешнее стоиков, у которых столько лжи в их рассуждениях? Они полагают возможным то, что возможно лишь иногда; и думают, что если желание славы побуждает к чему-нибудь одних, то и других может побудить то же. Это возбуждение лихорадочное, которому нормальное состояние не может подражать.

Внутренняя борьба между разумом и страстями заставила ищущих покоя разделиться на две секты: одни хотели отказаться от страстей и стать богами, другие — отказаться от разума и стать животными. Но ни те, ни другие не достигли цели: разум всегда осуждает низость и несправедливость страстей и нарушает покой тех, кто им предаётся; страсти же вечно живут в людях, желающих от них избавиться. Вот чего может достигнуть человек своими собственными силами в отношении истины и блага. Вопреки всякому догматизму, мы бессильны доказать, что обладаем истиной; и никакой пирронизм не в силах отнять у нас этого обладания. Мы жаждем истины — и находим в себе лишь сомнение. Мы ищем счастья — и встречаем только горе и смерть. Мы не в состоянии не желать истины и счастья, но неспособны ни к верному знанию, ни к истинному блаженству. Это желание оставлено нам — столько в наказание, сколько для того, чтобы дать нам почувствовать, с какой высоты мы пали.

II

Если человек не создан для Бога, — почему он счастлив только в Боге? Если человек создан для Бога, — почему он так сопротивляется Богу?

III

Человек не знает, куда себя причислить. Он, видимо, блуждает, пал со своего настоящего места и не может вновь найти его. Он ищет его повсюду — в непроницаемом мраке, с беспокойством, но без успеха.

IV

Представьте себе толпу людей в цепях, приговорённых к смерти; каждый день некоторых из них умерщвляют на глазах у остальных. Выжившие видят своё собственное положение в положении подобных себе, и, глядя друг на друга с чувством безнадёжности, ожидают своей очереди. Вот картина состояния человечества.

VII. Против равнодушия атеистов.

Пусть бы они, по крайней мере, как следует узнали бы оспариваемую ими веру, прежде чем опровергать её. Если бы эта вера утверждала, будто ясно видит Бога, что Он вполне открылся ей, тогда действительно имело бы смысл опровергать её, говоря, что в мире нет ничего такого, что воочию свидетельствовало бы о присутствии Божием. Но она, напротив, говорит, что люди находятся во мраке и отчуждении от Бога, что Он сокрыл Себя от их познания и в Писании Сам называет Себя «Богом сокровенным» (Ис.45:15). Наконец, она сама старается утвердить два положения: что Бог установил в Церкви ощутительные признаки, по которым могли бы узнать Его искренне ищущие, и что в то же время Он настолько сокрыл эти признаки, что видеть Его могут только те, кто стремится к Нему всем сердцем.

Какая же польза для них, если они, будучи столь небрежными искателями истины, жалуются, что ни в чём не могут её открыть? Ибо мрак, в котором они находятся и в котором упрекают Церковь, лишь служит подтверждением одного из её положений, не касаясь

другого, и, следовательно, утверждает её учение, нисколько не разрушая его. Опровержение их имело бы силу только тогда, когда бы они могли с правом сказать, что, употребив все усилия к отысканию истины — даже в том, что указывается самой Церковью как путь к истине, — не достигли удовлетворительного результата. Говоря так, они действительно пошатнули бы одно из притязаний веры. Но я надеюсь показать здесь, что ни один разумный человек не говорил и не может говорить подобным образом.

Известен образ действий людей такого порядка. Они думают, что сделали всё возможное для вразумления себя, употребив несколько часов на чтение какой-нибудь библейской книги и задав несколько вопросов священнику об истинах веры. А потом хвалятся тщетностью своих исканий — и в книгах, и среди людей. Но, право, не могу удержаться, чтобы не повторить уже сказанное: подобная небрежность невыносима. Здесь идёт дело не о каком-нибудь второстепенном вопросе, чтобы можно было так относиться к нему: речь идёт о нас самих и обо всём, что должно быть нам особенно дорого.

Бессмертие души — столь важный вопрос для нас, касается нас так глубоко, что равнодушие к нему служило бы признаком потери всякого сознания. В зависимости от ожидания вечных благ в будущей жизни все наши действия и мысли должны принимать столь различное направление, что невозможно не сообразовывать каждое суждение наше с точкой зрения на этот важнейший для нас предмет. Итак, первый интерес и первый долг наш — уяснить себе этот вопрос, от которого зависит всё наше поведение. Поэтому среди неубеждённых в этом я строго различаю тех, кто всеми силами стремится вразумить себя в этом отношении, и тех, кто живёт, нисколько об этом не заботясь и не думая.

Я могу лишь с сочувствием относиться к людям, которые искренно скорбят, находясь в сомнении, видят в нём величайшее несчастье и, не жалея никаких усилий, стараются рассеять его, считая это стремление своим главным и серьёзнейшим делом. Но что касается тех, которые проводят жизнь, не думая о последней цели жизни и потому только, что не находят в себе данных для убеждения, не заботятся поискать их вне себя и тщательно исследовать — принадлежит ли это мнение к числу наивных народных преданий, или же к темным, но по существу прочным вопросам, имеющим непоколебимое основание, — на таких людей я смотрю совершенно иначе.

Эта небрежность в деле, касающемся самого человека, его вечности, всего, что должно быть ему дорого, не столько трогает, сколько возмущает меня; по-моему, это явление изумительно, ужасно, даже уродливо. И говорю я так не под влиянием священной ревности благочестия, напротив — это чувство должно вытекать из здравого человеческого рассудка, в интересах самого самолюбия. Для этого не нужно особой проницательности — достаточно той, что свойственна самым простым, непросвещённым людям.

Не нужно иметь особенно возвышенную душу, чтобы понять, что в здешней жизни не может быть полного и действительного удовлетворения; что все наши удовольствия — одна суета, а бедствия бесконечны; что, наконец, смерть, угрожающая нам ежечасно, неминуемо поставит нас через несколько лет перед ужасной необходимостью — быть или навеки уничтоженными, или навеки несчастными.
Нет ничего несомненнее и ужаснее этого. Как бы мы ни храбрились — таков конец самой лучшей, в мирском смысле, жизни. Следовало бы поразмыслить об этом и затем сказать, не очевидно ли, что в этой жизни нет иного блага, кроме надежды будущей жизни; что тем счастливее человек, чем ближе он к ней; и что, как нет больших несчастий для того, кто уверен в ожидающей его вечности, так не может быть счастья для тех, кто в этом отношении остаётся во мраке.

Конечно, велико несчастье находиться в сомнении; но мы обязаны, по крайней мере, стараться выйти из него, если оно есть в нас. Поэтому сомневающийся и не ищущий уверенности — крайне несчастлив и, вместе с тем, крайне несправедлив. Если же он при этом спокоен и доволен, хвалится и тщеславится этим, даже находит предмет радости и гордости в таком состоянии — я решительно теряюсь, как назвать подобное нелепое существо.

И откуда могут являться такие чувства? Какая радость — не видеть впереди ничего, кроме неисцелимых зол? Что славного в этом непроницаемом мраке, и как может здравомыслящий человек рассуждать так: «Я не знаю, кто дал мне место в этом мире, ни что такое мир, ни что такое я сам. Я нахожусь в страшном неведении всего. Не знаю ни своего тела, ни своих чувств, ни души, ни даже той части меня, которая мыслит то, что я говорю, размышляет обо всём и о себе самой, — и, однако, столь же мало знает себя, как и всё остальное. Я вижу окружающие меня неизмеримые пространства вселенной, а сам прикован к ничтожному уголку этого необъятного протяжения, не ведая, почему именно здесь, а не там моё место, почему данное мне короткое время назначено именно теперь, а не в другой момент — в предшествовавшей или последующей вечности.

Всё, что я знаю, — это близость моей смерти; и самое недоступное моему познанию — это же неизбежная для меня смерть. Как неизвестно мне моё прошлое, так неизвестно и будущее; одно лишь знаю — что по исходе из этого мира я навеки повергаюсь или в ничтожество, или в руки разгневанного Бога, не ведая, какое из этих двух положений станет моим вечным уделом. Таково моё состояние: полное бедствий, немощей, мрака. И из всего этого я заключаю, что должен проводить все дни своей жизни, не стараясь проникнуть в грядущую судьбу мою. Может быть, мне и удалось бы рассеять свои сомнения; но я не хочу брать на себя этой заботы, не сделаю ни шага навстречу свету, а притом, презирая тех, кто берёт на себя такой труд, без боязни и размышления встречу великое событие — смерть, не будучи уверен в вечности своего будущего состояния».

Кто пожелал бы иметь другом человека, говорящего таким языком? Кто выбрал бы его, чтобы доверить ему свои дела? Кто прибегнул бы к нему в минуту скорби? И, наконец, какую пользу в жизни мог бы принести такой человек? Действительно, для веры достославно иметь врагами столь неразумных людей; их сопротивление не опасно для неё — напротив, служит к утверждению её главных истин. Ибо христианская вера главным образом стремится установить два положения: растление нашей природы и Искупление. А если они не доказывают истины Искупления святостью своих нравов, то, по крайней мере, замечательным образом подтверждают растление природы столь неестественными чувствами.

Ничто не так важно для человека, как его положение; ничто не так страшно, как вечность. Поэтому в людях совершенно неестественно равнодушие к утрате своего бытия и к опасности подвергнуться вечному бедствию. Совсем не так они относятся ко всем другим вещам: боятся всего, стараются всё предусмотреть, всему сочувствуют, и тот самый человек, который проводит столько дней и ночей в досаде и отчаянии из-за потери должности или воображаемого оскорбления чести, — тот же самый человек знает, что со смертью теряет всё, и это его не тревожит. Уродливо видеть в одном и том же сердце столь живую чувствительность к малейшим вещам и такое равнодушие к самым важным.

VIII. Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская вера.

Наша душа поселена в теле, где она находит число, время, протяжение. Она рассуждает об этом, называет это природой, необходимостью — и не может верить иному. Единица, прибавленная к бесконечному, ничем его не увеличивает, как и один фут ничего не прибавит

к бесконечной мере. Конечное уничтожается в присутствии бесконечного и становится чистым ничтожеством. Так и наш ум перед Богом; так и наше правосудие перед правосудием Божиим.

Мы знаем, что есть бесконечное, но не знаем его природы. Мы знаем, что можно считать числа конечными, и потому не сомневаемся, что в числе есть бесконечное; но мы не знаем, каково оно. Неправильно считать его чётным, равно как и утверждать, что оно нечётно, потому что с прибавлением к нему единицы оно нисколько не изменяется в своей природе. Между тем это — число, а всякое число чётно или нечётно; таков, несомненно, характер всех конечных чисел. Таким образом, можно хорошо знать, что Бог есть, не зная, что Он такое. Существование и природа конечного нам известны, потому что мы сами, подобно ему, конечны и имеем протяжение. Мы знаем о существовании бесконечного, не зная его природы, потому что, имея, подобно нам, протяжение, оно не имеет пределов, как мы; но мы не знаем ни существования, ни природы Бога, потому что Он не имеет ни протяжения, ни границ.

Верою, однако, мы познаём Его существование, а в царстве славы откроется нам и Его природа. А я уже доказал, что можно знать о существовании чего-нибудь, не зная его природы. Будем рассуждать теперь на основании природного разума (т.е. вне света веры). Если Бог есть, то Он окончательно непостижим, так как, не имея ни частей, ни пределов, Он не имеет никакого соотношения с нами. Поэтому мы не способны познать ни что Он, ни — есть ли Он. Раз это так, кто осмелится взять на себя решение этого вопроса? Только не мы, не имеющие с Ним никакого соотношения.

Как же после этого порицать христиан за то, что они не могут дать отчёта в своём веровании, когда они сами признают, что их вера не такова, чтобы можно было давать в ней отчёт? Они заявляют, что в мирском смысле это — безумие. А вы жалуетесь, что они вам её не доказывают! Если бы стали доказывать, то не сдержали бы слова: именно это отсутствие с их стороны доказательств и говорит в пользу их разумности. Да, но если ты извиняешь тех, кто говорит, что вера недоказываема, и снимаешь с них упрёк в непредставлении доказательств, то тем самым не оправдываешь принимающих её.

Исследуем этот пункт. Скажем: Бог есть — или Бога нет. Но на какую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этого бесконечного расстояния разыгрывается игра, исход которой неизвестен. На что вы будете ставить? Разум здесь ни при чём, он не может указать вам выбора. Поэтому не говорите, что сделавшие выбор заблуждаются, — вы ничего об этом не знаете.

— Нет, — скажете вы, — я порицал бы их не за то, что они сделали тот или другой выбор, а за то, что они вообще решились на выбор, потому что одинаково заблуждаются и выбравшие чёт, и выбравшие нечёт. Самое верное — совсем не играть.

Да, но делать ставку необходимо: не в вашей воле играть или не играть. На чём же вы остановитесь? Так как выбор сделать необходимо, то посмотрим, что представляет для вас меньший риск. Вы можете проиграть две вещи — истину и благо; и две вещи вам приходится ставить на карту — ваш разум и вашу волю, ваше знание и ваше блаженство. Природа же ваша должна избегать двух вещей: ошибки и бедствия.

Раз выбирать необходимо, то ваш разум не потерпит ущерба ни при том, ни при другом выборе — это бесспорно. Ну, а ваше блаженство? Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмём два случая: если выиграете — выиграете всё; если проиграете — не потеряете ничего. Поэтому без колебаний ставьте на то, что Он есть.

— Отлично, — скажете вы, — следует так поступить; но, может быть, я делаю слишком большую ставку?

Посмотрим. Так как случаи выигрыша и потери одинаковы, то если бы вам представлялась возможность выиграть только две жизни за одну, то и тогда рискнуть этой одной не было бы неразумно. А если бы можно было выиграть три жизни — риск был бы ещё уместнее, так как вы вынуждены играть; и вы поступили бы неблагоразумно, не рискнув своей жизнью ради выигрыша трёх жизней в игре, где случаи выигрыша и проигрыша одинаковы.

Но есть вечная жизнь и вечное счастье. Поэтому было бы глупостью не поставить на карту конечного ради бесконечного, если бы даже из бесконечного числа случаев одна только была на вашей стороне — не говоря уже об игре при равных шансах за и против. Выигрыш и риск здесь уравновешены. Везде, где дано бесконечное и нет бесконечно великого риска проигрыша против вероятности выигрыша, там нечего взвешивать — нужно отдавать всё. Таким образом, будучи принуждены играть, мы, желая сохранить свою жизнь, вместо того чтобы рискнуть ею ради выигрыша бесконечного, столь же возможного, как и проигрыш ничтожества, — доказываем, что действуем вопреки рассудку.

Ни к чему не приведёт возражение, будто рискуешь верным ради гадательного выигрыша, и что бесконечное расстояние, отделяющее несомненность ставки от сомнительности выигрыша, равняется конечному благу, поставленному, несомненно, ради сомнительного бесконечного. Это не так. Всякий игрок рискует с уверенностью ради выигрыша, в котором не уверен, и, тем не менее, он, несомненно, рискует конечным ради сомнительного выигрыша конечного же, нисколько не поступая против разума. Ложно думать, что между уверенностью в ставке и неуверенностью в выигрыше возникает беспечность. Нет: между несомненностью выигрыша и несомненностью ставки достаточно возможности истины, если одна из них возможна.

— Согласен, — скажете вы, — и признаюсь в этом. Но нет ли способа узнать оборотную сторону этой игры?

Как же! Для этого есть Писание и опыт.

— Но у меня руки связаны, я лишён возможности верить.

Поймите, по крайней мере, что вы бессильны и не знаете; желая исцелиться от неверия, спросите об этом у тех, которые, подобно вам, были некогда в сомнении, а теперь жертвуют всем своим достоянием. Эти люди знают путь, которым вы намерены идти, и излечились от недуга, от которого и вы хотите избавиться. Начните так, как начали они: они начали с того, что делали всё так, как если бы уже веровали — брали святую воду, заказывали обедни и т. д. Это и научит вас верить и смирит ваш ум.

Нужно сделаться безумным, чтобы быть мудрым.

— Но этого-то я и боюсь.
Почему же? Что вы этим потеряете?

Верность этого средства для нашей цели доказывается уже способностью его смягчать страсти, которые служат воле значительным препятствием и т.д. Да и чего дурного можете вы опасаться от этого решения? Вы сделаетесь верным, честным, скромным, признательным, благодетельным, искренним, истинным другом. Да, вы откажетесь от заразительных удовольствий, славы и наслаждений; но разве вам нечем будет заменить их? Говорю вам: вы останетесь в выигрыше уже в этой жизни. С каждым вашим шагом по этому

пути вам будет представляться выигрыш столь несомненным, а риск — столь ничтожным, что вы, наконец, убедитесь: держали пари на нечто действительно несомненное, бесконечное, за которое ничем не поплатились.

«О, я в восторге от этой беседы...»

Если эта речь вам нравится и кажется сильной, знайте, что она написана человеком, который до и после неё становился на колени и молился Бесконечному Существу, Которому он предаётся всецело, чтобы Он предал Себе и вас — ради вашего блага и Его славы. Знайте, что сила совершается в немощи.

IX. Признаки истинной веры

I.

Истинная вера должна обязывать любить своего Бога — и это весьма справедливо. Между тем только одна наша вера возлагает эту обязанность. Она должна также признать греховность и немощность человека (невозможность достичь добродетели самостоятельно); наша вера это исполнила. Она должна дать средства для этого, одно из которых — молитва. Никакая другая вера никогда не просила у Бога помощи в любви и послушании Его воле.

II.

Истинная природа человека, его истинное благо, истинная добродетель и истинная вера — вещи, познание которых неразделимо.

III.

Чтобы быть истинной, вера должна знать нашу природу, наше величие и одновременно наше ничтожество, а равно и причины того и другого. Какая другая вера, кроме христианской, познала это?

IV.

Другие религии, например языческие, более доступны для простого народа, ибо ограничиваются одной внешней стороной, но не пригодны для мыслящих людей. Последним более соответствовала бы чисто умственная религия; зато она не годилась бы для народа. Одна христианская вера отвечает этим обоим требованиям: в ней есть и внешняя, и внутренняя сторона. Она возвышает народ до понимания внутреннего содержания и принижает горделивых до внешней стороны; без этого она была бы несовершенна, ибо необходимо, чтобы народ понимал дух буквы, а мыслящие и рассуждающие подчиняли свой ум букве. Внешность должна сопровождать внутреннее настроение, чтобы просить чего-либо у Бога, т. е. нужно становиться на колени, молиться устами и т.д., так чтобы гордый человек, не желавший подчиниться Богу, поднёсся теперь в подчинение твари. Ожидание помощи только от внешности было бы суеверием; нежелание присоединить её к внутреннему содержанию обличало бы гордость.

V.

Никакая другая вера не учила человека ненавидеть себя. Поэтому никакая другая вера не может нравиться тем, кто ненавидит себя, ища существа действительно достойного любви. Такие люди, если бы никогда не слышали о вере, уничиженной Бога, приняли бы её немедленно. Ни одна вера (кроме христианской) не признала в человеке самой совершенной и в то же время самой жалкой тварь. Одни, хорошо сознавая его совершенства, считали низостью и неблагодарностью те невысокие понятия, которые люди естественно имеют о себе; другие же, вполне понимая всю справедливость низкого понятия

о себе, встречали презрительной насмешкой это одинаково свойственное ему сознание величия. Только наша вера научила, что человек родится во грехе; никакая философская секта этого не сказала, стало быть, и ни одна не сказала правды.

VI.

Если бы существовала только одна вера, то Бог был бы очень явен, как и в случае, если бы мученики были только в нашей вере.

VII.

Так как Бог сокровенен, любая религия, которая не говорит, что Бог сокровенен, и не объясняет этого, ложна и не поучительна. Наша вера, наоборот, говорит: Истинно, Ты Бог сокровенный (Исаия 45:15; Иоанна 3:50). Эта вера, заключающаяся в веровании, что человек из состояния славы и общения с Богом впал в состояние печали, раскаяния и удаления от Бога, и что после этой жизни мы будем восстановлены в наше первобытное состояние и увидим Мессию, существовала всегда на земле. Всё миновало, не миновала только эта вера, ради которой всё существует.

Люди в первые века бытия совратились во всякое беззаконие и непорядок, но между ними были святые, как Енох, Ламех и другие, которые терпеливо ждали Христа, обещанного от начала мира. Ной был свидетелем высочайшей степени человеческой злобы и удостоился быть восстановителем человечества, нося в себе надежду о Мессии, которого он был прообразом. Авраам был окружен язычниками, когда Бог сообщил ему тайну пришествия Мессии, которого он приветствовал издали. Во времена Исаака и Иакова даже народ Израиля был подвержен идолопоклонству, но избранные люди продолжали носить в себе пророческую мысль о Мессии. Несмотря на все перемены, разделения и нападения, христианская вера пребывала, не нарушаясь и не покоряясь власти государств, что свидетельствует о её божественной силе.

VIII.

Истина имела видимые признаки: она сохранялась в Церкви и видимом обществе. Истина была бы слишком ярка, если бы в Церкви было только одно мнение; чтобы узнать истинное, нужно распознать мнение, которое всегда пребывало в Церкви. Несомненно, что истинное мнение всегда пребывало, ложное — непрочно и со временем исчезало. Таким образом, вера в Мессию существовала всегда и непрерывно. Пророки предсказывали события, которые, совершаясь во времени, свидетельствовали об истинности их служения, а следовательно, и о непреложности обетований касательно Мессии. Иисус Христос творил чудеса, равно как и апостолы, обращавшие язычников; таким образом исполнились все пророчества, доказав истинность Мессии.

IX.

Вижу несколько противоречивых, а следовательно, ложных религий, за исключением одной. Каждая хочет уверить в себе своим авторитетом и угрожает неверным. Я не даю им веры. В христианской вере я нахожу пророчества и их исполнение, чего нет ни в какой другой религии.

X.

Единственная вера, противная природе в нынешнем её состоянии, отвергающая все наши удовольствия и кажущаяся несогласной со здравым смыслом, одна только и пребывала на земле постоянно.

XI.

Весь ход вещей должен укреплять величие веры; люди должны иметь в себе чувства, согласные с её учением; она должна быть предметом и средоточием всех стремлений,

чтобы постигший её учение мог уяснить себе как природу человека в частности, так и всю внутреннюю историю человечества вообще.

Нечестивцы хулят христианскую веру, потому что плохо знают её. Они воображают, что она состоит только в поклонении великому, могущественному и вечному Богу. Это — деизм, почти столь же далёкий от христианской веры, как и атеизм, противоположный ему. Но никакие выводы относительно деизма не могут противостоять христианской вере, заключающейся в тайне Искупителя, который, соединяя в Себе божественную и человеческую природу, освободил людей от греха, чтобы примирить их с Богом.

Она указывает человеку одновременно две истины: что существует Бог, к которому он может приблизиться, и что есть повреждение в природе человека, делающее его недостойным Бога. Оба знания необходимы: опасно знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать своё ничтожество, не ведая Мессии, способного его исцелить. Христианская вера объединяет оба знания и в этом её сущность.

XII.

Только слепой не заметит, что человек исполнен высокомерия, тщеславия, похотей, слабостей, ничтожества и неправды. Что можно сказать о человеке, который, сознавая это, не желает избавления? Как не уважать веру, так хорошо знающую наши недостатки? Как не желать оправдания её истины, когда она обещает столь желанное исцеление?

X. Истинная вера доказывается заключающимися в человеке противоположностями и первородным грехом.

I.

Великие и жалкие стороны настолько заметны в человеке, что истинная вера необходимо должна объяснить какими-нибудь важными причинами это одновременное величие и ничтожество. Если всё имеет одну причину и всё ведёт к одной цели, то дело истинной веры — научить нас почитать и любить только одну эту цель. Но так как мы не в состоянии почитать того, чего не знаем, а любить можем только самих себя, то необходимо, чтобы вера, указывая нам эти обязанности, указала нам также нашу несостоятельность и научила нас, как помочь ей.

Чтобы сделать человека счастливым, она должна показать ему, что есть Бог, что мы обязаны любить Его, что наше истинное благо — пребывать в Нем, и наше единственное несчастье — быть в разлучении с Ним; что мы полны мрака, мешающего нам познавать и любить Его, и что, таким образом, мы окончательно неправы, не исполняя своего долга любви к Богу, а подчиняясь влечениям плоти. Она должна объяснить нам причину противления нашего Богу и собственному благу; указать нам средства против этих немощей и каким образом приобрести эти средства. Испытайте в этом отношении все религии мира, и вы не найдете ни одной, кроме христианской, которая удовлетворяла бы этим требованиям.

Не укажут ли нам философов, которые говорят, что всё благо заключается в нас самих? Истинное ли это благо? Нашли ли они средство против наших зол? Приравнять человека к Богу — значит ли исцелить его самопадение? Ставящие нас наравне с животными и мусульмане, полагающие всё благо человека в удовлетворении его плотских наклонностей даже и в будущей вечной жизни, разве они дали нам средство против наших плотских вожделений?

«Поднимите ваши взоры к Богу», — говорят одни, — «посмотрите на Того, которому вы уподоблены и который создал вас для поклонения Ему; мудрость уравняет вас с Божеством,

если вы будете ей следовать». Другие же говорят: «Опусти взор долу, ничтожный червь, и посмотри на животных, твоих сородичей». Что же будет с человеком? Приравняется ли он Богу или животному? Какое страшное расстояние! Что же станется с нами? Одно может быть заключение из всего этого: что человек заблудился, что он упал со своего места, ищет его с беспокойством и не может найти. Кто укажет ему дорогу?

Самые великие люди не могли этого сделать. Какая вера научит нас исцелять гордость и привязанность к нашей плоти? Какая вера, наконец, укажет нам наше благо, наши обязанности, слабости, отвлекающие нас от их исполнения, причину этих слабостей, лекарства к излечению последних и средство добыть таковые? Все другие религии оказались бессильными в этом отношении.

Но вот что говорит нам Премудрость Божия: «Напрасно, о люди, ищите вы в самих себе средств против ваших несчастий. Весь ваш разум может достигнуть только сознания, что в самих себе вы не найдете ни истины, ни блага». Философы обещали вам это, но не могли исполнить своего обещания. Они не зовут ни вашего истинного блага, ни вашего истинного положения. Как могли бы они дать средства против болезней, которых сами не познали? Ваши главные недуги — гордость, отвлекающая вас от Бога, и чувственность, привязывающая вас к земле; а они, если и старались излечить, то лишь одно из этих недугов. Если они обращали ваше внимание на Бога, то только для того, чтобы дать пищу вашему высокомерию. Они заставили вас думать, что вы подобны Ему по своей природе. Те же, которые видели тщету этих привязанностей, бросили вас в другую пропасть, убеждая, что ваша природа одинакова с животными, и научили искать блага в удовлетворении одних плотских стремлений, составляющих удел животных.

Не такими средствами могут быть исцелены ваши неправды, которых эти судьи и не знали совсем. Не ждите, говорит Премудрость, ни истины, ни утешения от людей. Лишь одна создала вас и одна может сказать вам, кто вы. Но вы уже не в том состоянии, как Я создала вас. Я сотворила человека святым, невинным, совершенным; Я наполнила его светом и разумением; Я сообщила ему Свою славу и Свои превосходства. Глаз человека созерцал тогда величие Божие. Он не был тогда во мраке, который его теперь ослепляет, не был подвержен удручающим его ныне смерти и печалям. Но он не смог вынести столько славы, не впав в самомнение.

Он захотел сделать себя средоточием самого себя и независимым от Моей помощи. Он вышел из Моего повиновения и, уподобляясь Мне в желании находить блаженство в самом себе, был оставлен Мною. Возбудив подчинённую ему тварь, Я сделала из неё врагов ему, так что ныне человек сам стал подобен зверям и настолько удалён от Меня, что у него осталось лишь смутное понятие о его Творце, — так затемнены и изглажены его понятия! Чувства, не зависящие от разума и часто подчиняющие его себе, увлекли его к исканию наслаждений. Всякая тварь или вредила ему, или искушала; господствовала над ним, подчиняя его себе силою или обольщая своими прелестями, что ещё ужаснее и непреодолимее.

Вот в каком состоянии находятся теперь люди. У них остаётся некоторое представление о счастье их первобытного состояния, но они повергнуты в бедствия своего ослепления и плотских побуждений, сделавшихся для них второй природой. Из этого открытого вам начала вы можете узнать причину стольких противоречий в вашей природе, составлявших предмет удивления людей и приводивших их к столь различным воззрениям. Обратите теперь внимание на всевозможный побуждения к величию и славе в человеке, которых не могло искоренить в нём всё сознание переживаемых им бедствий и ничтожества, и рассудите, не следует ли причину этого искать в какой-либо иной природе».

II.

Удивительно, между тем, что самая непостижимая для нашего разумения тайна — преемственность, или наследственность первородного греха, — есть именно то, без чего мы никак не можем познать самих себя! И действительно, ничто не противоречит так нашему разуму, как ответственность за грех не родившегося человека тех, которые, будучи столь удалены от первовиновника греха, никак, по-видимому, не могут нести вины за него. Эта последовательность вины кажется нам не только невозможной, но и крайне несправедливой: с нашим жалким правосудием никак не согласуется вечное осуждение не способного сына за грех, в котором он принимал, невидимому, так мало участия, — как в событии, совершившемся за несколько тысяч лет ранее его появления на свет. Конечно, такое учение поразительно для нас; но без этой тайны, самой таинственной из тайн, мы не будем понятны самим себе. Вся наша жизнь, все наши действия вращаются в глубине этой тайны; так что без неё человек ещё непостижимее самой тайны.

Первородный грех есть безумие в глазах людей; но я этого не отрицаю. Вы не можете, стало быть, упрекнуть меня в неразумии за это учение, так как я выдаю его за безумное. Но это безумие мудрее всей мудрости человеческой, потому что безумное Божие мудрее человеков (1Кор 1:25). Ибо без этого учения, как определить, что такое человек? Всё состояние его зависит от этой незаметной точки. И как бы он заметил её своим разумом, когда эта вещь выше его разума, и когда разум его, весьма далекий от возможности открыть её доступными ему путями, отдаляется от неё тотчас же, как её укажут ему?

III.

Так как оба эти состояния (невинности и растления) налицо, то вам нельзя не признать их. Следите за собою, и вы найдете несомненные признаки этих двух природ. Могло бы столько противоречий заключаться в существе простом? Эта двойственность в человеке так заметна, что были люди, полагавшие в нём две души; простое существо казалось им неспособным проявлять такое разнообразие — безмерную гордость и страшное унижение. Эти-то противоположности, наиболее удалявшие меня, невидимому, от понимания веры, и привели меня всего скорее к признанию её истинности.

Признаюсь, коль скоро христианская вера открывает ту истину, что природа человеческая повреждена и отпала от Бога, она, вместе с тем, делает доступным моему взору повсюду обнаруживающиеся признаки этой истины; ибо природа, как в человеке, так и вне человека, повсюду свидетельствует об утраченном Боге.

Без этих Божественных указаний что могли сделать люди? Они или возносились чрезмерно под влиянием остававшегося в них внутреннего ощущения о былом величии, или пресмыкались в виду своей настоящей немощи. Не ведая всей истины, они не могли достигнуть совершенной добродетели. В силу признания своей природы неповрежденною одними и неисправимою другими, они впали или в гордость, или в лень, порождающую все остальные пороки, будучи не в состоянии или не предаться им по малодушию, или избавиться от них по гордости. Зная превосходство человека, люди не знали его поврежденности; а это заставляло их избегать лени, но зато вводило в самомнение. Если же они сознавали испорченность своей природы, то не разумели её достоинств и, избегая таким образом тщеславия, повергались в отчаяние.

Таким путем возникли секты стоиков и эпикурейцев, скептиков и академиков и т.д. Одна христианская вера могла исцелить оба эти порока — и не мудростью земною, а простотой Евангелия. Справедливым и правым она объявила, что может возвысить до общения с самим Божеством, хотя и в этом состоянии они ещё носят в себе источник растления, который в течение всей жизни подвергает их заблуждению, бедствиям, смерти, греху; нечестивым же она обещает возможность спастись милосердием их Искупителя.

Таким образом, заставляя трепетать оправдываемых и утешая осуждаемых ею, она так справедливо умеряет страх надеждою, указывая на общую всем способность грешить и возможность помилования, что, не толкая человека в отчаяние, она смиряет его бесконечно сильнее, чем это мог бы сделать один человеческий ум. С другой стороны, она бесконечно больше естественной гордости возвышает человека, не допуская его до кичливости. Такими средствами она доказывает, что ей одной, свободной от греха заблуждения, приличествует служить наставницей и исправительницей человеков.

Кто же может не уверовать и не поклониться этому небесному свету? Не яснее ли дня, что мы чувствуем в себе неизгладимый признак величия и неодинаково ли верно, что мы ежечасно испытываем последствия нашего жалкого состояния? Разве в этом хаосе, в этом чудовищном смятении не слышится нам несмолкаемый голос истины об этой раздвоенности природы нашей?

IV.

Мы не понимаем ни славного состояния Адама, ни сущности его греха, ни происшедшей в нас от того перемены. Свершились эти события в условиях, совершенно от нас отличных, и которых постичь мы не в силах. Да это нам и не нужно знать, чтобы выйти из нашего жалкого положения; для нас важно убедиться, что мы действительно повреждены и разлучены с Богом, но искуплены Иисусом Христом — а на это есть на земле замечательные доказательства.

V.

Христианство странно: оно повелевает человеку признать себя ничтожным, даже презренным, и в то же время повелевает ему уподобляться Богу. Без такого противовеса это возвышение сделало бы его безмерно тщеславным, а принижение — отвратительным до последней степени.

VI.

Унижение доводит до отчаяния, величие внушает высокомерие. О степени поврежденности нашей можно судить уже по тому, что для восстановлении человека потребовалось столь великое средство, как воплощение Сына Божия.

VII.

В христианской вере нет унижения, которое делало бы нас неспособными к добру, как нет святости, свободной от зла. Нет иного более соответствующего человеку учения, как учение христианское, которое указывает ему его двойную способность получать и терять благодать, в силу двойной угрожающей ему постоянно опасности — отчаяния или гордости.

VIII.

Философы не возбуждали чувств, соответствующих этим двум состояниям вместе; они, вопреки действительному состоянию, внушали побуждения либо одного величия, либо одного унижения. Требуется же самоунижение не по природе, а как наказание; не для того чтобы пребывать в нём, но чтобы восходить к величию. Равно желательны побуждения величия, не по заслуге, а по благодати и через унижение.

IX.

Не один человек так не счастлив, так не разумен, так не добродетелен и достоин любви, как истинный христианин. Как мало гордится он верою в возможность своего единения с Богом! Как мало возмущается, сравнивая себя с червем земным!

X.

Говорить: «Вероятно, что Бог соединялся с нами» можно только в виду нашего ничтожества. Но если такое воззрение ваше искренно, то идите дальше в этом же смысле и признайте вместе со мною, что мы действительно так низки, ничтожны, что сами никак не в состоянии судить, может или не может Его милосердие сделать нас способными к общению с Ним. Мне весьма хотелось бы знать, откуда тварь, признающая себя столь слабою, получила право измерять милосердие Божие и ставить ему пределы по своему усмотрению.

Так же мало зная Бога, как и самого себя, и столь смущаясь видом собственного своего состояния, человек дерзает говорить, будто Бог не может дать ему возможности общения с Ним! Ещё я спросил бы, требует ли Бог от познавшего Его чего-либо, кроме любви к Себе, и почему он думает, что Бог не может сделать Себя доступным познанию и любви. Если он что-либо видит во внешнем мраке и находит какой-нибудь предмет для своей любви из числа земных вещей, почему, если Бог немного осветит ему Свое существо, он не будет в состоянии познавать и любить Его так, что Богу благоугодно будет допустить его к общению с Собою?

В подобных рассуждениях, несомненно, высказывается невыносимое высокомерие, хотя, по-видимому, они основываются на кажущейся скромности; будь смирение это искренне и правдиво, оно признавало бы, что, не зная сами нашего существа, мы можем получить это знание только от Бога.

XI. Подчинение и власть разума.

I.

Последним выводом разума должно быть признание, что существует бесчисленное множество вещей, его превосходящих. Слаб тот разум, который не доходит до этого сознания. Нужно знать, где следует сомневаться, где следует утверждать и где следует подчиняться. Кто не поступает так, тот не знает силы разума. Есть люди, грешащие против этих трёх правил: они или считают всё недоказуемым, потому что не умеют доказывать, или во всём сомневаются, где следовало бы подчиниться, или, наконец, подчиняются во всём, не зная, где следует обратиться к рассудку.

II.

Если всё подчиним рассудку, то наша вера не будет иметь ничего таинственного и сверхъестественного. Если же пренебречь началами разума, то она покажется нелепою и смешною. Разум, говорит блаженный Августин, никогда бы не подчинился, если бы не признавал, что есть случаи, где он должен подчиняться. Стало быть, он справедлив, подчиняясь там, где находит это нужным.

III.

Благочестие отличается от суеверия. Доводить благочестие до суеверия, значит разрушать его. Еретики упрекают нас в этом суеверном подчинении. Было бы справедливо упрекнуть нас, если бы мы требовали этого подчинения в таких вещах, где оно неуместно. Ничто так не согласно с рассудком, как отречение от рассудка в предметах веры, и ничто так не противоречит разуму, как отречение от него в вещах, не составляющих предметов веры. Исключать разум вовсе или признавать только один разум — две крайности, одинаково опасные.

IV.

Вера, конечно, открывает нам нечто, чего через чувства мы познать не можем, но никогда им не противоречит. Она выше их, а не против них.

V.

Некоторые говорят: «Если бы я увидел чудо, я бы уверовал». Как могут эти люди уверовать в то, чего не знают? Они воображают, что вера заключается в поклонении Богу, который, как будто, делает из этого предмет тот, и как будто веровать и поклоняться Богу следует так, как они воображают. Уверовать в Бога значит признать себя ничтожным, увидеть, как много раз мы навлекали на себя Его гнев, и сознаться, что без Него мы бессильны, что кроме Его милости мы ничего от Него не заслужили. Вера состоит в признании, что между нами и Богом существует непреодолимое препятствие, которое без посредника устранено быть не может.

VI.

Не удивляйтесь простым людям, верящим без рассуждений. Бог внушает им любовь к Себе и презрение к самим себе, склоняет их к вере сердца. В сердце не наполняется оно верой и упованием без помощи Божией. Давид, несомненно, знал это, обращаясь к откровениям Твоим (Пс.118:36).

VII.

Те, кто веруют, не читая ни Ветхого, ни Нового Завета, имеют к тому внутреннее, святое расположение. То, что они слышат о нашей вере, вполне согласуется с этим чувством. Они чувствуют, что их создал Бог; они хотят любить только одного Бога и презирать только самих себя. Они понимают, что это расположение их не от них самих, что они неспособны приблизиться к Богу, и, если Бог сам не приблизится к ним, они не могут иметь никакого общения с Ним. В учении нашей веры они также слышат, что следует любить только Бога, а презирать только себя, но так как мы повреждены грехом и неспособны принять Бога, то Бог сам сделал Себя человеком, чтобы соединиться с вами. Этого достаточно для убеждения тех, кто имеет такое расположение сердца и сознает свой долг и свою немощь.

VIII.

Христиане, не знающие пророчеств и доказательств, могут также хорошо судить о них, как и знающие. Они рассуждают сердцем, как другие умом. Сам Бог внушает им веру, и оттого вера их весьма действенна. Согласен, что может быть, кто-то из христиан верующих без доказательств не найдёт, чем убедить неверующего, который уже сам кое-что знает. Но человек, знакомый с доказательствами веры, без труда докажет, что этот верующий действительно вдохновлён Богом, хотя сам и не может доказать этого.

XII. Образ человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание.

I.

Видя ослепление и жалкое состояние человека (а равно обнаруживающиеся в его природе удивительные противоречия), видя, что вселенная безмолвна, а человек лишен света, предоставлен самому себе, как бы заблудился в этом уголке мира, не зная, кто и для чего его привел сюда и что с ним будет после смерти; видя всё это, я прихожу в ужас подобно человеку, которого сонного перенесли на пустынный дикий остров, и который, проснувшись, не может понять, где он находится и как уйти с этого острова. Удивительно, как люди не приходят в отчаяние от такого ужасного положения!

Я вижу других в состоянии, подобном моему, обращаюсь к ним с вопросом, больше ли они сведущи; они отвечают, что нет. А затем эти несчастные, заблудившиеся, осмотревшись и заметив несколько привлекательных предметов, не замедлили отдаться им и привязались к ним. Что касается меня, я не мог удовольствоваться этим и, сообразив, что, по всей

вероятности, есть многое помимо видимого мною, начал искать, не оставил ли Бог, о котором говорит весь мир, каких-либо следов своего существования.

Я вижу множество религий в разных частях мира и во все времена истории. Но они не содержат ни нравственных учений, которые могли бы привлечь меня, ни свидетельств истины, достойных внимания; так что я одинаково отказался бы от религии Магомета, как и от религии Китая, древних римлян или египтян, по той единственной причине, что ни одна из них не имеет признаваемой истинности больше другой, и разум мой не может дать предпочтения ни одной из них.

Рассматривая, таким образом, это изменчивое и странное разнообразие нравственных понятий и верований в различные эпохи, я нахожу в одном уголке света народ, отделённый от всех других народов земли и самый древний из них, с историей, на несколько столетий предшествующей самым древним из известных нам историй. Я нахожу, что этот народ велик и многочислен, произошел от одного человека, поклоняется единому Богу и руководится законом, который считает полученным от Него Самого. Этот народ утверждает, что ему одному из всех народов земных Бог открыл Свои тайны, что всё человечество повреждено и находится под гневом Божьим.

Что оно предоставлено своим чувствам и своему собственному разуму, отчего в нём происходят те странные заблуждения и постоянные перемены в вере и обычаях, тогда как этот народ остаётся неизменным в своём поведении. Он уверен, что Бог не оставит другие народы в этом мраке, а пошлёт Избавителя для всех, что этот народ сам существует на свете, чтобы возвещать о Нем, создан для того, чтобы быть глашатаем этого великого события и призвать другие народы соединиться с ним в ожидании этого Искупителя.

Народ с такой странной и необыкновенной историей невольно привлекает моё внимание. Сначала я вижу, что он весь состоит из братьев, и тогда как все другие народы образуются соединением множества семейств, он, несмотря на свою удивительную многочисленность, произошёл от одного человека. Составляя, таким образом, как бы одну общую плоть и члены друг друга, они из одной семьи создают могущественное царство. Такое явление нельзя не назвать единичным в своём роде.

Насколько доступно человеческому знанию, это семейство или этот народ самый древний на свете. Этим он, на мой взгляд, заслуживает особого уважения, главным образом в смысле нашего настоящего исследования, ибо если когда-либо Бог входил в общение с людьми, то, очевидно, именно к этому народу следует обратиться за сведениями о таком событии.

Этот народ весьма замечателен не только по своей древности, но и по продолжительности своего существования — от времени своего происхождения и до наших дней, потому что, когда народы Греции и Италии, Лакедемона, Афин, Рима и другие, появившиеся гораздо позже, уже давно исчезли, этот народ всё ещё существует. Несмотря на неоднократные стремления могущественных государей стереть его с лица земли, как свидетельствуют их летописцы, и как легко предположить по обыкновенному порядку вещей, он сохранился в течение стольких столетий. Простираясь от самых первых до самых последних времён, история его в своём течении обнимает продолжительность всех известных нам историй.

Рассматриваю закон, который выдаётся этим народом за полученный им от Бога, и нахожу его удивительным; это первый из всех законов, и настолько прочный, что когда самого слова «закон» ещё не существовало у греков, евреи уже около тысячи лет имели его и хранили без перерыва. Мне также кажется удивительным, что первый существовавший в мире закон был настолько совершенен, что самые великие законодатели брали его за образец; отсюда

вышел закон двенадцати таблиц в Афинах, заимствованный впоследствии Римом. Доказать это было бы нетрудно, но Иосиф (Флавий) и другие достаточно написали об этом предмете.

Вместе с тем этот закон самый строгий и суровый из всех законов; под страхом смерти он возлагает на человека множество своеобразных и тягостных обязанностей. Странным кажется, что такой закон в течение стольких веков соблюдался таким мятежным и нетерпеливым народом, несмотря на то, что из времени во время более лёгкие законы исполнялись легче.

II.

Этот народ замечателен не только своей древностью, но и тем, что после смерти первых поколений он сохраняет верность своим обычаям и законам. Они ценят священные книги, готовы ради них отдать жизнь, и это делает их примером преданности в мире.

III.

Между книгами может быть большая разница. Я не удивляюсь, что греки, египтяне и другие составляли свои летописи; нужно только знать современное им время. Эти повествователи сказочных событий не были злонамеренными и описываемое ими происходило в пределах их знаний. Гомер сочиняет поэмы и выдает их за исторические события, чтобы обучить слушателей. Книга его была единой — каждый знал её наизусть. Прошло четыреста лет, свидетелей описываемых событий давно нет в живых; никто уже не может знать, достоверны они или сказочны, но раз повествование передалось из уст в уста, можно и поверить ему.

XIII. О евреях

Примечание: В издании Боссю 1779 г. статья озаглавлена: «Евреи с точки зрения нашей веры». В издании Фожера: «О еврейском народе».

I.

Когда, по сотворении мира, по ниспослании всемирного потопа, Богу не предстояло более ни разрушать мира, ни восстанавливать его, ниже проявлять Себя подобными великими знамениями, Он начал созидать на земле народ с определенной целью продлить его существование до той поры, когда Мессия создаст Духом Своим новый народ.

II.

Желая показать, что Он может создать народ святой невидимой святостью и исполнить его вечной славой, Бог создал вещи видимые; явив Своё милосердие во благах видимой природы, Он хотел показать, что может дать и блага в невидимом. Так Он спас этот народ от потопа, возродил его от Авраама, освободил из рук врагов и дал ему покой. Конечно, всё это совершено Богом не только для того, чтобы ввести Свой народ в землю обетованную.

III.

Кроме того, в создании еврейского народа и в стольких явленных ему чудесах Бог хотел показать, что, желая лишить его благ плотских и преходящих, Он лишает их не вследствие Своей немощи. В евреях укоренилась мысль, что Бог любит их отца Авраама, его плоть и происходящих от этой плоти; ради этого Он размножил их и отличил от всех других народов, не позволяя им смешиваться с соседями; когда они стали бедствовать в Египте, Он вывел их оттуда, проявив к ним великое знамение Своего благоволения: питал их манною в пустыне, привел в землю обильную, дал им царей и великолепно построенный храм, где

они, принося в жертву животных, могли бы получать очищение пролитием их крови; в конце концов, Он имел послать им Мессию, чтобы сделать их властителями всего мира, и предсказал время Его пришествия.

Евреи привыкли к великим и поразительным событиям, так что чудесный переход их через Красное море и введение их в Ханаанскую землю считались ими как бы образами будущих действий их Мессии, который будут еще поразительнее и совершенно затмят собою чудеса Моисея. Когда они уже состарились в этих плоских заблуждениях, явился в предсказанное время Иисус Христос, но не ожидаемый ими; так что они и не подумали, что это действительно Он. После Его смерти святой Павел стал проповедовать людям, что всё предсказанное исполнилось символически, что Царство Божие явилось не во плоти, а в духе; что враги людей — не вавилоняне, а их собственные страсти; что Бог благоволит не к храмам, воздвигнутым рукою человека, а к его чистому и смирённому сердцу; что обрезание тела бесполезно, а важно обрезание сердца; что Моисей не дал им хлеба небесного, и так далее. (См. Иоан. 6:32, Гал. 4: 24, 1Кор. 3:16; 10:2–6, 11, 2 Кор. 3:6, Рим. 2:28–29, Евр. 9:24).

Не желая открывать этих тайн народу, их недостойному, и желая в то же время предсказать им, чтобы дать возможность им верить, Бог время совершения событий, обещанных их предкам, ясно и неоднократно обозначал и сами тайны; но большую их часть выразил прообразами, с тою целью, чтобы любившие самые прообразы остались при таковых, а любившие прообразуемое увидели его. Отсюда произошло то, что при появлении Мессии народы разделились: объяснявшие пророчества духовно приняли Его, а понимавшие их буквально отвергли Его, чтобы впоследствии послужить ему же свидетелями.

IV.

Плотские иудеи не понимали ни величия, ни унижения предсказанного в их пророчествах Мессии. Они не узнали Его в Его величии, о котором написано: «Мессия будет Господом Давида, хотя сын его. Он был прежде Авраама и тот ведал Его». Они не поверили ни Его славе, ни Его вечности. Одинаково не признали Его ни в унижении, ни в смерти. Мессия, сказали они, останется вечно, а этот говорит, что умрет. Так они не признали Его ни вечным, ни смертным, но искали в Нем только земного величия. Евреи так любили прообразы и так уверенно ожидали их, что, когда в предсказанное время реальность явилась обещанным путем, они не признали её.

V.

Те, кому вера дается трудно, стараются оправдать это неверием иудеев. «Если это было так ясно, почему же они не уверовали?» — говорят такие люди, желая, чтобы поверили они, не подавая примера к собственному неверию. Но этот отказ иудеев уверовать служит основанием нашей веры. Мы были бы менее склонны к ней, будь евреи одного с нами мнения: тогда у нас был бы лишний предлог не верить. Достойно удивления, что иудеи созданы большими любителями предреченных событий и такими противниками их осуществления (и что притом самое противление это было предсказано).

VI.

Чтобы дать людям средство уверовать в Мессию, необходимо было предпослать Ему пророчества, которые возвещались бы людьми, свободными от всякого подозрения, известными во всей стране за самых верных, прилежных и ревностных. С такой целью Бог избрал этот чувственный народ, которому доверил хранение пророчеств, изображавших Мессию освободителем и раздатчиком земных благ. Вследствие этого евреи горячо возлюбили пророчества, обещавшие им Мессию, веруя, что Он действительно явится именно в том виде, как это указано в их книгах. Однако, когда Мессия действительно явился, но в унижении и бедности, они, разочарованные в своих ожиданиях, стали Его злейшими врагами. Таким образом, народ, который меньше всего на свете можно заподозрить в

расхождении с нами (христианами), благодаря несравненной ревности и приверженности к своему закону и пророчествам, сослужил нам добрую службу, сохранив их нетронутыми.

VII.

Отвергли и распяли Иисуса Христа те же люди, которые были и остаются хранителями книг, свидетельствующих о Нем и предсказывающих, что Он будет отвергнут и станет камнем преткновения. Самим отречением своим от Него они доказали Его истинность. Эта последняя истина одинаково подтверждается как правыми иудеями, принявшими Его, так и неправыми, отрекшимися от Него, ибо то и другое было предсказано.

Духовный смысл пророчеств, противный этому народу, был скрыт и под любезным ему смыслом иудейским. Будь явен духовный смысл пророчеств, евреи не смогли бы любить их; вследствие этого у них не было бы усердия сохранить свои книги и обряды. Но если бы они дорожили этими духовными обетованиями и сохранили их неповрежденными до пришествия Мессии, то свидетельство их имело бы силу, так как они сами были бы Его сторонниками.

Таким образом, духовный смысл прикрыт во многих местах писаний и раскрыт в нескольких, но настолько, что места, где он скрыт, могут быть объяснены двояко — извлечь можно и материальный, и духовный смысл; тогда как где он раскрыт, двоякого объяснения быть не может — там смысл только духовный. Таким образом, ввести в заблуждение народ это не могло; иудеи, будучи народом преданным закону, тем более понимали разницу между земными и духовными благами.

Воля человеческая действует под влиянием двух побуждений: корыстолюбия и любви. Это не значит, что корысть несовместима с верой в Бога, и любовь к ближнему исключает привязанность к благам земным; но корысть, пользуясь дарами от Бога, служит миру, а любовь, напротив, пользуется миром и угождает Богу.

Наше отношение к вещам определяется конечной целью. Всё, что мешает нам достигнуть её, мы называем враждебным. Отсюда твари, хотя и добрые, враги праведных, коль скоро отворачивают их от Бога, и Бог сам является, таким образом, врагом тех, чьим алчным стремлениям Он препятствует. Если слово «враг» зависеть от конечной цели, праведные понимали под этим словом свои страсти, а суетные подразумевали под ними вавилонян; отсюда выражение «враги» было неясно только для суетных. Исаия говорит по этому поводу: «Завяжи свидетельство и запечатай откровение при учениках Моих» (Ис. 8:16), и что Иисус Христос «будет камнем преткновения» (там же 8:14). «Но блажен, кто не соблазнится обо Мне» (Мтф. 11: 6). Также ясно говорит об этом и Осия: «Кто мудр, чтобы разуметь это? Кто разумен, чтобы познать это? Ибо правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а беззаконные падут на них» (Ос. 14, 10).

Хотя Завет имел свойство просвещать одних и ослеплять других, самыми ослепленными он удостоверил истину, которую должны были уразуметь другие; потому что получаемые от Бога видимые блага были так велики и божественны, что могли служить несомненным указанием, что Он в состоянии дать им невидимые блага и Мессию.

VIII.

Время первого явления Мессии было предвозвещено; о времени второго указаний не имеется, потому что первое должно было совершиться в тишине, второе же — во славе и при такой обстановке, что даже враги Мессии не могли не узнать Его. Но так как первое явление должно было быть мало заметным, и узнано только испытавшими Писание, то, что могли сделать иудеи — Его враги? Принять Его значило бы доказать Его истинность; отречение было бы таким же сильным свидетельством о Нем.

IX.

Иудеи видели чудеса и исполнение пророчеств; учение же закона их заключалось в том, чтобы любить и поклоняться лишь единому Богу, и это учение было постоянно, так что имело все признаки истинной веры. Но необходимо отличать учение иудеев от учения их закона. Учение иудеев, хотя и опиралось на чудеса, пророчества и непрерывность существования, не было, однако истинным, ибо чуждалось другой основы – поклоняться и любить только Бога.

Итак, иудейскую веру, как она передана в священных книгах, следует отличать от таковой в передаче народа. Её учение о нравственности и блаженстве смешно в народной передаче, но несравненно возвышенно в письменном Законе. Основание веры положено достойным удивления образом: это самая древняя и самая достоверная книга в мире; в то время как Магомет, чтобы сохранить свою книгу, запрещает читать её, Моисей с тою же целью повелевает всем читать свою (Втор.31:11).

(Под запретом читать Коран здесь автор имел ввиду, что в Исламе любой перевод Корана на другой язык не является Кораном, т.к. является искажением истины. Библия же переводится на тысячи разных языков всего мира, всех народов оставаясь истинным Словом Божьим. Также в хадисах существует запрет на независимое рациональное рассуждение о смыслах Корана, философское или сравнительное толкование, историко-критический анализ текста. Прим. Ред.)

X.

Обрядовая сторона иудейской веры была основана на уподоблении истине о Мессии, и эта последняя была признана иудейской верой, служившей ей прообразом. В евреях истина была лишь прообразована; в небесах же она раскрыта. В Церкви она находится в преоткровенном состоянии и познаётся через соотношение с прообразуемым. Прообраз соответствует истине, а истина познаётся по прообразу.

XI.

Кто будет судить о еврейской вере по её грубым представителям, тот плохо узнает её. Она ясно изображена в священных книгах и в передаче пророков, которые достаточно показали, что понимали Закон не буквально. Так и наша вера, божественная в Евангелии, апостолах и Предании, кажется смешной в устах её дурных истолкователей.

XII.

(Иудеи были двух разрядов: одни, имевшие лишь языческие наклонности, другие — наклонности только христианские.) По понятиям первых, Мессия должен был быть великим земным царём. В глазах чувственных христиан Иисус явился для того, чтобы снять с нас обязанность любить Бога и дать нам Таинства, которые всё делают помимо нас. Ни то, ни другое понятие не согласно ни с христианской, ни с еврейской верой. Истинные иудеи, как и истинные христиане, приняли Мессию как научающего их любить Бога и посредством этой любви побеждать своих врагов *(страсти)*.

XIII.

Завеса, закрывающая книги Писания для иудеев, закрывает их и для плохих христиан, а равно для всех, недостаточно презирающих самих себя. Но как легко читать священные книги и познать Иисуса Христа, когда действительно презираешь себя!

XIV.

Чувственные иудеи занимают середину между христианами и язычниками. Язычники совсем не знают Бога и любят только землю. Евреи знают истинного Бога и любят землю. Христиане знают истинного Бога и совсем не любят землю. Евреи и язычники любят одни и те же блага, и евреи и христиане ведают одного и того же Бога.

XV.

Это, очевидно, народ, созданный нарочно быть свидетелем Мессии. Он хранит книги, любит их, но совершенно их не понимает. Заранее предсказано, что судьбы Божии будут вверены им, но в книге запечатанной (Ис. 29:11). Пока для поддержания Закона являлись пророки, народ оказывал к нему пренебрежение. Когда же пророков не стало, их заменила ревность народа.

XVI.

Так как время сотворения мира всё более и более удалялось, Бог дал миру современного бытописателя и стражем Писания поставил целый народ, для того чтобы это повествование было самым достоверным во всём мире и чтобы все люди могли получить столь необходимое сведение, которого помимо этого источника получить нельзя.

XVII.

Моисей был, несомненно, человек и способный, и умный; поэтому, если бы в своём бытописании он руководствовался собственным умом, то ясно не высказал бы ничего такого, что противоречило бы разуму. Так самые, по-видимому, слабые стороны делаются сильными. Например, обе родословные евангелистов Матфея и Луки не ясно ли свидетельствуют, что между двумя авторами никакого предварительного соглашения не было? Почему, например, Моисей изображает жизнь первых людей столь продолжительной и выводит так мало поколений? Потому что события затемняются не от продолжительности жизни людей, а от множества сменившихся поколений. Истина изменяется только по мере смены людей.

Между тем два самых достопамятных события — сотворение мира и потоп — он ставит так близко одно к другому, что современники того и другого почти соприкасаются по малому числу отделяющих их поколений. Так что в то время, когда он описывал их, воспоминание о них должно было быть ещё вполне живо в уме всех евреев. Сим, знавший Ламеха, современника Адама, по крайней мере видел Авраама; Авраам видел Иакова; Иаков видел тех, кто видел Моисея. Стало быть, сотворение мира и потоп — события истинные, как заключают люди сведущие. Продолжительность жизни патриархов не только не вредила сохранению памяти о минувших событиях, но, напротив, способствовала этому.

XVIII.

Чем более я исследую историю еврейского народа, тем более истин открываю в ней. Передо мною их прошедшая и последующая жизнь. Вот у них нет более ни идолов, ни царей; явилась, как и было предсказано, синагога и её жалкие приверженцы — наши враги и в то же время замечательные свидетели истины пророчеств, где предсказаны их жизнь и самое ослепление. Эта связь предшествующего с последующим кажется мне изумительной; я не могу не признать эту веру вполне божественной — по её значению, продолжительности, истории, нравственным сторонам и по её действиям, наконец, — по страшному ослеплению иудеев, как было предречено.

Поэтому я поднимаю взор к моему Искупителю, который, согласно повторявшимся в течение четырёх тысяч лет пророчествам, пришёл пострадать и умереть за меня на земле именно в то время и при тех обстоятельствах, как было предсказано. По Его милосердию я мирно жду смерти в надежде навеки соединиться с Ним и живу пока с радостью, пользуясь ли благами, которые Ему благоугодно ниспослать мне, переношу ли скорби и болезни, посылаемые Им для моего же счастья, переносить которые Он научил меня Своим примером. Поэтому я отвергаю все другие религии, а в этой нахожу ответ на все возражения. Истинно, что столь чистый Бог может открывать Себя только чистому сердцу.

XIV. О прообразах; прообразный характер древнего закона.

I.

Существуют прообразы ясные и доказательные, и есть менее естественные, имеющие значение только в глазах уже и без того убеждённых людей, как, например, символы апокалипсические. Но между теми и другими та разница, что апокалипсические лишены всякой несомненности. Поэтому весьма несправедливо утверждать, что объяснение их так же основательно, как и символов явных, так как в Апокалипсисе нет символов столь доказательных, как некоторые из первых. Стало быть, стороны не равны, и смешивать те и другие не следует, ибо, имея сходство с одной стороны, они вполне различны с другой.

II.

Одна из главных причин, почему пророки облекали обещаемые ими духовные блага в символы благ земных, была та, что они имели дело с народом чувственным, которого нужно было сделать носителем завета духовного. Иисусу Христу служил прообразом Иосиф: любимец своего отца, посланный им навестить своих братьев и т.д.; невинный, он был продан братьями за двадцать динариев и через то сделался их господином, спасителем их, спасителем чужих и спасителем всего мира; этого бы не случилось, если бы у братьев не было намерения погубить его, и не будь он продан и осуждён ими.

III.

В темнице невинный Иосиф между двумя преступниками: Иисус Христос — на кресте между двумя разбойниками. Иосиф предсказывает избавление одному и смерть другому на основании одних и тех же признаков. Иисус Христос спасает избранных и осуждает отверженных, виновных в одних и тех же преступлениях. Иосиф только предсказывает — Иисус Христос совершает. Иосиф просит того, который будет спасён, вспомнить о нём, когда достигнет славы; спасаемый Иисусом Христом просит Его помянуть его, когда Он будет в царствии Своём.

IV.

Благодать есть лишь прообразом славы, ибо не составляет конечной цели. Закон был прообразом благодати, а благодать служит прообразом славы, но в то же время представляет собой и средство к её достижению.

V.

Синагога не погибла совсем, потому что предображала собой Церковь; но, будучи только прообразом, она подверглась порабощению. Прообраз существовал до момента осуществления прообразуемого, с той целью, чтобы Церковь всегда пребывала видимою — то как прообраз, то как действительность.

VI.

Чтобы сразу доказать истинность обоих Заветов, нужно лишь убедиться, сбылись ли в Новом Завете пророчества Завета Ветхого. Чтобы исследовать пророчества, нужно понимать их, потому что, если видеть в них один лишь буквальный смысл, то никакого предсказания о Мессии мы не найдём; напротив, если в них заключается два смысла — буквальный и внутренний, — то пришествие Его в лице Иисуса Христа несомненно. Отсюда весь вопрос в том, имеют ли пророчества этот двойной смысл или нет: представляют ли они прообразы или реальность, т.е. следует ли искать в них чего-либо помимо того, что представляется на первый взгляд, или ограничиться прямым смыслом.

Если закон и жертвоприношения суть истины сами по себе, то они должны быть приятны Богу, а не наоборот. Если же это не более как прообразы, то они должны быть в одно и то же время и угодны, и неугодны. А так как во всём Писании они вызывают такие двоякие отношения к себе, то остаётся признать в них прообразы.

VII.

Сказано, что закон будет изменён, что будет изменена жертва, что у них (иудеев) не будет ни царя, ни князя, ни жертвоприношений; что будет заключён новый завет; что закон будет обновлён; правила, которые им были даны, более не будут годны; что жертвы их будут противны Богу, который вовсе не требовал их. Впрочем, сказано (в другом месте), что закон и этот союз пребудут вечно, как и жертвы; что в Иудее не искоренится царствующий род, пока не придёт Царь Вечный.

Выражается ли во всех этих изречениях действительность? — Нет. Или в них выражены только прообразы? Тоже нет. Но одно из двух они выражают. Однако первые, исключая реальность, тем самым указывают на свой прообразный характер. Всеми этими местами из пророчеств не могло говориться о действительности: всеми могло говориться о прообразе. Следовательно, ими выражена не действительность, а прообраз.

VIII.

Чтобы знать, имеют ли закон и жертвоприношения значение действительности или прообраза, нужно рассмотреть, видели ли и разумели ли пророки, говоря об этих предметах, только этот древний союз, или они видели в нём нечто иное, им прообразуемое, — так как через изображение познаётся изображаемое. Для того нужно лишь исследовать то, что они говорят. Возвещая, что союз будет вечным, разумели ли они тот самый союз, о котором сказано, что он будет изменён? То же и относительно жертв и прочего.

IX.

Пророки ясно говорят, что Израиль всегда будет любим Богом, и закон Его будет вечен; в то же время они сказали, что смысл их слов скрыт и понят не будет. Тайное письмо имеет два смысла. Когда перехватывают важное письмо, в котором находят ясный смысл, и в то же время в письме сказано, что смысл его скрыт или затемнён настолько, что будут видеть, не видя, и понимать, не понимая, — тогда, несомненно, остаётся предположить, что это шифр с двояким смыслом, тем более, что в его буквальном смысле встречаются резкие противоречия.

Какого же уважения заслуживают открывающие нам этот шифр и объясняющие скрытый его смысл, когда при этом извлечённые таким путём начала оказываются столь естественными и ясными? Сделано это Иисусом Христом и апостолами. Они научили нас, что враги наши — это наши страсти; что Искупитель духовен, и царство Его духовное; что в пришествии Его будут две стороны — одна, унижения, чтобы смирить человека надменного, другая — славы, чтобы возвысить человека смиренного; что Иисус Христос будет Богом и человеком.

X.

Иисус Христос лишь указал людям, что они любят самих себя, что они рабы, слепы, страждущие, несчастны и грешники; что Ему надлежит избавить, просветить, исцелить их и сделать блаженными; что этого можно достигнуть, если люди будут презирать самих себя и последуют испытанному Им унижению и крестной смерти. Вот что говорит нам святой Павел: буква мертвит; всё совершалось прообразами; надлежало Христу пострадать, Богу испытать унижение. Обрезание сердца, истинный пост, истинная жертва, истинный храм — пророки указали, что всё это должно быть духовным. Итак, Он, наконец, разъяснил нам, что все эти вещи — только прообразы, и что такое истинно свободный, истинный израильтянин, истинное обрезание, истинный хлеб небесный и т. д.

XI.

В этих обетованиях каждый находит то, что таится в глубине его сердца: блага земные или блага духовные, — Бога или тварь; но с той, однако, разницей, что ищущие в них тварь находят её, но с некоторыми противоречиями, с запрещением любить её, с повелением поклоняться только Богу и, что одно и то же, только Его любить; и, наконец, находят, что для них Мессия не приходил. Тогда как ищущие Бога обретают Его, но без всякого противоречия, лишь с заветом любить Его одного.

XII.

Источники противоречий в Писании таковы: Бог, униженный даже до смерти на кресте; Мессия, торжествующий над смертью через Свою смерть; два естества в Иисусе Христе; двукратное пришествие; два состояния в природе человека. Чтобы хорошо изобразить человека, нужно согласовать все заключающиеся в нём противоположные черты; недостаточно выставить ряд качеств, согласных между собой, не сообразив их с противоположными. Чтобы понять смысл автора, необходимо согласовать все места, которые противоречат друг другу.

Таким образом, чтобы понять Библию, нужно открыть в ней такой смысл, в котором бы согласовались все взаимно противоречащие места. Недостаточно подыскать смысл, подходящий к нескольким согласным между собой местам; нужно найти такой, который примиряет даже противоречащие. Каждый автор имеет смысл, к которому подходят все противоречащие места, иначе в нём нет никакого смысла, — чего нельзя сказать о священном Писании и пророках. Несомненно, однако, что они имели слишком много здравого смысла. Поэтому приходится отыскать в них такой смысл, который согласовал бы все противоречия.

Истинный смысл не тот, который извлекали из своих книг иудеи; но в Иисусе Христе все противоречия сгладились. Иудеи не сумели согласовать прекращение царства и княжества, возвещённое Осией, с пророчеством Иакова. Если принимать закон, жертвоприношения и царство за реальности, то всех мест в Писании согласовать нельзя. Следовательно, необходимо признать, что эти вещи понимаются не как действительность, а только как прообразы. Иначе нельзя было бы согласовать места одного и того же автора, одной и той же книги, иногда даже одной и той же главы. Это достаточно указывает, каков был смысл автора.

XIII.

Не было разрешено приносить жертвы вне Иерусалима, бывшего местом, избранным Богом; не дозволено даже есть десятину в другом месте (Второзак. 12:5 и сл.; 14:23 и сл.; 15:20; 16: 2, 7, 11, 15). Осия предсказал, что у них не будет ни царей, ни князей, ни жертв, ни кумиров, — что и исполнилось теперь, так как иудеи не могут приносить законной жертвы вне Иерусалима.

XIV.

Когда слово Бога, Бога истинного, представляется неверным буквально, то оно верно в смысле духовном. «Сиди одесную Меня». Буквально — это неверно, но верно по духу. В этих выражениях говорится о Боге применительно к понятиям человеческим; это имеет лишь тот смысл, в каком люди приглашают занять место по правую руку. В этом смысле говорит и Бог. Так что этим объясняется только намерение Божие, а не способ, каким Он его исполнит. Когда сказано: «Бог принял благоухание фимиамов ваших и в награду даёт вам землю обильную», — этим словам можно уподобить такое положение в наших земных отношениях, когда человек, удовлетворённый вашими воскурениями, захотел бы дать вам в награду хорошую, тучную землю. Такое же намерение Бог имеет по отношению к вам.

XV.

Единственная конечная цель книг Ветхого Завета есть любовь к Богу. Всё, что в них не клонится к этой единственной задаче, есть её прообраз, ибо, в виду единственности цели, всё, что не выражает её непосредственно, есть прообраз. Бог таким путём разнообразит эту единственную заповедь любви, чтобы удовлетворить наше ищущее разнообразия любопытство, и этим разнообразием ведёт нас всегда к тому, что нам единственно нужно.
Ибо потребно только одно, а мы любим разнообразие; и Бог удовлетворяет обе эти наши потребности — путём разнообразий, ведущих к единственной нашей потребе.

XVI.

Раввины объясняют сосцы жены символически, как и всё, что не выражает их единственной цели, то есть земных благ.

XVII.

Некоторые из них вполне сознают, что у человека нет других врагов, кроме его чувственности, которая и отвлекает его от Бога, — но не Сам Бог; что не тучная земля, а один Бог есть действительное благо. Полагающие благо человека в плоти, а зло — в том, что их отвлекает от чувственных удовольствий, пусть пресыщаются ими и в них умрут. Но кто ищет Бога всем своим сердцем, у кого нет иного горя, кроме невозможности созерцать Его, у кого одно желание — иметь Его, и одни враги — препятствия к этому, кто скорбит, видя себя окружённым и обуреваемым такими врагами, — пусть утешатся: я возвещу им счастливое событие — у них есть Избавитель, и я им покажу Его; я им покажу, что для них есть Бог; другим я Его не открою. Я укажу им, что обещан Мессия, который избавит их от врагов, и что Он действительно пришёл избавить от неправды, но не от врагов.

XVIII.

Когда Давид предсказывает, что Мессия избавит Свой народ от врагов его, то этому предсказанию можно придать чувственный смысл, то есть что Он избавит от египтян. В таком случае я бы не сумел доказать, что пророчество это сбылось. Но можно также подумать, что избавление будет от беззаконий, ибо, действительно, враги — не египтяне, а беззакония. Стало быть, слово «враги» имеет здесь двоякий смысл. Но если в другом месте Давид, вместе с Исаией и другими пророками, говорит, что Мессия избавит Свой народ от беззаконий, то двусмысленность устраняется, и слово «враги» означает просто неправды.

Потому что если бы он разумел этим словом грехи, то свободно мог бы назвать их врагами; если же он думал о врагах, то не мог означить их словом «неправды». А Моисей, Давид и Исаия употребляли одни и те же выражения. Кто же скажет, что они разумели не одно и то же, и что смысл Давида, который, очевидно, разумел неправды, говоря о врагах, не был смыслом Моисея, когда последний говорит о врагах? Даниил в IX главе молится об избавлении народа из вражеского плена; но он разумел плен греха, и в доказательство этого говорит, что Гавриил пришёл сказать ему, что молитва его услышана, и остаётся ждать ещё только семьдесят седмин; тогда народ будет избавлен от неправды, греху придёт конец, и Освободитель, Святой из святых, принесёт правду вечную — не законную, а вечную.

Коль скоро эта тайна открыта, невозможно не видеть её. Пусть прочтут Ветхий Завет при этом свете — и увидят, были ли завещаны жертвоприношения в прямом смысле; был ли рад Авраам конечным предметом попечения Божия о нём, и была ли обетованная земля действительным местом упокоения? — Нет. Стало быть, это были прообразы. Пусть исследуют также все предписанные церемонии и все заветы, не клонящиеся непосредственно к обнаружению заповеди любви, — и окажется, что всё это прообразы.

XV. Об Иисусе Христе.

I.

Бесконечное расстояние между телом и умом даёт понятие о ещё неизмеримо более бесконечном расстоянии между умом и любовью, ибо она сверхъестественна. Весь блеск почестей и величия не имеет цены в глазах людей, посвятивших себя исследованиям в умственной области. Величие людей ума недостижимо взору богатых, царей, полководцев и других мира сего. Величие Мудрости, которая может быть только в Боге, невидимо ни людям плоти, ни людям ума. Это три порядка, вполне отличные друг от друга. Великие гении имеют свою сферу власти, свой блеск, своё величие, свои победы и не нуждаются в величии материальном, не имеющем никакого значения для их духовной цели. Они видимы не телесными, а умственными очами — этого достаточно.

Святые также имеют свою власть, свой блеск, свои победы и совсем не нуждаются в величии материальном или умственном; оно не имеет к ним никакого отношения, ничего им не прибавляет и ничего не убавляет. Они видимы Богом и ангелами, а не телами и душами любопытных; они довольствуются Богом. Архимед, и не будучи знатного происхождения, пользовался бы таким же высоким уважением. Он не давал битв, но оставил миру свои открытия. О, как он велик и блистателен в глазах ума!

Иисус Христос, без богатства и без обнаружения какой-либо учёности, имеет Своё значение — святость. Он не дал нам никаких изобретений, Он не царствовал, но был кроток, терпелив, свят пред Богом, страшен демонам, чист от всякого греха. О, как славно, как чудно-величественно было Его присутствие пред очами сердца, способного разуметь Премудрость! Архимеду не было цели выставлять в своих сочинениях о геометрии своё княжеское достоинство, хотя он его имел. Для Господа нашего Иисуса Христа, чтобы блистать в Своём царстве святости, было бесполезно являться в царском величии; зато Он пришёл во всём блеске Своего святого достоинства.

Смешно смущаться уничиженным положением Иисуса Христа, как будто это уничижение имело что-нибудь общее с тем величием, которое Он имел обнаружить. Пусть этого величия ищут в Его жизни, в Его страданиях, в скромном происхождении, в смерти, в выборе учеников, в Его отношении к ним, когда те Его покинули, в Его таинственном воскресении и во всём прочем; тогда оно представится им столь великим, что не будет повода смущаться этим лишь кажущимся уничижением.

Но есть люди, могущие восхищаться только чувственным величием, как будто духовного не существует; другие же доступны впечатлению только умственного величия, как будто в Премудрости не заключается величие ещё бесконечно высочайшее. Все тела, небо, звёзды, земля и её царства — ничто в сравнении с самым обыкновенным умом, потому что он постигает как все эти предметы, так и себя; тело же ничего сознавать не в состоянии. Все тела, все умы, взятые вместе, и все их произведения — ничтожество пред малейшим движением любви, как принадлежащей к бесконечно высшему порядку. Все тела вместе не могли бы произвести ни малейшей мысли, так как мысль относится к высшему порядку. Из всех тел и умов нельзя было бы извлечь движение истинной любви, потому что высшая любовь принадлежит совершенно к иному порядку — сверхъестественному.

II.

Иисус Христос жил в такой неизвестности (в мирском смысле), что историки, описавшие только важные государственные события, едва Его заметили. Что ни Иосиф Флавий, ни Тацит, ни другие летописцы совсем не упоминают об Иисусе Христе, — это обстоятельство скорее говорит за, нежели против Него; ибо несомненно, что Иисус Христос был, и вера в Него произвела большой шум, и что эти люди имели об этом сведения. Они, очевидно,

скрыли это событие с намерением; а если и говорили о Нём, то другие уничтожили или исказили написанное.

Примечание: Современная наука считает ошибочной мысль Паскаля о том, что: «Иосиф Флавий и Тацит едва ли замечают Иисуса». Сегодня принято: Тацит (Ann. XV, 44) — независимый, враждебный и потому особо ценный источник; Иосиф Флавий: Testimonium Flavianum — интерполировано, но ядро текста, по мнению большинства исследователей, подлинно; упоминание Иакова, «брата Иисуса, называемого Христом» (Ant. XX, 9, 1), — практически общепризнанно. Следовательно, с современной точки зрения: языческие и иудейские источники Иисуса не замалчивают. С точки зрения историографии Паскаль: работал до становления критической науки о древних источниках; не располагал: полной рукописной традицией Тацита, устойчивым консенсусом по Иосифу Флавию; опирался на гуманистическую и конфессиональную критику, а не на академическую историографию. Современные историки признают: для интеллектуала 1650-х годов скепсис к Флавию был нормой, а использование Тацита — необязательным. Ред.

III.

Какой человек имел когда-либо больше блеска? Весь еврейский народ задолго предсказывал Его пришествие. Язычники поклоняются Ему, когда это пришествие совершилось. Те и другие считают Его своим средоточием. Но кто из людей в то же время так мало пользовался всем этим блеском? Из тридцати трёх лет жизни Он тридцать провёл в неизвестности; в течение трёх остальных слыл обманщиком; священники и старейшины отвергли Его; друзья и близкие презирали Его. Наконец, Он умирает, преданный одним из Своих учеников, непризнанный другим и покинутый всеми. Какую долю имел Он во всём этом блеске? Никогда человек не имел такого величия; никогда человек не был более унижен. Весь этот блеск послужил только нам, чтобы мы могли вразумиться им; Ему же Самому в нём доли не было.

IV.

Иисус Христос высказывает величайшие истины так просто, что кажется, будто Он предварительно не размышлял о них; но вместе с тем выражает их настолько ясно, что не остаётся сомнения относительно того, что Он о них думает. Эта ясность в соединении с такой простотой — изумительна. Кто указал евангелистам качества, отличающие вполне героическую душу, чтобы они с таким совершенством изобразили её в Иисусе Христе? Зачем они представляют Его слабым в предсмертные минуты? Разве они не могли изобразить Его более стойким в смерти? Конечно, могли, ибо тот же св. Лука, описывая смерть св. Стефана, изображает его более крепким в эти минуты, чем был Иисус Христос.

Они представляют Его подверженным страху смерти до наступления необходимости умереть, а затем изображают Его в полной стойкости. Но если они описывают Его смущённым, то лишь пока Он Сам смущает Себя; когда же Его смущают люди, Он становится совершенно твёрдым. Церкви стоило такого же труда доказать, что Иисус Христос был человеком — в опровержение отрицавших это, — как и доказать, что Он был Богом; видимые же данные одинаково сильно противоречили и тому, и другому.

V.

Обращение язычников было предоставлено только благодати Мессии. Иудеям долго пришлось бороться с ними, но без успеха: всё, что говорили Соломон и пророки, оказалось напрасным. Мудрецы, как Платон и Сократ, не могли убедить язычников признать Единого Бога. Оба Завета взирают на Иисуса Христа: Ветхий — как на свою надежду, Новый — как на свой образец, оба — как на своё средоточие. Пророки предсказывали, но сами не были предсказаны. Затем святые были предсказаны, но сами не пророчествовали. Иисус Христос

возвещён пророками и пророчествует Сам. Иисус Христос — для всех, Моисей — для одного народа. Иудеи были благословлены в лице Авраама: «Благословлю благословляющих тебя» (Быт. 12:3). Но все народы благословятся в семени его (Быт. 18:18). Свет во откровение язычникам (Лук. 2:32). Не сделал Он того никакому народу (Пс. 147:9), — сказал Давид, говоря о законе; говоря же об Иисусе Христе, должно сказать: «То сделал Он для всех народов». Итак, Иисус Христос — для всего мира. Сама Церковь приносит жертву только за верных; Иисус Христос принёс крестную жертву за всех.

XVI. Свидетельства пророков об Иисусе Христе

I.

Самым сильным свидетельством о Иисусе Христе служат пророчества. Поэтому они составляли предмет особого попечения Божия, ибо предрекаемое ими событие есть чудо, существующее от рождения Церкви до конца её. Для того Бог воздвигал пророков в течение тысячи шестисот лет; в течение следующих четырёхсот лет Он рассеял все эти пророчества вместе со всеми хранившими их иудеями по всем странам мира. Таково было приготовление к рождению Иисуса Христа, ибо, прежде чем весь мир уверовал в Его Евангелие, требовалось не только существование пророчеств, чтобы вызвать эту веру в Него, но чтобы пророчества эти были распространены в мире, дабы весь мир мог принять Его.

Если бы один человек написал книгу пророчеств о Иисусе Христе, предсказал бы время и обстоятельства Его пришествия, и если бы Иисус Христос явился согласно этим предсказаниям — это уже было бы невероятной силой. Но произошло более того. Целый ряд людей, в течение четырёх тысяч лет, постоянно и без изменений являлся один вслед другого предсказывать это самое событие. Целый народ возвещает его в продолжение четырёх тысяч лет, чтобы общим голосом подтвердить хранимые им о том заветы и, вопреки всем угрозам и преследованиям, дать, наконец, своё свидетельство. Это достойно особого внимания.

II.

Время пришествия Мессии было предсказано по отношению к положению еврейского народа, к положению народов языческих, состоянию храма и к числу лет: нужна большая смелость, чтобы так подробно описать обстановку предрекаемого события. Необходимо было, чтобы существование четырёх языческих монархий совпало с окончанием царства Иуды и совершением семидесяти седмин, но всё это должно было предшествовать разрушению храма. Было предсказано, что при четвёртой монархии, до разрушения второго храма, раньше, чем иудеи будут лишены самостоятельности, в семидесятую седмину Данила, пока ещё цел был второй храм, язычники будут просвещены и приведены к познанию Бога иудеев; что любящие Его будут избавлены от своих врагов и исполнятся страха и любви к Богу.

Так и случилось: в четвёртую монархию, до разрушения второго храма, язычники во множестве поклоняются Богу и ведут ангелоподобную жизнь; девицы посвящают Богу свою девственность и жизнь; мужчины отказываются от всех удовольствий. В чем Платон не мог уверить небольшое число избранных и сведущих людей, в том тайная сила немногими словами убеждает сотни тысяч простых, необразованных людей. Что означает всё это? — То, что ещё задолго было предсказано: «Излию от Духа Моего на всякую плоть» (Иоиль 2:28).

Все народы пребывали в неверии и служении плоти, и что же стало?! Вся земля возгорелась горячей любовью к ближнему; великие мира бросают свои почести, богатые оставляют свои

богатства; девицы терпят мученичество; дети покидают уютный родительский кров, чтобы жить среди лишений в пустыне. Откуда происходит такая сила? Это значит, что явился Мессия, и вот последствия и признаки Его пришествия. В течение двух тысяч лет ни один язычник не знал Бога евреев; но в предопределённое время множество язычников поклоняется этому единому Богу; капища разрушены, сами цари подчиняются Христу. Что всё это значит? — Что Дух Божий излит на землю.

Предречено, что, когда придёт время Мессии, Он установит Новый Завет, который заставит позабыть исход из Египта (Иеремия 31:31–32); что Он вложит закон во внутренность и напишет его в сердцах (Иеремия 31:33); что Иисус Христос вложит страх в глубину сердца (Иеремия 31:33; 32:40), дабы страх этот не был только внешним, как до сего было. Далее сказано, что иудеи отвергнут Иисуса Христа и сами будут отвергнуты Богом, потому что избранный народ дал только дикие ягоды (Исаия 5:2–4), окажется неверным, неблагодарным. «Всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путём недобрым, по своим помышлениям» (Исаия 65:2); что Бог поразит их слепотой, и они будут по дню ходить ощупью, подобно слепым (Второзаконие 28:28).

Что Церковь вначале будет малая, а потом разрастется (Иезекииль 17:6). Тогда идолопоклонство будет разрушено; Мессия низвергнет идолов и приведёт народы к почитанию истинного Бога (Иезекииль 30:13). Храмы идолов будут разрушены, и у всех народов по всей земле будут приносить Ему жертву чистую, а не животных (Малахия 1:11). Он будет царем иудеев и язычников (Псалом 2:6,8; 71:8,11). И вот этот царь иудеев и язычников преследуется теми и другими, сговорившимися убить Его — властителя тех и других, разрушившего культ Моисея в Иерусалиме, который был его центром, а впоследствии — местопребыванием первой Церкви христианской, и культом язычников в Риме, бывшем средоточием язычества, а потом — Его главной Церкви.

Он укажет людям путь совершенный (Исаия 30:21; Михей 4:2 и сл.). И ни раньше, ни после не являлось ни одного человека, чьё учение, хотя приблизительно, уподоблялось бы божественности этого учения. Вот приходит Иисус Христос и говорит людям, что сами они единственные враги себе; что разлучают их с Богом страсти их; что Он пришёл разрушить эти страсти и даровать им Свою благодать, дабы создать из них всех единую святую Церковь, в которую Он введёт язычников и иудеев; что Он пришёл низвергнуть идолов одних и укрепить веру других.

Этому противятся все люди, не только в силу естественного сопротивления чувственности, но, сверх всего, против этой нарождающейся веры восстают все цари земные, как и было предсказано (Пс. 2:1,2). Все сильные мира сего сплотились между собою для этой цели: учёные, мудрецы, цари. Одни пишут, другие осуждают, третьи убивают. И, несмотря на такие препятствия, простые, немощные люди отражают все эти силы и даже подчиняют себе этих царей, учёных, мудрецов и изгоняют идолопоклонство со всей земли, — и всё это совершается силою, возвещённою о том устами пророков.

Иудеи, убивая Иисуса Христа, чтобы не принять Его за Мессию, тем самым сообщили Ему последний признак Мессии; продолжая не признавать Его, они становятся безупречными Его свидетелями; убивая Его и продолжая от Него отрекаться, они выполнили пророчества. Кто не узнал бы Иисуса Христа по стольким особым признакам, по стольким ясным предсказаниям, которые все соединились в Нем?

- У него будет предтеча — Малахия 3:1.
- Он родится младенцем — Исаия 9:6.
- Он родится в городе Вифлееме — Михей 5:2.

- Произойдет из колена Иуды — Бытие 49:8 и сл.
- Из племени Давида — 2 Царств 7:12 и сл.; Исаия 7:13 и сл.
- Будет являться главным образом в Иерусалиме — Михей 4:1; Аггей 2:7,9.
- Он должен ослепить мудрецов и ученых — Исаия 6:10.
- Благовествовать бедным и малым — Исаия 61:1.
- Открыть глаза слепцам и исцелять недужных, привести к свету томящихся во мраке — Исаия 35:5–6; 42:16.
- Укажет путь совершенный и будет наставником язычников — Ис. 30:21; 42:1–7; 55:4.
- Он будет жертвой за грехи мира — Исаия 53:5.
- Станет краеугольным и драгоценным камнем — Исаия 28:16.
- Сделается камнем преткновения и скалой соблазна — Исаия 8:14.
- Иерусалим столкнется с этим камнем — Исаия 8:15.
- Строители отринут этот камень — Псалом 117:22.
- Бог положит камень в основание угла — Псалом 117:22.
- Камень вырастет в гору необъятную и наполнит землю — Даниил 2:35.
- Он будет отвергнут — Псалом 116:22.
- Не признан — Исаия 53:2–3.
- Предан — Псалом 39:10.
- Продан — Захария 11:12.
- Убит и заколот — Исаия 50:6.
- Осмеян и оскорблен всевозможными способами — Исаия 34:16; Псалом 67:27.
- Напоен желчью — Псалом 68:22.
- Пронзены ноги и руки — Псалом 21:17.
- Предан смерти — Даниил 9:26.
- Одежду Его разделят и бросят жребий — Псалом 21:19.
- В третий день воскреснет — Псалом 15:10; Осия 6:2.
- Вознесется на небо и восседает одесную Бога — Псалом 46:6; 67:19; 109:1.
- Цари вооружатся против Него — Псалом 2:2.
- Сидя одесную Отца, поразит врагов Своих — Псалом 109:5.
- Цари и народы поклонятся Ему — Псалом 71:11.
- Иудеи останутся народом — Иеремия 31:36.
- Они будут рассеяны без царей, без жертвоприношений, без алтарей, без пророков — Амос 9:9; Ос. 3:4; Псалом 73:9.
- Ожидая избавления, не находят его — Исаия 59:9; Иеремия 8:15.

Примечания: «Строители отринут этот камень — Псалом 117:22» — Строители, работающие над созиданием духовного храма, в котором желает обитать Бог.
«Бог положит камень в основание угла — Псалом 117:22» — То есть угла, имеющего соединить оба народа — иудеев и язычников — в поклонении одному и тому же Богу.

III.

Мессия один должен был произвести великий народ святых и избранных, руководить им, питать его, ввести его в место упокоения и святости, освятить его перед Богом, сделать из него храм Божий, примирить с Богом, спасти от гнева Божьего, избавить от рабства греху, явно господствующему в человеке, дать законы этому народу, начертать эти законы в его сердце, предать Себя за него в жертву Богу, стать Агнцем непорочным и одновременно стать закалателем жертвы — предложить Свою плоть и кровь и в то же время принести в жертву Богу хлеб и вино.

Предсказано, что должен был прийти Освободитель, который поразит голову змея, избавит Свой народ от грехов и от всех беззаконий его (Неемия 9:8); что учредится Новый Завет и

пребудет вечно; что будет новое и вечное священство по чину Мелхиседека; что Христос будет славен, могуществен, крепок и одновременно явится униженным, чтобы Его не узнали; что Его не примут за того, Кто Он есть; что Его отринут и предадут смерти; народ Его, который от Него отвернется, не примет Его и не найдёт в Нем прибежища; что Он покинет Сион для царства в средоточии языческого мира; что, несмотря на это, евреи будут существовать всегда; что Он должен произойти от Иуды.

IV.

Затем являлись люди, говорившие, что Бог открыл им, что имеет родиться Искупитель, который спасёт Свой народ. Позднее Аврааму было возвещено о будущем сыне, что Мессия произойдёт от него. Иаков объявил, что из двенадцати сыновей его родоначальников Мессия будет происходить от Иуды. Впоследствии Моисей и пророки предсказали, когда и как Он явится. Они сказали, что данный им закон имеет значение только в ожидании закона Мессии, что до тех пор он будет существовать непрерывно, но что новый закон будет пребывать вечно, и таким образом их закон, или закон Мессии, коего Он был обещан, будет на земле всегда. Так и было на самом деле: Иисус Христос при всех предсказанных обстоятельствах исполнил это. Это достойно удивления.

Если (скажут) это так ясно было предсказано иудеям, как же они не поверили? Или почему же они не были истреблены за то, что воспротивились такому ясному делу? Я отвечаю: было предсказано как то, что они не поверят такой ясной вещи, так и то, что они не будут истреблены окончательно. И ничто не может торжественнее засвидетельствовать в пользу Мессии, ибо недостаточно было одного существования пророков: необходимо было, чтобы пророчества их были сохранены вне сомнения.

V.

Пророки перемешали пророчества о других событиях с пророчествами о Мессии, чтобы предсказания касательно Мессии не остались без доказательства, а таковые по отношению к прочим событиям не остались без плода. «Не имеем царя, кроме Кесаря», — говорили иудеи (Иоанн 19:15). Следовательно, Иисус Христос был Мессией, так как у них не было царя, кроме чужеземца, а другого они не хотели. Семьдесят седмин Даниила могут объясняться двояко: в отношении начала их счисления, по причине неопределённости выражения самого пророчества, и в отношении конца счисления, по причине разногласий хронологов. Но эта разница не может превышать двухсот лет.

Пророчества, изображающие Иисуса Христа бедным, представляют Его также как властителя народов (Ис. 53:2 и сл.; Зах. 9:9,10). Пророчества, указывающие время, изображают Иисуса Христа лишь Господом язычников и страждущих, а не восседающим на облаках в качестве Судии; те же пророчества, которые изображают Его судящим народы и славным, вовсе не отмечают времени. Когда говорится о Мессии как о великом и славном, это очевидно относится к Нему как к Судии, а не как к Искупителю мира (Ис. 66:15,16).

XVII. Различные свидетельства об Иисусе Христе.

I.

Не верить апостолам значит предполагать, что они либо были обмануты сами, либо обманывали других; но то и другое одинаково трудно. Ибо в первом случае невозможно обмануться настолько, чтобы считать человека воскресшим из мертвых; второе же предположение нелепо. Чтобы быть последовательным, пусть представят себе этих двенадцать человек, собравшихся после смерти Иисуса Христа вместе для того, чтобы сговориться уверять всех в Его воскресении. Но отсюда должна начаться для них борьба со всевозможными приманками, на которые так падко человеческое сердце — любовь к

переговорам, обещания наград и пр. Если бы хотя бы один из них, увлеченный подобными соблазнами или, еще скорее, устрашенный темницей, пытками, смертью, отказался от своих слов, то погибель была бы для всех несомненна. Пусть же сообразят это. Пока Иисус Христос был с ними, Он мог их поддерживать. Но потом, если Он не явился им, кто заставил их действовать?

II.

Текст Евангелия замечателен во многих отношениях и, между прочим, в том, что не содержит никаких выражений вражды к мучителям и врагам Иисуса Христа. В отличие от столь свойственной историкам наклонности поносить все враждебное, в Евангелии нет никаких упреков ни Иуде, ни Пилату, ни одному из иудеев. Если это смирение евангелистов было притворным, как и другие прекрасные черты их писаний, и притворялись они только для того, чтобы выставить эти достоинства, то, не смея сами обратить на них внимание других, они не приобрели бы друзей, которые взяли бы на себя указать эти черты в их пользу. Но, действуя вполне искренне, без всякого расчета, они не обратили ничьего внимания на это. И полагаю, многое тому подобное до сих пор осталось незамеченным в их писаниях, а это доказывает в апостолах отсутствие всякого умысла.

III.

Сначала Иисус Христос, затем апостолы и, наконец, первые святые творили много чудес; потому что за несовершенством еще всего предсказанного пророчествами, и так как они сами были окончательным их исполнением, свидетельствовать могли только чудеса. Было предсказано, что Мессия обратит народы. Каким образом сбылось бы это пророчество без обращения народов? И как обратились бы народы к Мессии, если бы не видели этих последних осуществлений, свидетельствующих о воскресении и обращении Им народов? Еще не все было совершено, а потому все это время нужны были чудеса. Теперь же чудеса не нужны против иудеев, так как исполнившиеся пророчества — постоянное чудо.

IV.

Замечательно и достойно особого внимания, что еврейский народ, при всем своем несчастном положении, существует на протяжении стольких лет. Чтобы быть свидетелями Иисуса Христа, евреи должны существовать и, в то же время, бедствовать за то, что Его распяли. Хотя постоянное бедствие исключает возможность продолжительной жизни, тем не менее, они, хотя и бедствуют, но существуют. Был ли почти в таком положении во время пленения? Нет. Скипетр не был отнят у Иуды окончательно, потому что возвращение их было обещано и предсказано. Когда Навуходоносор увел народ, чтобы они не подумали, что скипетр будет взят у Иуды, им заранее было предсказано, что пленение будет непродолжительным, а самостоятельность будет возвращена им. Они постоянно получали утешения от пророков, и цари их продолжались. Но при вторичном разрушении храма обещания возобновить его не было, как не было ни пророков, ни царей, ни утешений, ни надежды, ибо скипетр навсегда был отнят у них.

Не значило быть в плену, когда существовала уверенность через семьдесят лет получить избавление. Но теперь у них нет никакой надежды. Бог обещал им, что, хотя Он рассеет их по краям света, однако, если они будут верны закону, Он соберет их опять. Они очень верны Ему, но остаются в угнетении. (Стало быть, Мессия явился, а закон, содержащий эти обещания, перестал существовать вследствие установления закона нового).

V.

Если бы иудеи были обращены Иисусом Христом, то у нас были бы только сомнительные свидетели; будь же они истреблены окончательно, мы совсем не имели бы свидетелей. Иудеи отвергают Его, но не все. Святые Его принимают, чувственные — нет. И это не только не умаляет Его славы, но, напротив, довершает ее. Причина их неверия, и притом единственная, высказанная в их писаниях, в Талмуде и у раввинов, та, что Иисус Христос не

покорил народы вооруженной рукой: «Препояши меч твой на бедро своё, сильный; я дам тебе сокровища скрытые и богатства тайные» (Исаии 45:3) — только это могут сказать они. «Иисус Христос был убит», говорят они, «изнемог, не покорил язычников Своей силой, Он не дал нам добычи с них, Он совсем не дает богатств». — Только-то? Этим именно Он и дорог мне. Я бы совсем не хотел того, которого они себе представляют.

VI.

Как сладко очами веры видеть, как Дарий и Ксеркс, Александр, римляне, Помпей и Ирод, сами того не сознавая, действуют во славу Евангелия.

VII.

Религия язычников никакого основания не имеет. Мусульманская религия основывается на Коране и Магомете. Но этот пророк, долженствовавший быть последней надеждой мира, — был ли он предсказан? И какие особые признаки имеет он, которые бы отличали его от всякого человека, пожелавшего выдавать себя за пророка? Какие чудеса, по его словам, совершил он сам? Какую открыл он тайну, какой научил нравственности, какое указал блаженство? Магомет не имеет свидетельств о себе. Зато должны быть очень сильны его умственные доводы, раз они основаны только на его собственном авторитете. Что же говорить он? — Что ему нужно верить.

VIII.

Два человека рассказывают друг другу нелепые истории, но в словах одного заключается двоякий смысл, а речь другого имеет лишь прямой смысл; человек посторонний, не посвященный в тайну, слышит разговор и составляет о словах обоих одинаковое понятие. Но если затем, в конце беседы, один начинает высказывать божественные истины, другой же продолжает говорить пошлости, то слушающий будет такого мнения, что в словах одного заключается таинственный и глубокий смысл, в словах же другого этого смысла нет, так как первый достаточно доказал, что он не может говорить бессмыслицу, но может быть таинственным, а другой обнаружил свою неспособность к глубокомыслию и умение говорить только пошлые вещи.

IX.

О Магомете нужно судить не по тому, что есть в нем темного и может считаться имеющим таинственный смысл, но по тому, что в нем есть ясного, по его раю и прочему. В этом именно его смешная сторона, и потому несправедливо принимать темное в нем за тайны, раз явное его смешно. Иное — относительно Библии. Пусть в ней есть темные места, как и у Магомета, но зато в ней есть и места замечательно ясные, есть определенные и сбывшиеся пророчества. Поэтому здесь не может быть сравнения. Не следует смешивать и сравнивать вещи, имеющие сходство только в темных частях своих, но совершенно различные в частях освященных; ибо по явному можно судить и о тайном. Коран называет св. Матфея добродетельным человеком. Следовательно, Магомет был ложный пророк, так как либо называешь хороших людей злыми, либо не веришь им в том, что они сказали об Иисусе Христе.

X.

Всякий человек может сделать то, что сделал Магомет, потому что он совсем не творил чудес и не был предсказан. Но никто не может сделать того, что совершил Иисус Христос. Магомет утвердил свою религию на избрании других, Иисус Христос — отдав на избрание Своих; Магомет запретил читать, апостолы, напротив, читать приказывали. Наконец, самое резкое различие: Магомет искал успехов человеческих, тогда как Иисус старался страдать и умереть по-человечески. Вместо того, чтобы заключить, что если имел успех Магомет, то Иисус Христос мог иметь его и подавно — следует сказать: так как Магомет имел успех, то Иисус Христос должен был погибнуть.

XVIII. Для чего Бог, скрываясь от одних, открывается другим

I.

Бог хотел искупить людей и дать возможность спасения ищущим Его. Но люди оказываются столь недостойными, что Бог, в справедливости, отказывает некоторым, вследствие их загрубелости, в том, что дарует по незаслуженному ими милосердию другим. Если бы Он пожелал побороть упорство самых загрубелых, Он мог бы сделать это, обнаружив Себя им так торжественно, что они не могли бы усомниться в истинности Его существа, — как явится Он в последний день при таком громе, молнии и разрушении природы, что мертвые воскреснут и самые слепые увидят Его.

Но не в таком виде пожелал Он совершить Своё кроткое пришествие; так как множество людей оказалось недостойными Его милосердия, Он не хотел даровать им того блага, от которого они сами отказываются. Поэтому весьма справедливо, что Он явился не в полноте Своего божественного величия, что, несомненно, заставило бы уверовать в Него всех людей, однако и не настолько таинственно, чтобы Его не могли узнать искренне Его ищущие. Он хотел дать таким людям полную возможность узнать Его, и потому, желая быть явным для ищущих Его всем сердцем и скрытым от тех, которые всем сердцем своим бегут от Него, Он умеряет возможность Его познания: ясно открывая Себя стремящимся к Нему и скрываясь от людей равнодушных.

II.

Достаточно света для желающих только впредь идти и достаточно мрака для людей, чьи желания направлены в другую сторону. Достаточно для просвещения избранных и довольно темноты, чтобы смирять их. Достаточно темноты для ослепления осуждаемых и довольно света, чтобы осудить их и сделать непрощёнными. Если бы мир существовал с целью поучать человека быть ближе к Богу, то он проявлялся бы всюду неопровержимым образом; но так как мир существует только через Иисуса Христа и для Него, а также для того, чтобы указывать людям на их испорченность и необходимость искупления, то всё в мире носит доказательство этих двух истин. Всё, что проявляется в нем, не означает ни полного отсутствия, ни явного присутствия Божества, но присутствие сокровенного Бога: всё носит на себе такой признак.

Если бы никогда не было никаких обнаружений Бога, то это постоянное лишение было бы двусмысленно и одинаково могло относиться к небытии вообще Бога или к отсутствии достоинства людей познавать Его. Но то обстоятельство, что Он временами открывал Себя, хотя и не всегда, устраняет эту двусмысленность. Если же Он являлся хотя бы один раз, значит, Он всегда существует. Отсюда можно вывести только одно заключение: что Бог есть, но люди Его не достойны.

III.

Цель Бога скорее — совершенствовать волю, чем ум. Полная ясность послужила бы на пользу только уму и повредила бы воле. Если бы не существовало никакой тайны, человек не чувствовал бы своей испорченности. Если бы совсем не было света — человек не надеялся бы на исцеление. Потому не только справедливо, но и полезно для нас, что Бог отчасти сокрыт от нас и отчасти открыт нам, ибо одинаково опасно для человека знать Бога, не зная своего бедственного состояния, и знать свою беспомощность, не ведая Бога.

IV.

Верно, что всё указывает человеку на его положение; но нужно хорошо понимать это, ибо неверно думать, что всё обнаруживает Бога, и неверно, что Он скрыт повсюду. Верно же взятое всё вместе, т.е. что Он скрывается от не ищущих Его и открывается ищущим Его; люди, все вместе, недостойны Бога, но могут Его удостоиться: недостойны вследствие своего повреждения и достойны по своей первоначальной природе. На земле нет ничего,

что не свидетельствовало бы или о жалком положении человека, или о милосердии Бога; — или о беспомощности человека без Бога, или о могуществе человека с Богом. Вся вселенная возвещает человеку или о его новорожденности, или о его искуплении. Всё возвещает ему его величие или ничтожество. Каков человек, предоставленный Богом самому себе, видно на язычниках; покровительство Божие обнаруживается в иудеях.

VI.

Избранным всё служит к добру, даже самые неясности писания; ибо они чтут их за его ясные стороны; наоборот, у других всё обращается во зло, даже самые очевидности, так как они проклинают их за неясности, коих не понимают.

VII.

Если бы Иисус Христос пришел только для освящения людей, то всё Писание и все события клонились бы к этому, и легко было бы обратить неверующих. Если бы Иисус Христос явился только для того, чтобы ослепить, то все Его действия были бы неясны, и мы не имели бы никакого средства убедить неверующих. Но так как Он пришел как освящение и камень преткновения и соблазна, по словам пророка Исаии (8:14), то уверовать неверующих мы не можем, и они не могут убедить нас; однако тем самым мы их убеждаем, утверждая, что из всех Его действий нельзя вывести решения, исключительного в пользу той или другой стороны.

Иисус Христос пришел ослепить зрящих и дать зрение слепым; исцелить больных и послать смерть здоровым; призвать к покаянию и оправдать грешников, а праведных оставить в грехах их; обогатить неимущих и оставить ни с чем богатых. Что говорят о Иисусе Христе пророки? Что Он явно будет Богом? Нет. Но они говорят, что Он в действительности Бог сокровенный; что Его не узнают, будут думать, что это совсем не Он; что Он будет камнем преткновения, о который споткнутся многие, и т.д. Бог, чтобы сделать Мессию узнаваемым для добрых и неузнаваемым для злых, так и предсказал о Нем устами пророков. Если бы образ явления Мессии был предсказан ясно, то в нем не было бы ничего непонятного даже для злых. Если бы время было предсказано туманно, то была бы неясность даже для добрых; ибо доброта сердца их не подсказала бы им, например, что D означает шестьсот лет. Но время явления было предсказано ясно, способ же — только символически, иносказательно. *(Автор замечает здесь, что у евреев, как и у греков, все буквы алфавита имеют значение чисел, а потому и употребляются вместо цифр).*

Вследствие этого злые, принимая обещанные блага за материальные, заблуждаются, несмотря на то, что время предсказано ясно; добрые же не заблуждаются, ибо понимание обещанных благ зависит от наклонностей сердца, которое называет благом то, что любит; но понимание обещанного времени совсем не зависит от сердца; таким образом, предсказание, ясное в отношении времени и темное в отношении благ, обманывает только злых.

VIII.

Каким должен был быть Мессия, когда ради Него скипетр непрерывно имел оставаться у Иуды, а по Его пришествии должен был отойти от Иуды? Чтобы заставить их видеть, не видя, и понимать, не разумея, это было лучшее средство. Вместо того чтобы жаловаться на сокровенность Бога, вы должны благодарить Его, что Он так явственно обнаружил Себя, и ещё должны быть благодарны Ему, что Он не открыл Себя ни мудрецам, ни высокомерным, недостойным знать столь святого Бога.

IX.

Родословная Иисуса Христа перемешана в Ветхом Завете со столькими другими, не относящимися к делу, что выделить её невозможно. Иное дело, если бы Моисей исчислял

только предков Иисуса Христа. Однако при ближайшем рассмотрении родословную Иисуса Христа нетрудно отличить от других, с ней смешанных, благодаря жизнеописаниям Фамари, Руфи и прочих. Все кажущиеся слабые стороны приобретают положительную силу в глазах посвящённого и верующего. Так, например, обе родословные у евангелистов Матфея и Луки — что может быть очевиднее того, что они записаны без всякого предварительного сговора.

X.

Пусть же не упрекают нас в недостатке ясности, ибо мы сами признаем, что эта неясность существует. Но пусть признают истинность нашей веры в самой её неясности, в силу недостаточности нашего знакомства с нею и нашего равнодушия к её изучению. Если бы существовала только одна религия, Бог был бы слишком явен, как и в том случае, если бы мученики были среди последователей только нашей веры. Чтобы оставить злых при их заблуждении, Иисус Христос не говорил ни о том, что Он не происходит из Назарета, ни о том, что Он не сын Иосифа.

XI.

Как Иисус Христос был незамеченным среди людей, так и правда Его пребывает без внешних отличительных знаков среди обыденных истин, так же как и евхаристия среди обыкновенных хлебов. Если милосердие Божие, будучи даже преоткровенным, наставляет нас на путь спасения, то какого же света должны мы ждать от Него, когда Он в полной мере обнаружится? Ничего мы не поймем в делах Божиих, если не поставим себе за правило, что Он желал ослепить одних и просветить других.

XIX. Ветхий и Новый Заветы — в существе одна вера

По-видимому, существенными составными частями вероисповедания иудеев были: происхождение их от Авраама, обрезание, жертвоприношения, церемонии, ковчег завета, Иерусалимский храм и, наконец, закон и заключённый через Моисея союз с Богом. Я утверждаю, что вера иудеев заключалась совсем не в этом: единственным выражением её должна была быть любовь к Богу, и Бог осуждал всё остальное. Бог совсем не признавал права происхождения от Авраама. Иудеи, как и другие народы, подвергаются наказанию от Бога, если не послушают Его: «Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, и пойдёшь вслед богов других, и будешь служить им и поклоняться им, то свидетельствую вам сегодня, что вы погибнете, как народы, которые Господь истребляет от лица вашего» (Второзаконие 8:19–20).

Иноплеменники наравне с иудеями могут быть приняты Богом, если возлюбят Его: «Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: “Господь совсем отделил меня от Своего народа”… Присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его… Я приведу их на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы; всесожжения их и жертвы их будут благоприятны на жертвеннике Моем: ибо дом Мой назовётся домом молитвы для всех народов» (Исаия 56:3, 6–7). Истинные иудеи считали свою заслугу по верности Богу и Его заповедям, а не по происхождению от Авраама: «Только Ты — Отец наш; ибо Авраам не знает нас, и Израиль не признаёт нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твоё: Искупитель наш» (Исаия 63:16). Сам Моисей сказал им, что Бог не смотрит на лица: «Бог не смотрит на лица и не берёт даров» (Второзаконие 10:17).

Заповедано обрезание сердца: «Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковыйны. Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий и страшный, Который не смотрит на лица» (Второзаконие 10:16–17; Иеремия 4:4). Бог совершит это со временем: «И обрежет Господь, Бог твой, сердце твоё и сердце потомства

твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей» (Второзаконие 30:6). Не обрезавшие сердца своего будут осуждены: «Бог осудит народы необрезанные, а также и весь народ Израиля, потому что сердце его не обрезано» (Иеремия 9:25–26). Вера внешняя и обрядность, без участия сердца, ни к чему не служат: «Раздирайте сердца ваши, а не одежды», — говорит пророк (Иоиль 2:13; см. также Исаия 58). Я утверждаю, что обрезание было символом, установленным для отличия иудеев от других народов (Бытие 17:11).

Оттого во время нахождения их в пустыне они не обрезывались, ибо не было возможности смешаться им с другими народами; оттого же обрезание стало ненужным со времени пришествия Иисуса Христа. Любовь к Богу внушается во всём Второзаконии: «Во свидетели пред вами призываю небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя» (Второзаконие 30:19–20). Иудеи, за недостатком этой любви, будут осуждены за свои пороки, и язычники займут место их: «Сокрою лицо Моё от них и увижу, какой будет конец их; ибо они род развращённый, дети, в которых нет верности» (Второзаконие 32:20–21). «Они возбудили гнев Мой, служа иным богам; и Я, в возмездие им, возбужу в них ревность, призвав к Себе народы, не вопрошавшие о Мне и не искавшие Меня» (Исаия 65:1).

Временные блага суть блага ложные; истинное же благо есть единение с Богом (Псалтирь 72). Праздники их не благоугодны Богу (Амос 5:21), как не угодны Ему и жертвоприношения их (Исаия 46:1–3; Иеремия 6:20; Псалтирь 49:8–14). Установлены же жертвы только ввиду загрубелости иудеев. Замечательны слова пророка Михея (Михей 6:6–8; см. также 1 Царств 15:22 и Осия 6:6). Приношения язычников будут приняты Богом, а жертвы иудеев станут неблагоприятны (Малахия 1:10–11). Бог заключит новый завет через Мессию, старый же будет отвергнут (Иеремия 31:31–32). Прежнее всё забудется (Исаия 43:18–19). Не вспомнят более о ковчеге завета (Иеремия 3:16).

Храм будет отвергнут (Иеремия 7:12–14). Отвергнуты будут жертвоприношения, и установлены чистые жертвы (Малахия 1:10–11). Чин жертвенных служб Аарона будет осуждён, и введено Мессией служение по чину Мельхиседека (Псалтирь 109). Это священство будет вечным (там же). Иерусалим будет осуждён, а Рим (*т.е. язычники*) принят. Имя иудеев будет оставлено для проклятия и заменено другим (Исаия 65:15). Это последнее имя будет лучше, чем у иудеев, и будет вечным (Исаия 61:5). Иудеи останутся без пророков, без царя и без князя, без жертвы и без жертвенника (Осия 3:4). Иудеи, тем не менее, не перестанут быть народом (Иеремия 31:36).

XX. Истинное, благотворное познание Бога достижимо только через Иисуса Христа.

I.

Удивляюсь смелости, с которой эти лица берутся говорить о Боге с нечестивыми. Первым делом они стараются доказать Божество делами природы. Я не удивлялся бы такому приёму, если бы они говорили к верующим, ибо имеющие живую сердечную веру, конечно, ни на минуту не сомневаются, что всё существующее есть дело Бога, которому они поклоняются. Иное дело, когда приходится оживить этот свет в людях, отрешённых от веры и благодати и, несмотря на все усилия своего ума, вместо света находящих только мрак и пустоту. Говорить таким людям, будто стоит только рассмотреть малейшую из окружающих их вещей, чтобы ясно обнаружить в ней присутствие Бога, и, в доказательство этого великого и важного предмета, описывать им пути луны и планет, и тем считать дело убеждения сделанным, — значит давать им повод думать, что доказательства нашей веры

весьма слабы. По убеждению и по опыту я нахожу, что это, напротив, вернейшее средство породить в них презрение к вере.

Не так говорит об этом Писание, которому лучше известны дела Божии. Оно, напротив, утверждает, что Бог сокрыт; и с тех пор, как природа повреждена, Он оставил людей в ослеплении, от которого исцелиться они могут только через Иисуса Христа, и без Него невозможно никакое общение с Богом: «…никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Матф.11:27). Вот что ставит нам на вид Писание, многократно повторяющее, что ищущие Бога найдут Его — но совсем не при помощи дневного света, так как ищущие света среди бела дня, или воды в море, найдут то и другое; нет, очевидность присутствия Божия в природе не такова. Писание говорит нам в другом месте: «Истинно Ты Бог сокровенный» (Ис. 45:15).

II.

Иисус Христос есть средоточие всего. Кто знает Его, тому ясны причины и значение всех вещей. Заблуждающиеся заблуждаются только вследствие того, что не видят одной из этих истин. Конечно, можно знать Бога, не сознавая своей немощи, и сознавать свою немощь без Бога, но нельзя познать Иисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и своей немощи.

Вот почему я не намерен доказывать здесь доводами естественного разума ни существования Бога, ни Святой Троицы, ни бессмертия души, и ничего подобного. Я не делаю этого не только потому, что чувствовал бы себя недостаточно сильным находить в природе доказательства для убеждения загрубелых безбожников, но потому ещё, что без Иисуса Христа это познание бесполезно и бесплодно. Если бы кто-нибудь пришёл к убеждению, что отношения чисел суть истины нематериальные, вечные и зависят от первоначальной истины, в которой они существуют и которую называют Богом, — я не счёл бы этого человека значительно подвинувшимся на пути к своему спасению.

III.

Замечательная вещь, что ни один из канонических авторов не пользовался природой для доказательства Бога: Давид, Соломон и другие — все стремятся возбудить веру в Бога, но никогда вы не встретите у них подобного выражения: «пустоты не существует, значит, есть Бог». А эти люди были поумнее тех, которые теперь непременно прибегают к подобным аргументам.

IV.

Если вы соглашаетесь, что доказывать существование Бога рассмотрением природы — значит обнаружить слабость аргумента, то не презирайте Писания; если же, напротив, считаете признаком силы то, что оно познало противоречия в природе человека, то за это вы должны уважать Писание.

V.

Ничего нельзя познать из дел Божиих, если не принять за правило, что Бог хотел ослепить одних и просветить других.

VI.

Метафизические доказательства Бога так запутаны и так далеки от человеческих мыслей, что производят впечатление очень слабое: а если бы и принесли пользу некоторым, то разве только в ту минуту, когда эти доказательства у них перед глазами; но час спустя они уже начинают бояться — не обманулись ли. (Quod curiositate cognoverint, superbia amiserunt — «То, что они узнали из любопытства, они утратили вследствие гордости».) Впрочем, такого рода доказательства могут привести нас только к спекулятивному понятию о Боге, а понимать Его только таким образом — не значит понимать Его.

VII.

Бог христиан не есть только Бог геометрических истин и стихийного порядка: таков Бог язычников и эпикурейцев. Это не только Бог, промышляющий о жизни и земных благах людей с целью дать ряд счастливых лет жизни поклоняющимся Ему — то Бог иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан — есть Бог любви и утешения; это Бог, наполняющий верные Ему души и сердца, внедряющий в них ощущение их беспомощности и Своего бесконечного милосердия, соединяющийся с ними в глубине их души, наполняющий её кротостью, радостью, упованием, любовью, делающий их неспособными стремиться к чему-либо иному, кроме Него Самого.

Бог христиан — это Бог, дающий душе чувствовать, что Он — её единственное благо, что весь её покой в Нём, и единственная радость её — в любви к Нему. Это Бог, внушающий душе в то же время ненависть к препятствиям, которые задерживают её в стремлении любить Его всеми силами. Самолюбие и чувственность составляют эти препятствия, невыносимые для души; и Бог даёт ей чувствовать, что себялюбие глубоко коренится в ней, и что Он один может исцелить её.

Вот каково познание Бога в христианском смысле. Но чтобы так знать Его, необходимо знать в то же время свою греховность, своё не достоинство и необходимость иметь посредника, чтобы приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Никак нельзя обособлять эти два знания, ибо в противном случае они не только бесполезны, но и вредны. Познание Бога без сознания своей немощи производит гордость; сознание же нашей немощи без сознания Иисуса Христа ведёт к отчаянию. Но познание Иисуса Христа ограждает нас и от гордости, и от отчаяния, ибо в Нём мы обретаем как сознание своей немощности, так и единственный путь к её исцелению.

Мы можем познавать Бога, не зная своего жалкого состояния, или знать последнее, не ведая Бога; или — ведать Бога и нашу немощь, не зная средства избавиться от обуревающих нас зол. Но мы не можем знать Иисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и нашей греховной немощи, а вместе и средства против последней; ибо Иисус Христос не есть просто Бог, но Бог, восстанавливающий нас из нашей немощи.

Таким образом, все, ищущие Бога помимо Иисуса Христа и останавливающиеся на природе, или не находят никакого света, который бы мог удовлетворить их, или кончают тем, что изобретают средство познавать Бога и служить Ему без посредника, и таким путём доходят или до атеизма, или до деизма — двух вещей, почти одинаково противных христианской веры. Следовательно, все наши стремления должны быть направлены к познанию Иисуса Христа, потому что только через Него мы можем получить уверенность, что знаем Бога так, как знать Его нам полезно.

Он есть истинный Бог человеков, то есть немощных и грешных. Он есть предмет и средоточие всего: кто не знает Его, не знает ничего — ни в порядке мира, ни в себе самом. Ибо, помимо Иисуса Христа, нам недоступно не только познание Бога, но и познание самих себя. Без Иисуса Христа человек предоставлен пороку и своей немощи; с Иисусом же Христом человек освобождается от того и другого. В Нём вся наша добродетель и всё наше блаженство; вне Его — лишь порок, бедствие, заблуждение, мрак, отчаяние, и, кроме мрака и беспорядка, мы не видим ничего — ни в природе Бога, ни в нашей собственной.

XXI. Мысли о чудесах

I.

По учению различаются чудеса, и по чудесам различается учение.

II.

Чудеса бывают ложные и истинные. Чтобы была возможность определять их достоинство, они должны иметь какой-либо отличительный признак, иначе они были бы бесполезны. А они не бесполезны — напротив, служат основанием. Необходимо, поэтому, чтобы правило для определения чудес не разрушало доказательства, доставляемые истинными чудесами об истине — главной цели чудес.

Не будь вовсе ложных чудес, не было бы места и сомнению. При отсутствии правила для различения истинных от ложных, чудеса были бы бесполезны, и в них не было бы основания для веры. Как различать истинные чудеса от ложных, об этом говорит Моисей в двух местах (Втор. 13:1–3 и 18:22); также Иисус Христос: никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня (Марк. 9:39).

Откуда следует, что открыто объявляющий себя противником Иисуса Христа не может делать чудес Его именем. Поэтому, если он и делает их, то не именем Иисуса Христа, и ему не должно давать веры. Таковы случаи, когда чудеса исключают веру. Других исключений не должно допускать: в Ветхом Завете, когда чудо имеет целью отвратить вас от Бога; в Новом Завете — от Иисуса Христа. Поэтому при виде чуда нужно или подчиниться ему, или иметь необыкновенные признаки противного; нужно видеть, отрицает ли совершающий чудо — Бога, или Иисуса Христа, или Церковь.

III.

Должна быть ложной всякая вера, не поклоняющаяся Богу как началу всех вещей и, в своём нравственном учении, не указывающая любить одного Бога как цель всех вещей. Всякая вера, не признающая Иисуса Христа теперь, есть, очевидно, ложная, и чудеса никакой пользы принести ей не могут. Иудеи имели о Боге, как мы об Иисусе Христе, учение, подтверждённое чудесами; им было запрещено верить чудотворцам, если бы те хотели совратить их в ложное учение, даже более того — им было велено прибегать в таких случаях к первосвященникам и держаться их. (Втор. 17:12; Мал. 2:7).

И таким образом, те же причины, которые побуждают нас отказать в вере чудотворцам, имели и иудеи относительно появлявшихся среди них пророков. Однако они были весьма виновны, отвергая творивших чудеса пророков и Иисуса Христа, и не были бы виновны, если бы чудес не видели. «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха» (Иоан. 15:24). Отсюда следует, что Иисус Христос считал Свои чудеса верными доказательствами того, чему учил, и иудеям надлежало верить им. И действительно, собственно чудеса сделали иудеев виновными в их неверии.

Свидетельства, которые Иисус Христос и апостолы извлекают из Писания, не доказательны, ибо ими подтверждается только, что Моисей предсказал пришествие пророка, но не доказывается, что этот пророк был именно Иисус Христос, а в этом весь вопрос. Эти места Писания показывают лишь, что признание Иисуса Христа Мессией не противоречит Писанию, а не то, что оно прямо согласуется с ним.

IV.

Пророчества одни не могли доказать истинности Иисуса Христа как Мессии во время Его жизни, а потому не было бы вины в неверии в Него до Его смерти, если бы недостаточно было чудес Его, помимо учения. А не уверовавшие в Него при Его жизни были грешниками и, как Сам Он говорит, грешниками непростительными. Следовательно, противясь чудесам, они противились истинному свидетельству; так как за неимением истолкований они должны были руководствоваться чудесами. Стало быть, для веры достаточно одних чудес, если они не противоречат учению. Иисус Христос Свою истинность, как Мессии, никогда не

доказывал согласностью Своего учения с Писанием и пророчествами, но всегда доказывал её чудесами.

Никодим по чудесам Иисуса Христа признал, что учение Его от Бога: «Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» (Иоан. 3:2). Он не судил о чудесах по учению, но об учении — по чудесам.

Существует взаимный долг между Богом и людьми. «Рассудим, — говорит Бог устами пророка» (Ис. 1:18), и в другом месте: «Что же ещё надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему?» (Ис. 5:4). Долг людей к Богу — принимать посылаемую Им веру; долг Бога к людям — не вводить их в заблуждение. Опасность впасть в заблуждение была бы неминуема, если бы делающие чудеса проповедовали учение, но очевидно ложное в глазах здравого смысла, и Сам величайший Чудотворец не предупредил бы людей о грозящей им опасности со стороны лжеучителей, подкрепляющих свою проповедь знамениями.

Если бы, таким образом, при случающихся в Церкви разделениях еретики, вроде ариан, утверждавших, что их учение основано на том же Писании, как и у православных, стали совершать чудеса, когда в истинной Церкви их бы не совершалось, то это наверно привлекло бы многих на их сторону. Ибо насколько человек, возвещающий нам тайны Божии, недостоин веры, когда опирается только на свой личный авторитет, так что и нечестивцы сомневаются в нём, — настолько, напротив, даже в глазах нечестивых заслуживает веры тот, кто, в доказательство своего общения с Богом, воскрешает мёртвых, предсказывает будущее, переносит моря, исцеляет болезни. Неверие фараона и фарисеев есть следствие сверхъестественного ожесточения.

Но не сказано ли, что Бог искушает нас? А потому не может ли Он искушать нас чудесами, которые, по-видимому, ведут к заблуждению? Между понятиями искушать и вводить в заблуждение есть большая разница. Бог искушает, но никогда не вводит в заблуждение. Искушать — значит давать поводы, совсем не налагающие необходимости. Вводить в заблуждение — значит ставить человека в необходимость делать ложные заключения и им следовать. Так как Бог вводить в заблуждение не может, то человеку, скрывающему своё дурное учение и обнаруживающему только учение доброе, согласное, по его словам, с Богом и Церковью, очевидно, невозможно делать чудеса, чтобы провести ложную и тонкую доктрину — этого быть не может. Ещё менее возможно, чтобы Бог, который знает сердца, творил чудеса ради подобного человека.

V.

Далеко не одно и то же — не быть за Иисуса Христа и говорить это, или не быть за Иисуса Христа и показывать вид, что принадлежишь к Его последователям. Первые могут делать чудеса, последние — нет; ибо относительно одних можно прямо заключить, что они против истины, относительно же других — нельзя; от этого различить чудеса становится гораздо легче. Таким образом, чудеса решают спорные случаи между иудеями и язычниками, иудеями и христианами, правоверными и еретиками, оклеветанными и клеветниками.

Это самое наблюдалось во всех случаях борьбы правды против заблуждения: Авеля против Каина, Моисея против магов фараона, Илии против лжепророков, Иисуса Христа против фарисеев, св. Павла против Варисуса, апостолов против заклинателей бесов, христиан против неверных, правоверных против еретиков; то же самое будет при борьбе Илии и Еноха против Антихриста. Правда всегда одерживает верх в чудесах.

Наконец, в спорах об истинном Боге или об истинности веры никогда не случалось чудес на стороне заблуждения без того, чтобы ещё большие чудеса не совершались также и на стороне истины. В силу этого правила ясно, что иудеи обязаны были уверовать в Иисуса Христа. Иисус Христос был для них подозрителен, но Его чудеса были бесконечно яснее имевшихся против Него подозрений. Поэтому следовало веровать в Него.

Во времена Иисуса Христа одни веровали в Него, другие не веровали, основываясь на пророчествах, говоривших, что Он родится в Вифлееме. Но последним надлежало обстоятельнее расследовать, не в самом ли деле Он там родился. Ввиду убедительности Его чудес они должны были вполне увериться относительно кажущихся противоречий Его учения с Писанием, и эта неясность не извиняла, но ослепляла их. Иисус Христос исцелил слепорождённого и сотворил много других чудес в субботний день, чем ослеплял фарисеев, настаивавших, что следует судить о чудесах по учению.

Но в силу того же самого правила, по которому следовало веровать в Иисуса Христа, никак нельзя будет веровать Антихристу. Иисус Христос не говорил ни против Бога, ни против Моисея. Антихрист и лжепророки, предсказанные в обоих Заветах, будут открыто говорить против Бога и против Иисуса Христа. Скрывающего свою вражду к Богу Бог не допустил бы открыто совершать чудеса.

- Моисей предсказал Иисуса Христа и заповедал Ему следовать. (Втор. 18:15)
- Иисус Христос предсказал Антихриста и запретил ему следовать. (Мтф. 24:23,24)

Чудеса Иисуса Христа не предсказаны Антихристом; чудеса же Антихриста предсказаны Иисусом Христом. Потому, если бы Иисус Христос не был Мессией, Он непременно ввёл бы в заблуждение; но неразумно было бы впасть в заблуждение от чудес Антихриста. Вот почему чудеса Антихриста нисколько не вредят чудесам Иисуса Христа. Действительно, когда Иисус Христос предсказывал чудеса Антихриста, думал ли Он разрушить этим веру в Свои собственные чудеса? Нет ни одного основания для веры в Антихриста, по которому не следовало бы верить в Иисуса Христа; но для веры в Иисуса Христа есть такие основания, которые не могут служить для веры в Антихриста.

VI.

Чудеса послужили основанием и впредь послужат продолжению Церкви до Антихриста, до конца. Бог (чтобы сохранить для Своей Церкви это доказательство) или изобличил ложные чудеса, или предсказал их; таким образом Он возвысил Себя, а вместе и нас самих над тем, что в наших глазах сверхъестественно. Так будет и в будущем: или Бог не допустит ложных чудес, или Он сотворит ещё большие; ибо чудеса имеют такую силу, что Бог должен был предупредить, дабы — при противных Ему чудесах — не подумали, как бы очевидно это ни казалось, что они от Бога, иначе они могли бы соблазнить людей.

Следовательно, места в тринадцатой главе Второзакония, содержащие запрещение верить или слушать тех, которые будут совершать чудеса, и отвращать от служения Богу, затем следующие слова в Евангелии от Марка: «Восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Марка 13: 22), а также некоторые другие подобные места далеко не содержат в себе чего-либо противного авторитету чудес; скорее, напротив, указывают на силу их.

VII.

Не верить истинным чудесам заставляет недостаток любви: «Вы не верите, — говорит Иисус Христос, обращаясь к иудеям, — потому что вы не из овец Моих» (Иоан. 10:26). Тот же недостаток любви заставляет верить чудесам ложным: «За то, что они не приняли любви истины для своего спасения, и за сие пошлёт им Бог действие заблуждения, так что они

будут верить лжи» (Фесс. 2:10–11). Когда я размышлял, откуда у лжеучителей, выдающих себя за обладателей спасительных средств, является столько последователей, готовых иногда отдать в их распоряжение даже самую жизнь, то мне казалось, что настоящая причина этого та, что в числе подобных средств есть и истинные.

Иначе было бы невозможно существование стольких ложных средств и чтобы им давали такую веру. Если бы вообще не было средств, ни против какого зла, и все виды его были бы неисцелимы, то нельзя было бы допустить, чтобы люди вообразили себе, будто они могут дать эти средства, а тем более чтобы столько других людей верили выдающим себя за обладателей таких средств.

Если бы явился человек и стал уверять, будто может избавить от смерти, — ведь никто не поверил бы ему, потому что такого примера никогда не было. Но так как, даже по признанию самых великих людей, было много средств, оказавшихся истинными, то у людей явилось доверие как к этим истинным, так и вообще ко всяким средствам. Народ рассуждает обыкновенно так: если вещь возможна — значит, она существует; ибо, раз она не может быть отрицаема вообще вследствие некоторых частных обнаружений её на деле, то народ, не могущий различить, которые из этих частных проявлений истинны, верит им всем.

Подобно этому, верят столь многим ложным влияниям луны вследствие того, что некоторые её влияния, как, например, прилив, существуют в действительности. Желая объяснить себе, почему существует столько ложных чудес, ложных откровений, волшебства и т.п., я пришёл к предположению, что причина этого та, что в числе ложных явлений такого рода есть и истинные. Невозможно думать, чтобы было столько ложных чудес, если бы не было истинных, столько ложных откровений, когда бы не было откровений истинных, ни столько ложных религий — без одной истинной.

Ибо людям невозможно было бы представить себе то, чего никогда не было, а тем более невозможно, чтобы столько людей тому поверили. Но так как на свете действительно бывали весьма великие вещи и потому находили веру и у великих людей, то впечатление таких истинных событий было причиной, что почти все люди стали способными верить и ложным. И таким образом, вместо заключения, что совсем нет истинных чудес, потому что есть столько ложных, следует, напротив, сказать, что есть истинные чудеса, если есть столько ложных, и есть ложные только потому, что есть истинные; а также, что есть ложные религии только потому, что есть одна истинная.

Этому противоречит существование религии и у дикарей; но если дикари имеют религию, то это потому, что они слышали, — как можно заключить по кресту, найденному св. Андреем (Первозванным), — об истинной вере, о потопе, об обрезании и т.д. Происходит это от того, что ум человека, склонённый в эту сторону под влиянием истины, делается склонным к принятию и всякой лжи.

VIII.

Сказано: веруйте в Церковь; но не сказано: верьте чудесам, — по той причине, что последнее естественно, а первое — нет. Одному нужно было научить, другому — не нужно.

XXII. Различные мысли о религии

I.

Скептицизм Пиррона, в ряду других дохристианских систем философии, был вполне прав, ибо люди до Иисуса Христа не знали своего истинного положения — считать ли им себя ничтожными или великими. Те, которые думали решить эти вопросы, сами ничего не знали,

действовали наобум, без всякого основания, и всегда заблуждались, потому что были односторонни, вполне отвергая одно из двух.

(Пиррон же был прав, говоря, что познание истины для человека невозможно. Только через Иисуса Христа мы познаём, с одной стороны, ничтожество и неспособность человека к высшему познанию и благу — единению с Богом; с другой стороны, возможность человеку прийти в общение с Богом через искупительную и благодатную жертву Спасителя) Перев.

II.

Бог, управляющий всем с кротостью, влагает веру в ум посредством умственных заключений, а в сердце — посредством благодати. Но желать поселить веру в сердце и в уме насильно, угрозами — значит вселять в них не веру, а страх. Сначала пожалейте неверующих: они и так несчастны. Поносить их было бы уместно только в том случае, если бы это могло принести им пользу; но это вредит им. Вся вера заключается в Иисусе Христе и в Адаме; вся мораль — в сознании чувственности и необходимости благодати.

(В основе христианской веры лежит грехопадение Адама, вследствие которого человек утратил своё первое блаженное состояние и пал в состояние повреждённое, немощное; лишился способности достигнуть собственными силами общения с Богом. Цель эта может быть достигнута только через веру в Иисуса Христа, который Своею смертью восстановил путь к блаженству, утраченный через грех первого человека) Перев.

III.

Сердце имеет свои основания, которых ум не знает: это явствует из множества данных. Я говорю, что сердцу человеческому свойственно от природы любить высшее, всеобъемлющее Существо, и свойственно любить самого себя; и эта любовь его направляется в ту или другую сторону, смотря по тому, какими основаниями оно руководится; и ожесточается оно против того или другого по своему выбору. Вы отвергли одно и соблюли другое: по рассуждению ли вы любите? Сердце чувствует Бога, а не разум. Вот что есть вера: Бог ощутим для сердца, а не для разума.

IV.

Мир существует для дел милосердия и суда; но люди, составляющие этот мир, уже не те, какими вышли из рук Творца: они стали врагами Божиими, которым, по милосердию Своему, Он сообщает достаточно света для того, чтобы они могли возвратиться к Нему, если захотят искать Его и за Ним последовать, но вместе и для того, чтобы наказывать их, если они откажутся искать Его и за Ним следовать.

V.

Хорошо утомиться в бесполезном искании истинного блага, чтобы протянуть руки к Избавителю с просьбою о помощи. Мало, говорю я, есть истинных христиан даже в отношении веры. Много есть верующих, но по суеверию; много есть неверующих, но по легкомыслию. Средних между двумя этими разрядами — мало. К суеверным я не причисляю ведущих вполне благочестивую, нравственную жизнь, а также всех верующих по внушению сердца.

VI.

Достойно сожаления в людях, что все они решают только средства, а не цель. Всякий заботится, как ему выполнить назначение, приличное своему званию или положению, но выбор положения или отечества — дело судьбы. Жалко видеть, что столько магометан, еретиков, язычников следует примеру и образу жизни своих отцов только потому, что им внушили, будто этот образ жизни наилучший. Этим определяется всякое звание и

профессия — слесаря ли, солдата ли и т.п. Поэтому-то дикари не понимают, что может быть хорошего в Провансе.

VII.

Что бы ни говорили, нужно признаться, что в христианской вере есть нечто удивительное! «Это, — скажут, — потому, что вы родились в ней». Совсем не потому: я именно по этой причине сопротивляюсь такому признанию, из боязни, чтобы это предубеждение не подкупило меня. Но хотя я и родился в ней, я не перестану признавать её такою.

VIII.

Есть два способа убеждать в истинах нашей веры: один — силами рассудка, другой — авторитетом убеждающего. Пользуются же не вторым, а первым способом. Не говорят: следует верить этому, потому что так говорит Писание, которое от Бога; но говорят обыкновенно, что следует верить по такой-то и такой причине. Однако последние доводы слабы, так как разум может подчиняться всему.

Самые, по-видимому, рьяные противники славы веры не будут бесполезны для других. Мы воспользуемся ими как первым аргументом: в таком сопротивлении есть что-то неестественное, ибо подобное заблуждение не натурально. Если их безумие заставляет их так сопротивляться своему собственному благу, то оно послужит для других предупреждением, благодаря ужасу, который внушается столь плачевным примером и столь достойным сожаления безумием.

IX.

Без Иисуса Христа мир не существовал бы, ибо ему надлежало бы или быть разрушенным, или стать подобием ада. Единственный, знающий природу, — не для того ли только будет знать её, чтобы быть жалким? Единственный, знающий её, будет ли только один несчастным? Не следует человеку совсем ничего не видеть, но не следует также видеть ему столько, чтобы у него было основание предположить, что он обладает истиной вполне. Видеть ему нужно лишь настолько, чтобы увериться в утрате этой истины; ибо для познания утраченного нужно и видеть, и не видеть — и таково именно состояние, в котором находится природа.

Дело истинной веры — указать человеку и его величие, и его ничтожество, научить его уважать и презирать себя, любить и ненавидеть. Я замечаю, что христианская вера основана на предшествовавшей ей вере, как оно и есть на самом деле. Я не говорю здесь о чудесах Моисея, Иисуса Христа и апостолов, потому что сначала они не представляются убедительными, но хочу лишь выставить здесь все те неоспоримые основания этой христианской веры, которые не могут быть заподозрены кем бы то ни было.

X.

Вера — столь великая вещь, что становится вполне справедливым, когда её лишаются те, которые не дают себе труда искать её, если она не ясна. На что же жалуются, когда она может быть найдена, если поискать её? Гордость уравновешивает и перевешивает все немощи и недостатки. Это — чудовище и яркое свидетельство ослепления человека. Вот он пал со своего места и с беспокойством ищет его. Вследствие повреждения мира грехом надлежит всем находящимся в этом состоянии знать его, безразлично, уживаются ли они с ним или им тяготятся. Но несправедливо всем видеть искупление. Когда говорят, что Иисус Христос умер не за всех, то злоупотребляют известным пороком людей, готовых тотчас придраться к этому исключению. Это значит помогать отчаянию, вместо того чтобы отвлекать от него и оживлять надежду.

XI.

Нечестивцы, слепо предающиеся своим страстям, не зная Бога и не трудясь искать Его, подтверждают сами собою, то оспариваемое ими основание веры, что природа людей находится в повреждённом состоянии. Иудеи, такие упорные противники христианской веры, подтверждают собою другое основание этой ненавистной им веры — что Иисус Христос есть истинный Мессия, пришедший искупить людей, вывести из состояния растления и беспомощности, в котором они находились.

Подтверждают они это столько же своим настоящим положением, предсказанным в пророчествах, сколько этими самыми пророчествами, ими же хранимыми, как непререкаемыми свидетельствами, по которым можно узнать Мессию. Таким образом, доказательства испорченности человечества и искупления его Иисусом Христом, т.е. двух основных истин, утверждаемых христианством, выводятся из существования нечестивых, живущих в полном равнодушии к вере, и иудеев, находящихся в непримиримой вражде с нею.

XII.

Достоинство человека заключалось в его невинности, в господстве над тварями и пользовании ими; теперь же оно состоит в отрешении себя от тварей и покорности им.

XIII.

Есть люди, заблуждение которых тем опаснее, что принцип своего заблуждения они выводят из какой-либо истины. Ошибка их не в следовании ложному взгляду, а в следовании одной истине при исключении другой. Есть много истин и веры, и нравственности, по-видимому, противоречащих друг другу, но, тем не менее, существующих одновременно в замечательном согласии. Источник всех ересей — исключение каких-либо из этих истин; а источник всех возражений, делаемых нам еретиками, — неведение каких-либо из этих истин. Обыкновенно бывает так, что, не будучи в состоянии заметить взаимное отношение двух противоположных истин, они принимают одну и исключают другую.

1-й пример: Иисус Христос есть Бог и человек. Ариане, не умея связать этих двух, по их мнению, несовместимых понятий, говорят, что Он человек — в этом смысле они правоверны. Но они отрицают Его божественность — в этом они еретики. Они утверждают, что мы отрицаем Его человеческую природу — в этом их неведение.

2-й пример — по поводу святых тайн: Мы веруем, что, так как существо хлеба изменяется и пресуществляется в существо тела Господа нашего Иисуса Христа, то Он действительно присутствует в нём. Вот одна истина. Другая истина та, что это таинство есть также один из символов креста и славы и воспоминание того и другого. Так кафолическая вера соединяет эти две, по-видимому, противоположные истины. Ересь нашего времени, не понимая, что это таинство заключает в себе и присутствие Иисуса Христа, и символ этого присутствия — что это жертва и в то же время воспоминание жертвы, — думает, что нельзя принять одну из этих истин, не исключив другую.

По этой причине они придерживаются только того мнения, что это таинство имеет лишь значение символа, и в этом нет ереси. Они думают, что мы исключаем эту истину, оттого и делают нам столько упрёков, ссылаясь на отцов Церкви, ясно на то указывающих. Наконец, они отрицают реальное присутствие Иисуса Христа в таинстве, и в этом их ересь.

Потому-то самое простое средство помешать возникновению ересей — поучать всем истинам, а самое верное средство опровергать их — объяснять все истины. Благодать будет всегда в мире, как и природа; она, так сказать, естественна. Поэтому всегда будут и пелагиане, и правоверные, и всегда будет борьба, потому что первое рождение производит

одних, а благодать второго рождения производит других. Одною из мук осуждённых будет сознание, что они осуждены своим собственным разумом, которым думали осудить христианскую веру.

XIV.

Между жизнью обыкновенных и святых людей общее то, что те и другие стремятся к блаженству; разница только в предмете блаженства. Те и другие называют своими врагами препятствующих им в достижении цели. О том, что хорошо и что плохо, нужно судить согласно с волею Бога, который не может быть несправедливым или заблуждаться, а не с нашей собственной, всегда слепой и злой волей.

XV.

Когда св. Пётр и апостолы (Деян. 15) рассуждали об уничтожении обряда обрезания, при чём возникал вопрос о действии против закона, они не справлялись с пророками, а просто руководствовались излиянием Духа Святого на необрезанных. Они гораздо вернее судят, что, стало быть, Бог принимает тех, которых Он исполняет Своим Духом, что дело не в соблюдении закона; они знали, что целью закона был лишь Дух Святой, и поэтому, если получали Его необрезанные, то обрезание не обязательно.

XVI.

Двух законов достаточно для упорядочения всего христианского государства, чем всех законов политических: любовь к Богу и ближнему. Вера соответствует всякого рода умам. Простые люди, которых большинство, довольствуются её настольным состоянием и устройством; и эта вера такова, что одним своим существованием доказывает свою истинность. Другие восходят до апостолов, а самые учёные — и до начала мира. Ангелы видят её ещё лучше и дальше.

Очень счастливы те, которым Бог вложил веру в сердце; убеждать их нет надобности. Людям же, лишённым веры, мы можем внушать её только путём рассудочным, в ожидании, что Сам Бог запечатает ею сердца их, без чего вера для спасения бесполезна. Бог, чтобы оставить за Собою одним право просвещать нас и чтобы сделать нам недоступным понимание нашего собственного существа, скрыл от нас завязку тайны так высоко, или, вернее, так глубоко, что мы не в состоянии достигнуть её, и не работой своего ума, а только покорностью его, можем мы действительно познать самих себя.

XVII.

Нечестивцы, признающие только разум своим руководителем, должны быть необыкновенно сильны умом. Что же мы от них слышим? «Не видим ли мы, — говорят они, — что живут и умирают животные, как и люди, турки как и христиане? У турок есть свои обряды, свои пророки, свои учители, свои святые, свои подвижники, как и у нас и т.п.» А разве это противоречит Писанию? Разве оно не говорит всего этого? Если вы совсем не заботитесь о познании истины, её достаточно с вас, чтобы оставаться в покое. Но если вы всем сердцем хотите познать истину, то её недостаточно, и вам нужно узнать подробности.

Может быть, этого довольно было бы для суетного вопроса философии; но здесь — где идёт дело обо всём... Впрочем, после лёгкого размышления в таком роде идёт развлечься. И страшно становится видеть, как постоянно утекает всё наше достояние и как возможно так привязываться к нему, чтобы не искать чего-либо прочного. Образ жизни на свете должен находиться в зависимости от следующих различных предположений: 1-е — можно ли всегда оставаться в этом мире; 2-е — верно ли, что уже недолго остаётся прожить в нём, и не верно ли, что пробудешь в нём ещё только один час. Последнее предположение — наше.

XVIII.

По вероятностям судя, вам следует заняться отысканием истины. Ибо вы погибли, если умрёте, не поклонившись истинному Началу. Но скажете вы: «Если бы Он хотел, чтобы я поклонялся Ему, Он бы дал мне возможность узнать Свою волю». Он так и сделал, но вы пренебрегли узнать её. Поищите, по крайней мере — это стоит труда. Атеисты должны высказывать вполне ясные, очевидные вещи. А что доказывают они, как не потерю здравого рассудка, утверждая, будто смертность души вполне очевидна? Я понимаю нежелание углубляться в мнения Коперника, но смертность или бессмертие души — вопрос всей жизни.

XIX.

Пророчества, даже самые чудеса и другие доказательства нашей веры, не таковы, чтобы можно было назвать их абсолютно убедительными; но в то же время нельзя сказать, что нет смысла верить им. Таким образом, в них есть одновременно и очевидность, и темнота — в просвещении одних и помрачении других. Но эта очевидность такова, что она превосходит или, во всяком случае, равняется очевидности противоположной: так что не рассудок может решить ей не следовать, а разве только чувствительность и ожесточённость сердца. Таким образом, в доказательствах нашей веры достаточно очевидности для осуждения и недостаточно для убеждения; из этого явствует, что в признающих её действует любовь, а не разум, а в отвращающихся от неё действует тоже не разум, а чувствительность. Не понимаю, как можно оставаться равнодушным и не принимать веры, которая в совершенстве ведает то, что познаётся более и более по мере приобретаемого света.

XX.

Два рода людей признают одного Бога: имеющие кроткое сердце и любящие самоунижение, на какой бы высокой или низкой ступени умственного развития они ни стояли; или имеющие достаточно ума, чтобы видеть истину, несмотря на всё своё сопротивление ей. Мудрецы из язычников, утверждавшие, что есть только один Бог, подвергались преследованию, иудеи презирались, а христиане — тем более.

XXI.

Что можно сказать против воскресения или против зачатия Пресвятой Девы? Разве труднее воссоздать человека, чем сотворить его?

XXII.

Существует большая разница между спокойствием и уверенностью совести. Спокойствие приобретается только искренним стремлением к истине, и только истина сообщает уверенность. Есть две одинаково неизменные истины веры:

- Человек в состоянии первобытного блаженства, или в состоянии благодати, возвышен над всей природой, уподобляется Богу и становится способным к общению с Ним;
- Человек в состоянии повреждения и греха лишился своего прежнего состояния и приравнялся к животным.

Оба эти положения одинаково тверды и верны. Писание ясно возвещает нам их в некоторых местах: «Радость моя с сынами человеческими» (Притч. 8:31); «Излию духа Моего на всякую плоть» (Иоиля 2: 28); «Боги есть» и т.д. (Псал. 81:6); в других местах оно говорит: «Всякая плоть — трава» (Ис. 40: 6). Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которым погибают (Пс. 48:13). «Сказал я в сердце Своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог и чтобы они видели, что они сами по себе животные» (Екклез. 3:18).

XXIII.

Примеры славной смерти лакедемонян мало нас трогают, ибо что можем мы извлечь из того? Смерть же мучеников нас трогает, потому что это наши члены. У нас есть общая связь

с ними: их решительность может повлиять на нашу не только своим примером, но тем, что, может быть, ею заслужена наша решительность. Ничего такого нет для нас в примерах язычников; общего с ними мы ничего не имеем. Ведь не обогащает же нас богатство чужое, как богатство отца или мужа.

XXIV.

Предсказано, что избранные не будут сознавать своих добродетелей, а осуждённые — своих грехов: «Господи, скажут те и другие, когда мы видели Тебя алчущим» и т.д. (Мф. 25:37, 44). Иисус Христос не желал совсем, чтобы о Нём свидетельствовали демоны или к тому не призванные люди: свидетелями Своими Он называл Бога и Иоанна Крестителя.

XXV.

Сравнению прошедших событий в Церкви с видимым в ней теперь мешает то обстоятельство, что обычно смотрят на св. Афанасия и других как на увенчанных ореолом славы. Теперь, когда время осветило вещи, это так и представляется. Но во времена гонений этот великий святой был человеком, но имени Афанасий, подобно прочим. Илия был человеком, подобным нам, говорит св. апостол Иаков (Иак. 5:17), и, стало быть, столь же доступным страстям, как и мы. Этими словами апостол хочет отнять у христиан то неверное мнение, которое заставляет нас отвергать примеры святых как несоответствующие нашему состоянию: «то были святые, — говорим мы, — а не такие, как мы».

XXVI.

Иные люди имеют презрение к вере; они ненавидят её и боятся, что она истинна. Чтобы исцелить это зло, нужно начать с указания, что вера совсем не противоречит разуму; затем, что она достойна уважения — и внушать это уважение; что она заслуживает любви — и внушать желание найти её истинной; а потом — показать, что она действительно истинна, достойна уважения, потому что вполне познала человека, и достойна любви, как обещающая истинное благо. Одно слово Давида или Моисея, например, что Бог обрящет сердца (Втор. 30:6), позволяет нам судить о их духе. Если бы все остальные речи их были двусмысленны, если бы нельзя было с уверенностью сказать, слова ли это философов или христиан, то одно подобное слово определяет все остальные, как одно слово Эпиктета решает противоположный смысл всего остального. Только до этого слова продолжается обоюдоострие, но не далее. Не ужасно, если бы была ошибка в признании христианской веры истинной; но какое несчастье ошибиться, считая её ложной!

XXVII.

Условия, самые удобные для жизни светской, самые неудобные для жизни в Боге; и наоборот. По мнению мира, нет ничего труднее жизни в вере, а по-божьему — ничего нет легче этого. Всего легче, в мирском смысле, занимать высокий пост и обладать богатством; нет ничего труднее, как жить в таких условиях по-божьему, не привязываясь и не услаждаясь ими.

XXVIII.

Ветхий Завет заключал в себе прообразы будущей благодати, Новый же Завет содержит средства к его достижению. Прообразы были о благодати, средства же — в покаянии; пасхальный агнец вкушался с горькими травами (Исх. 12:8) в знак того, что радость обретается только горечью.

XXIX.

Слово Галилея, как бы случайно произнесённое толпою иудеев, обвинявших Иисуса Христа перед Пилатом (Лук. 23:5), подало последнему повод послать Иисуса Христа к Ироду, в чём

исполнилась тайна, что Ему надлежало быть судимым и иудеями, и язычниками. Простая, невидимая случайность была причиной исполнения тайны.

XXX.

Одно лицо сказало мне однажды, что чувствовало большую радость и уверенность, идя от исповеди; другое — что оно оставалось в страхе. По этому поводу я подумал, что из двух этих людей вышел бы один хороший человек, и что в каждом из них недоставало того, что чувствовал другой.

XXXI.

Приятно быть на корабле, выдерживающем бурю, когда уверен, что он никогда не погибнет. Преследования, обращенные против Церкви, походят на стихии, обуревающие Церковь, и следует собственно назвать Историей истины.

XXXII.

Так как грехи наши имеют два источника — гордость и лень, то Бог открыл нам в Себе два свойства для их исцеления: Свое милосердие и Свое правосудие. Свойство правосудия смиряет гордость, как бы ни святы были дела человека «И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих» (Пс.142:2). Милосердию же свойственно побеждать лень, внушать добрые дела, как сказано: «Благость Божия ведет тебя к покаянию» (Рим. 2:4); «Покаемся, можешь быть, Бог умилосердится» (Ионы 3:9). Таким образом, милосердие и правосудие Бога не оправдывают нерадения; напротив, последнее всего более противоречит этим свойствам Божиим. И вместо того, чтобы говорить: «если бы в Боге совсем не было милосердия, нужно было бы употреблять всевозможные усилия, чтобы жить добродетельно», следует сказать: «так как Бог милосерд, то нужно всячески стараться о добродетели».

XXXIII.

Всё, что в мире, есть похоть плоти или похоть очей, или гордость жизни — похоть плотская, и похоть очей, и гордость житейская (1Иоан. 2:16). Несчастна земля проклятия, скорее опаляемая, чем орошаемая этими тремя огненными реками! Блаженны те, которые среди этих потоков не погружаются в них, не дают им увлекать себя, но крепко держатся — не стоя, а сидя в низкой и прочной ладье, из которой они никогда не поднимаются до рассвета; но, мирно отдохнув в ней, простирают руки к Тому, кто может поднять их, поставить на ноги и укрепить на ступенях священного Иерусалима, где они уже безопасны от ударов и нападений гордости. До тех пор они плачут не от сожаления о гибели преходящих вещей, уносимых потоками, но от воспоминания о своей дорогой отчизне — небесном Иерусалиме, о котором непрестанно воздыхают в своём продолжительном изгнании.

XXXIV.

Чудо, говорят, укрепило бы мою веру. Говорят так, пока его не видят. Пределы, по-видимому, ограничивающие наш кругозор, если смотреть на них издалека, не ограничивают его более, когда мы к ним приблизимся, ибо отсюда открывается новый вид. Ничто не останавливает подвижности нашего ума. Говорят, что нет правила без исключения, как нет столь общей истины, которая бы не представляла с какой-нибудь стороны недостатка или неполноты. Достаточно не быть ей абсолютно всеобщей истиной, чтобы дать нам повод приложить исключение именно к настоящему случаю и сказать: «это не всегда верно; стало быть, есть случаи, где этого не бывает». Остаётся потом лишь показать, что данный случай принадлежит сюда же; и нужно иметь большую неудачу или быть очень неумелым, чтобы когда-нибудь не достигнуть этого.

XXXV.

Заповедь любви не есть заповедь символическая. Утверждать, будто Иисус Христос, пришедший снять символы и заменить их истиной, явился только ради установления символа любви и устранения существовавшей до Него действительности — это ужасно.

XXXVI.

Сколько, благодаря изобретению увеличительных стёкол, открыто нами новых существ, неизвестных прежним философам! По поводу упоминаемого в св. Писании множества звёзд со злорадством восклицали: «их только тысяча двадцать две — мы это знаем!»

XXXVII.

Человек так создан, что если постоянно говорить ему, что он глупец, то он верит этому, как и в том случае, если сам будет повторять себе это; ибо человек с самим собой ведёт внутреннюю беседу, упорядочение которой весьма важно: «Худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15:33). Нужно по возможности больше пребывать в молчании и беседовать только о Боге, который есть истина; и таким путём, наконец, сам убедишься в этом.

XXXVIII.

Какая разница между солдатом и монахом относительно послушания? Ведь тот и другой одинаково обязаны повиноваться старшим, и зависят от них, и выполняют одинаково трудные обязанности. Но солдат всегда надеется стать начальником, хотя никогда им не делается; несмотря на это, он не теряет надежды и всегда стремится к цели своих желаний. Монах в то же время даёт обет вечного повиновения. Таким образом, они не различаются по своей постоянной служебной подчинённости, зато отличаются тем, что один всегда надеется, а другой никогда.

XXXIX.

Наша воля никогда бы не удовлетворялась, если бы имела власть над всем, чего захочешь; но удовлетворение получается в ту же минуту, стоит лишь отказаться от собственной воли. Имея её, нельзя быть вполне довольным; без неё же можно быть только довольным. Истинная и единственная добродетель заключается в самопрезрении, так как мы достойны презрения за свою чувственность, но — в отыскании истинно достойного предмета нашей любви. Но как мы не можем любить того, что вне нас, приходится любить существо, которое в нас, но которое не мы. А таково только Единое Существо. Царство Божие внутри нас (Луки 17:21); всеобщее благо в нас самих, но не есть мы.

XL.

Суеверен тот, кто возлагает свою надежду на обряды, и горд, надменен, не желающий им подчиниться.

XLI.

Все религии и все секты руководились природным рассудком. Одни христиане принуждены брать руководства извне и согласовываться с правилами, которые Иисус Христос оставил нашим предкам для передачи нам. Есть люди, тяготеющие этим принуждением. Они, подобно другим народам, хотят следовать своему воображению. Напрасно мы взываем к ним, как некогда пророки взывали к иудеям: «Идите в среду Церкви; узнайте законы, оставленные ей предками, и идите по стезям их». Они же, подобно иудеям, отвечают: «Мы не пойдем по ним; мы хотим следовать помыслам нашего сердца и быть подобно другим народам» (См. 1Цар. 8:20).

XLII.

Есть три средства уверовать: разум, привычка и вдохновение. Христианская вера, одна имеющая разум, не отвергает своим истинным чадам веры ни разума, ни привычки — совершенно наоборот; но ум должен быть доступен доказательствам и привычкам, смирению и покорности себя для вдохновений, которые только и могут иметь истинное и спасительное влияние: «Чтобы не упразднить креста Христова» (1Кор. 1:17).

XLIII.

Никогда зло не совершается полнее и радостнее, как вследствие ложного вывода совести.

XLIV.

Худые, призванные к служению народов и царей, сделались рабами греха, а христиане, коих призвание — подчиняться и служить, делаются свободными сынами.

XLV.

Можно ли назвать мужеством, если человек при последнем издыхании вздумает противиться Всемогущему и Вечному Богу?

XLVI.

Я охотно верю событиям, а которые свидетели их не убоялись пожертвовать жизнью.

XLVII.

Добрый страх происходит от веры, дурной — от сомнения. Добрый страх приводит к надежде, так как порождается верой и присущ человеку, уповающему на Бога, в которого он верит; дурной же страх влечет за собой отчаяние, ибо это страх перед Богом неверующего в Него. Одни боятся не найти Бога, но которого веровали, другие боятся найти Бога, которого они отрицали.

XLVIII.

Все язычники говорили о зле Израиля, и пророк также; но израильтяне далеко не имели бы права сказать ему: «Ты говоришь, как язычники», ибо над тем, что язычники говорят одинаково с ним, он возвышается в своей величайшей силе.

XLIX.

Бог не желает, чтобы мы веровали Ему без рассуждения, и не налагает на нас никакой тирании, но Он и не думает также давать нам отчёт во всем. Чтобы согласовать эти противоположности, Он, путём убедительных доказательств, желает ясно обнаружить нам свои божественные признаки, которые убедили бы нас в Его существовании, и показать нам свою силу в чудесах и иных неопровержимых знамениях; так чтобы мы, не колеблясь, верили указанным Им вещам, раз мы не найдём иной причины отрицать их, кроме того, что сами не можем знать, существуют они или нет.

L.

Есть только три разряда людей: одни, обретшие Бога и служащие Ему; другие, не нашедшие Его, но стремящиеся к этому; третьи — те, которые живут без Бога и не ищут Его. Первые рассудительны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние несчастны, но разумны.

LI.

Люди часто принимают своё воображение за ощущения своего сердца и, лишь подумав об обращении, уже считают себя обратившимися. Разум действует медленно, руководствуется столькими соображениями и принципами, которые должны быть всегда в виду, что ежечасно утомляется и заблуждается за неимением на лице всех этих принципов. Чувство же

действует иначе; оно работает быстро и всегда готово к действию. Поэтому следует, чтобы верой было исполнено наше сердце, иначе она будет постоянно колебаться.

LII.

Если Бог существует, то следует любить только Его, а не преходящую тварь. Рассуждение нечестивых в книге Премудрости основано только на предположении, что Бога нет. А если так, говорят они, то будем наслаждаться тварью: иного исхода быть не может. Но если бы они знали, что есть Бог, достойный любви, то пришли бы к совершенно противоположному заключению. А вот каково заключение мудрых: если есть Бог, то не будем наслаждаться тварью. Отсюда дурно всё, что побуждает нас привязываться к твари, ибо мешает нам — или служить Богу, если мы Его знаем, или искать Его, если мы Его не ведаем. А так как мы полны чувственности, то полны и зла, и, следовательно, должны презирать самих себя и всё, что возбуждает в нас привязанность к чему-либо иному, кроме одного Бога.

LIII.

Когда мы хотим думать о Боге, не является ли многое, отвращающее нас от этого и уклоняющее наши мысли в совершенно другую сторону? Всё это — зло, родившееся вместе с нами.

LIV.

Неправда, будто мы достойны любви других, и несправедливо нам желать этого. Если бы мы родились разумными или равнодушными, с познанием самих себя и других, мы бы совсем не имели этой склонности. Однако мы родимся с этой наклонностью, стало быть, родимся несправедливыми, ибо всецело преданы самим себе. Это противно всякому порядку, ибо истинный порядок требует стремления к всеобщему благу. Самолюбие служит началом всякого беспорядка в войне, в политическом устройстве, в хозяйстве, в отдельном человеческом теле и т. д. Следовательно, воля наша испорчена. Если члены естественных и гражданских общин стремятся к благу целого, то общины в свою очередь должны стремиться к благу того более общего целого, которое части они составляют.

Слеп тот, кто не презирает в себе чувства самолюбия и того инстинкта, который заставляет служить себе, как Богу. Кто не согласится, что нет ничего более противоречащего справедливости и истине? Ибо неверно, что мы заслуживаем любви, — не только несправедливо, но и невозможно достичь этого, так как все требуют того же самого. Стало быть, это очевидная несправедливость, в которой мы родились и от которой избавиться не можем, хотя и должны о том заботиться. Однако ни одна вера (кроме христианской) не заметила ни этого греха, ни того, что мы родились в нём и должны бороться с ним, и ни одна не подумала дать человеку средства для этой борьбы.

LV.

В человеке происходит вечная внутренняя борьба между рассудком и страстями. Он мог бы наслаждаться некоторым миром, если бы у него был только рассудок без страстей… или одни страсти без рассудка. Но раз в нём есть и то, и другое, он не может быть без борьбы, не имея возможности быть в мире с одним, не воюя в то же время с другим. Таким образом, человек всегда разъединён и в противоречии с самим собой. Если неестественно слеп человек, живущий без всякого желания познать самого себя, то просто страшна слепота человека, живущего дурно и притом верующего в Бога.

LVI.

Несомненно, что душа либо смертна, либо бессмертна. То или другое определение имеет решающее значение для нравственности; тем не менее, философы устанавливали мораль независимо от этого. Как бы красива ни была комедия в остальных частях, последний акт всегда бывает кровавым. Набросают земли на голову — и конец навеки!

LVII.

Бог, сотворив небо и землю, не сознающие счастья своего бытия, хотел создать существа, которые бы познали Его и составили одно тело чувствующих и сознательных членов. Наши члены совсем не сознают своей связи, удивительного между собой отношения, забот, прилагаемых природой, чтобы вложить в них силы, дать им рост и жизнь. Как бы они были счастливы, если бы сознавали это и видели! Но для этого им необходимо иметь сознание своего назначения и добрую волю, чтобы согласовать её с волей всемирной души. Если бы, получив сознание, они удерживали получаемое ими питание только для себя самих, не передавая его другим членам, они оказались бы не только несправедливыми, но и жалкими, доказали бы этим не любовь, а ненависть к самим себе: ибо не только благополучие, но и долг их состоит в согласовании себя с волей и действиями целой души, которая любит их больше, чем они сами.

LVIII.

Быть членом значит жить и двигаться только в духе целого и для целого. Отделившийся член, не видящий более тела, к которому принадлежит, живёт недолго и погибает. Однако он думает, что составляет целое, и, не видя тела, от которого зависит, полагает, что зависит только от себя и сам составляет своё средоточие и своё целое. Но, не имея в себе жизненного начала, он лишь заблуждается и дивится непрочности своего существа, чувствуя, что сам не составляет целого, и, не видя в то же время, что он член какого-то целого.

Наконец, когда ему удаётся познать себя, он как бы возвращается домой и любит уже себя только как часть целого, сожалеет о своих прошлых заблуждениях. По своей природе он не мог бы любить постороннюю вещь иначе как ради самого себя, ради своей пользы, ибо все любят себя больше, чем остальное. Но, любя тело, член любит самого себя, ибо только в нём, им и для него существует: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор. 6:17).

Тело любит руку; и рука, если бы имела волю, должна была бы любить себя так, как любит её душа: всякая любовь к себе, большая такой любви, — несправедлива. Прилепляясь к Господу, один дух с Господом. Любят себя как члена Иисуса Христа. Любят Иисуса Христа как тело, частью которого являются. Всё едино, как едины лица Святой Троицы. Любить нужно только Бога, а презирать — только себя.

Если бы нога никогда не знала, что принадлежит к телу и что есть тело, от которого она зависит; если бы она жила и любила только себя, а потом узнала, что принадлежит телу, от которого зависит, как сожалела бы, как смущалась бы она своей прежней жизнью — что была бесполезна для тела, сообщавшего ей свою жизнь. Как жалко погибла бы она, если бы тело отвергло и отлучило её, как она сама от него отлучалась. Как горячо молила бы она не отвергать её! Как смиренно подчинялась бы воле, управляющей телом, даже до согласия быть отрезанной, если нужно! Да, иначе она потеряла бы своё значение как член, ибо всякий член необходимо должен быть готов умереть ради тела — единственной цели всего.

Чтобы члены были счастливы, они должны иметь волю, согласную с волей тела. Чувственность и сила — источники всех наших чисто человеческих действий: чувственность вызывает действия произвольные, сила — непроизвольные.

LIX.

Платон, даже Эпиктет и его сектаторы, верят, что один Бог достоин любви и удивления; однако и они желали, чтобы люди любили их и удивлялись им; и они, стало быть, не знают о растлении и немощности своей природы. Если они считают себя исполненными чувства любви и готовности поклониться Ему и в этом находят своё главное благо, то пусть их — в

добрый час. Но если они чувствуют нерасположение к этому, склонны только к желанию быть самим в почёте у людей и, вместо всякого совершенствования, не принуждая людей, будут стараться внушать им, что благо их — в любви к ним, я назову такое совершенство ужасным. Как! Они знали Бога и не пожелали, чтобы люди любили только Его, а почитали их самих; захотели стать произвольным предметом людского счастья!

LX.

Правда, нелегко вступать на путь благочестия. Но эта трудность происходит не от начинающего образоваться в нас благочестия, а от ещё не оставляющего нас нечестия. Если бы наши чувства не противились покаянию, и наша греховность не противоречила чистоте Божией, то благочестивая жизнь не представляла бы никаких трудностей. Мы страдаем лишь по силе сопротивления высшей благодати прирожденного нам порока. Сердце наше разрывается в этих противоположных усилиях.

Но было бы несправедливо это насилие ставить в вину Богу, привлекающему нас, вместо того чтобы приписать его мере, которая нас удерживает. Это подобно ребёнку, которого мать вырывает из рук хищников; он должен любить в испытываемой боли любовное и законное насилие матери, старающейся освободить его, и ненавидеть только грубое и тираническое насилие неправо удерживающих его. Самая жестокая борьба, какую Бог мог бы послать людям в этой жизни, была бы тогда, если бы Он оставил их без этой борьбы, которую принес с Собой. «Не мир пришёл Я принести, но меч» — говорит Он, чтобы указать эту борьбу: «Огонь пришёл Я низвесть на землю» (Матф. 10:34; Луки 12:49). До Него свет пользовался ложным миром.

LXI.

Бог смотрит только на внутреннего человека; Церковь судит только по внешности. Бог разрешает от греха, как только видит раскаяние в сердце; Церковь — когда видит раскаяние в делах. Бог создаёт Церковь чистую внутренне; своей внутренней и вполне духовной чистотой Она смутит внутреннее нечестие надменных мудрецов и фарисеев. Церковь создаёт собрание людей, которых нравы настолько чисты снаружи, что приведут в улучшение нравы язычников. Если есть столь искусно замаскированные лицемеры, что Церковь не в состоянии открыть в них сердечную злобу, то она терпит их, ибо если они ещё и не приняты Богом, которого обмануть они не могут, то приняты людьми, которых они обманывают. Таким образом, она не обезличивается их поведением, так как оно по виду свято.

Но вы хотите, чтобы Церковь не судила ни по внутреннему человеку, судить которого может только Бог, ни по внешнему, так как Бог взирает лишь на душу, и таким образом, отнимая у неё всякое право выбора, вы удерживаете в Церкви самых распутных людей, бесчестящих её в такой степени, что ни еврейские синагоги, ни философские секты не потерпели бы их в своей среде как недостойных, а презирали бы как нечестивых.

LXII.

Закон не разрушил природы, а просветил её; благодать не разрушила закона, но заставила его действовать. Из самой истины делают себе кумира, потому что истина без любви не есть Бог: она — образ Его и не должна быть, подобно кумиру, любима и почитаема; тем менее допустимо любить и поклоняться тому, что противно ей, то есть лжи.

LXIII.

Все крупные увеселения опасны для христианской жизни; но среди всех развлечений, изобретённых миром, нет ничего опаснее театральных представлений. Это такое естественное и изящное изображение страстей, что оно рождает и возбуждает их и в нашем

сердце, особенно страсть любовную — и главным образом тогда, когда изображают её вполне целомудренной и честной.

Ибо чем невиннее она представляется невинным душам, тем способнее они тронуться ею. Сила её нравится нашему самолюбию, которое тотчас получает желание воспроизвести то, что было столь хорошо представлено на сцене; в то же время совесть убаюкивается честностью созерцаемых чувств, страх чистых душ исчезает; они начинают воображать, что не оскорбляют чистоту, любя такую кажущуюся им мудрую любовь.

И вот — из театра выходят с сердцем, переполненным всевозможными красотами и прелестями любви, с душой и умом, столь уверенными в её невинности, что появляется полная готовность получать первые впечатления любви или, скорее, искать случая произвести их в чьём-нибудь сердце, чтобы испытать те же удовольствия и такие же жертвы, какие видели столь прекрасно изображёнными в комедии.

LXIV.

Распущенность взглядов так нравится людям, что странно, как могут не нравиться их (иезуитов) мнения. Это потому, что они превзошли всякую меру. Мало того: есть много людей, видящих правду, но не могущих достичь её. Зато мало таких, которые бы не знали, что чистота веры противоречит нашему растлению. Смешно говорить, будто вечная награда ожидает двуличные души.

LXV.

Боюсь, не дурно ли я написал, что меня проклинают; но пример стольких благочестивых писаний заставляет меня верить противному. Хорошо писать больше не позволено — так испорчена или невежественна инквизиция. Лучше повиноваться Богу, чем людям. Я ничего не боюсь и ни на что не надеюсь; другое дело — епископы. Пор-Рояль боится, да и не политично разлучать их: они перестанут бояться и станут ещё опаснее. Молчание — самое сильное гонение. Никогда святые не умолкали. Конечно, для этого нужно призвание, но призвания этого не приходится ждать от решений совета: говорить заставляет необходимость. Если мои письма осуждены в Риме — я осуждаю в них то, что осуждено на Небе. Инквизиция и Общество (иезуитов) — два бича истины.

LXVI.

Природа имеет совершенства, свидетельствующие, что она — образ Божий, и имеет недостатки — в доказательство того, что она не более как образ.

LXVII.

Люди столь неизбежно безумны, что значило бы ещё раз сойти с ума, чтобы не быть безумным.

LXVIII.

Рвение святых в искании и делании добра было бы бесполезно, если учение о пробабилизме считать истинным.

Пробабилизм — это морально-богословское учение, возникшее и развитое главным образом в католической схоластике XVI–XVII веков. Оно относится к области нравственного богословия и касается того, как должен поступать человек в ситуации морального сомнения, когда невозможно с уверенностью определить, что именно требует закон (божественный, церковный или естественный) Прим. Ред.

LXIX.

Чтобы сделать из человека святого, необходима благодать; сомневающийся в этом не имеет понятия ни о святости, ни о человеке.

LXX.

Желают спокойствия совести и ради этого хотят, чтобы папа был непогрешим в вопросах веры, а учёные доктора — в своих нравах.

LXXI.

О том, что такое папа, нельзя судить по некоторым словам отцов, как говорили это греки на одном соборе (важное правило!), но по действиям Церкви и отцов, а также по канонам.

LXXII.

Папа — первый. Кто другой известен всем? Кто другой признан всеми за имеющего власть управлять умом всего мира?

LXXIII.

Еретично объяснять «omnes» всегда в смысле «все», и еретично — не объяснять его иногда в смысле «все». «Bibite ex hoc omnes» («Пейте из неё все»; Матф. 26:27): гугеноты — еретики, потому что переводят omnes словом «все». «In quo omnes peccaverunt» («В нём все согрешили»; Рим. 5:12): гугеноты — еретики, потому что исключают детей верных. Следовательно, необходимо следовать отцам и преданию, чтобы знать, когда и как объяснять omnes, ибо можно опасаться ереси и с той, и с другой стороны.

LXXIV.

Малейшее движение влияет на всю природу: один камень производит изменение во всём море. Так и в благодати: малейшее действие влияет на всё остальное. Следовательно, всё важно.

LXXV.

Все люди от природы ненавидят друг друга. Пользовались, как умели, чувственностью для общественного блага; но это лишь притворство, ложное подобие любви к ближнему, ибо в сущности это та же ненависть. Это злое начало в человеке — «figmentum malum» («злое создание») — только прикрыто, а не устранено.

LXXVI.

Если хотят сказать, что человек слишком ничтожен, чтобы входить в общение с Богом, то нужно быть очень великим, чтобы иметь возможность судить об этом.

LXXVII.

Если смотреть на Церковь как на единство, то любой папа, глава её, есть как бы всё. Если считать её множественностью, то папа — лишь часть её. Множественность, не восходящая к единству, есть беспорядок; единство, не зависящее от множественности, есть тирания.

LXXVIII.

Бог не творит чудес в обычном ходе Своей Церкви. Было бы странным чудом, если бы непогрешимость была в одном, но в множественности она столь же естественна, как тайное присутствие Божие в природе, как и во всех прочих творениях Его.

LXXIX.

Из того, что христианская вера не единственная на свете, вовсе не следует, что она не истинна; напротив — именно это заставляет верить в её истинность.

LXXX.

Писание есть наука не ума, а сердца. Оно понятно только для чистых сердцем. Завеса, прикрывающая Писание для иудеев, имеет силу и в отношении христиан. Любовь — не только главный предмет священных книг, но и дверь к ним.

LXXXI.

Если бы все действия наши имели в виду только несомненное, тогда, пожалуй, ничего не следовало бы делать и в отношении веры, не имеющей в себе несомненности. Но чего только не предпринимается в целях вполне проблематичных. Таковы морские путешествия, битвы. По-моему, совсем ничего не следовало бы делать, потому что уверенности нет ни в чём, и в вере больше несомненности, чем в надежде, что мы увидим завтрашний день; уверенности, что мы доживём до завтрашнего дня, не существует, зато очень возможно, что мы его не увидим. Нельзя того же сказать о вере. К вещам несомненным её отнести нельзя. Но кто осмелится сказать, что её наверно не существует? А обыкновенно считают, что поступают разумно, работая для завтрашнего дня и ради возможного.

LXXXII.

Изобретения людей из столетия в столетие идут вперёд. То же можно сказать о добродетели и зле мира вообще.

LXXXIII.

Нужно иметь заднюю мысль и по ней судить обо всём, говоря при этом одинаково с народом.

LXXXIV.

Сила — царица мира, а не мнение; но мнением признаётся только то, что употребляет силу.

LXXXV.

Случай даёт мысли, случай их отнимает; ни сохранять, ни приобретать искусством их нельзя.

LXXXVI.

Слушаются только уха, за неимением сердца.

LXXXVII.

Дети боятся намыленного ими лица, потому что они дети; но как сделать, чтобы столь слабое в детском возрасте укрепилось с годами? Меняют только слабость.

LXXXVIII.

Одинаково непостижимо как бытие Бога, так и Его небытие; пребывание или отсутствие души в теле; сотворён ли мир или не сотворён; существует первородный грех или не существует.

LXXXIX.

Неверующие оказываются самыми легковерными. Они верят в чудеса Веспасиана, чтобы не верить чудесам Моисея.

XC.

Вера есть дар Божий. Не думайте, что мы считаем её даром разума. Другие религии не говорят этого о своей вере; чтобы получить веру, которая всё-таки не даётся им, они не знают иного средства, кроме рассуждений. Бог обратил чувственность иудеев на службу делу Иисуса Христа.

XCI.

Авраам ничего не просит для себя, но только для своих слуг; так праведный ничем не пользуется в мире ради себя, но только ради страстей своих, над которыми господствует, говоря: «Пойди» и «Приди» (Sub te erit appetitus tuus (Да будут вожделения твои покорны

тебе)). Страсти, таким образом управляемые, делаются добродетелями. Необходимо только пользоваться страстями, как рабами, и, давая им пищу, препятствовать душе отведывать её, потому что страсти, беря верх, делаются пороками и тогда дают свою пищу душе; душа же, питаясь ею, отравляется.

XCII.

Наша вера и мудра, и безумна. Мудра потому, что она самая сведущая и самая обоснованная чудесами, пророчествами и т. д. Безумна потому, что совсем не этим всем руководствуется верующий. Хотя этого достаточно для осуждения неверующих, но не то заставляет верить верующих. Верить заставляет их крест: Да не упразднится крест Христов. Потому-то апостол Павел, пришедший не в превосходстве слова и мудрости, говорил, что он пришёл не в превосходстве слова и мудрости, ибо пришёл благовествовать (1Кор. 1:17). Приходящие же с целью убеждать могут говорить, что пришли в мудрости и слове.

XCIII.

«Fascinatio nugacitatis» (Обольщение суетности). Чтобы страсть не вредила, будем поступать так, как будто жить нам остаётся только одну неделю.

XCIV.

Изо всего, что есть на земле, истинный христианин принимает участие только в огорчениях, а не в радостях; он любит своих ближних, но любовь свою не ограничивает этими пределами, а простирает её на своих врагов и затем на врагов Бога.

XXIII. Размышления о Тайне Христовой

I.

Иисус Христос переносит в Своих страданиях муки, причиняемые Ему людьми, но в смертной борьбе страдает муками, Самим на Себя наложенными: «возмутился Сам» (Иоан. 11:33). Эта казнь уже не от руки человеческой, но от руки всемогущей, и только всемогущим Существом переносимая. Иисус Христос ищет хотя бы какого-то утешения, по крайней мере у троих наиболее близких друзей Своих, но те спят. Он просит их пободрствовать с Ним некоторое время, но те с полным небрежением покидают Его; в них так мало сострадания, что оно даже не в силах отогнать их собственный сон.

Таким образом, Иисус вполне одинок — предоставлен гневу Божию. Иисус одинок на земле, которая не только не сочувствует и не разделяет Его страданий, но даже их не ведает: ведомо это лишь Небу и Ему Самому. Иисус — в саду, но не в том саду, исполненном всяческих утех, где первый Адам погубил себя и всё человечество, а в саду мучений, где спасён был он и с ним весь человеческий род. Эти муки и это небрежение Он переносит в страшный час ночи. Я полагаю, что Иисус жаловался только в этот единственный раз, но и тут Он жалуется как бы не будучи в состоянии вместить в Себе Свою крайнюю скорбь: «Душа Моя скорбит смертельно» (Матф. 26:38; Марк. 14:34).

Иисус ищет общества и облегчения со стороны людей. Мне кажется, это единственный случай во всей Его жизни. Но Он не получает ни того, ни другого, ибо ученики Его спят. Иисус, среди этого всеобщего равнодушия, когда даже избранные друзья отказались пободрствовать с Ним, найдя их спящими, огорчается не потому, что они оставили Его, а в виду опасности, которой они подвергают не Его, а самих себя. Он предупреждает их относительно их собственного спасения и пользы; обнаруживает в этом сердечную нежность к ним, несмотря на их неблагодарность, и предваряет, что дух бодр, а плоть немощна. Находя их ещё спящими, от чего не могло удержать их опасение ни за Него, ни за себя, Иисус не будит их, с любовью предоставляя им покоиться.

Иисус просил людей — но не был ими услышан. Иисус, пока ученики Его спали, совершил их спасение. Он совершил спасение каждого из верных, пока они спали — и в небытии, до их рождения, и во грехах после рождения. Слова: «Да минует Меня чаша сия» Он произносит один раз — и то с покорностью; но дважды молится о ниспослании Ему этой чаши, если на то есть воля Отца. В Иуде Христос видит не вражду его, а орудие Бога, Которого любит, — и потому называет его другом. Иисус оставляет среду Своих учеников, чтобы предаться смертной тоске; в подражание Ему следует покидать самых близких друзей и родных наших. Ввиду предсмертных и величайших мук Иисуса продлим и усугубим нашу молитву.

II.

— Утешься: ты не стал бы искать Меня, если бы уже не обрёл Меня. Я думал о тебе в Моих предсмертных муках; Я пролил за тебя кровь Мою. Ты не столько испытываешь себя, сколько искушаешь Меня, думая, в состоянии ли будешь совершить такой-то и такой-то подвиг: когда он совершится — то совершителем его буду Я. Руководствуйся Моими правилами; посмотри, как управляла рука Моя в жизни Девы и апостолов, предавшихся Моей воле. Отец любит всё, что Я творю.

— Хочешь ли ты, чтобы Я продолжал потеть кровавым потом Своей человеческой природы, когда и слёз не даёшь Мне? Моё дело — обратить тебя на путь спасения: не бойся ничего и молись с упованием. Я предстою тебе — в Евангелии Своим словом, в Церкви Своим духом и учением, в священниках Своей властью, в верных — молитвою. Врачи не принесут тебе исцеления, ибо смерть для тебя неминуема. Мною же получается исцеление и бессмертие. Неси телесные узы и рабство; в настоящее время Я избавляю тебя только от рабства духовного.

— Я наилучший из друзей твоих, ибо больше всех сделал для тебя. Они не стали бы страдать так, как пострадал за тебя Я, и за тебя, неверного и жестокого, не умерли бы, как сделал это Я и как всегда готов сделать и делаю для Своих избранных. Если бы были ведомы тебе грехи твои, не вынесло бы этого твоё сердце.

— О, Господи! я готов потерять своё сердце, ибо верю в злобу грехов моих по словам Твоим.

— Нет, ибо Я, показавший тебе грех твой, могу исцелить тебя и говорю тебе это в знак Моего желания помочь тебе. По мере твоего раскаяния в грехах ты познаешь их, и тебе будет сказано: «Вот возвращены тебе грехи твои». Раскайся же в своих скрытых грехах и в видимой злобе грехов тебе известных.

— Господи, всё предаю Тебе.

— Я люблю тебя больше, чем ты любишь свою скверну. «Ut immundus pro luto» (Как нечистому приличествует грязь) — Мне приличествует слава (твоего спасения), а не тебе, червь земной. Вопрошай своего духовного отца, когда Мои собственные слова дают тебе повод ко злу, тщеславию или любопытству.

III.

Я вижу всю бездну моей гордости, любопытства, чувственности. Никакой правды нет в моих отношениях к Богу, ни к Иисусу Христу. Но, не познавший греха, Он сделан для нас жертвою за грех; все бичи Твои пали на Него. Он принижен больше меня, но не только не отвращается от меня, а ещё удостаивает меня обращением к моей помощи. Но Он исцелился от незаслуженных язв Своих и исцелит мои язвы, справедливо мною заслуженные. К Его язвам мне надлежит приложить свои и присоединиться к Его

страданиям: спасая Себя, Он спасает и меня. Но не дерзнём наносить Ему впредь новые раны.

IV.

Утешьтесь: не от себя вам нужно ждать спасения; напротив, вы должны ждать его, ничего не ожидая от себя.

V.

- Иисус Христос умер, но видим Его на кресте. Он умер и сокрыт в гробе.
- Иисуса погребали только святые.
- Иисус не совершил никакого чуда у гроба.
- Входят в него также одни святые.
- В гробе Иисус принимает новую жизнь, а не на кресте.
- Это последняя тайна страданий и искупления.
- Иисусу Христу негде было на земле преклонить главу, как только в гробе.
- Враги Его прекратили свои преследования только у Его гроба.

VI.

Я часто беседую с тобою, когда не может говорить с тобою твой духовник, ибо Я не хочу, чтобы ты был лишён назидания. И, может быть, Я делаю это по его молитвам, так что он невидимо руководит тобою. Ты бы не искал Меня, если бы Я не был в тебе; успокойся же.

VII.

Сравнивай себя не с другими, а со Мною. Когда не находишь Меня в тех, с кем себя сравниваешь, значит, сравниваешь себя с гнусными. Если же находишь, то сравнивай. Но кого ты будешь сравнивать? Себя ли самого или Меня в себе? Если себя — то это такая же скверна. Если Меня — то сравниваешь Меня с Собою же. Так Я — Бог во всём.

VIII.

Мне кажется, что Иисус Христос после воскресения позволял прикасаться только к Своим ранам. «Не прикасайся ко Мне» (Иоан. 20:17). Нам подобает только сострадать Ему.

IX.

Причащаться Себе Он допустил как смертный — на Тайной Вечери; как воскресший — ученикам в Эммаусе; как восшедший на небо — всей Церкви.

X.

«Молитесь, да не впадёте в напасть» (Луки 22:46). Впасть в искушение опасно; и если кто впадает в него, то потому, что не молится. «И ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих». Но предварительно — «обратившись, Господь воззрел на Петра». Св. Пётр просит позволения ударить Малха и ударяет, не выслушав ответа; Иисус Христос отвечает потом.

XI.

Иисус Христос не хотел быть убитым без соблюдения форм правосудия, ибо гораздо постыднее умирать по приговору суда, чем вследствие несправедливого возмущения.

XII.

Ложное правосудие Пилата было только причиной лишних страданий для Иисуса; потому что, по своему несправедливому суду, он велит бичевать Его, а затем убить. Лучше бы ему раньше убить Его. Таковы ложные блюстители правосудия: они делают добрые дела и дурные, чтобы угодить миру, показать, что они не совсем на стороне Иисуса Христа, потому что стыдятся Его. Наконец, в случаях сильного искушения, они Его убивают.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Размышления о смерти

(Выдержка из письма Паскаля к сестре и зятю по поводу кончины отца).

Начну свою беседу с вами разговором, который должен доставить большое утешение людям с умом, свободным настолько, чтобы понять его в минуту сильнейшей скорби. Я хочу сказать, что утешения в наших горестях мы должны искать не в нас самих, не в людях и ни в какой твари, а в Боге. И вот почему. Никакая тварь не есть первая причина событий, называемых нами несчастьем. Они посылаются нам Богом, как единственным действительным Владыкой судеб наших; а потому неоспоримо, что искать действительного облегчения в скорби можно, только прибегая к этому Первоисточнику.

Если мы будем следовать этому правилу и смотреть на смерть не как на дело случая или роковую необходимость природы, не как на игралище стихий и частей, составляющих человека (ибо Бог не отдал Своих избранных на волю каприза и случая), но как на необходимое, неизбежное, справедливое, святое, полезное для блага Церкви и прославления имени и величия Божия последствие определения Его Промысла, положенного от вечности к исполнению, по совершении времён — в такой-то год, в такой-то день, в такой-то час, в таком-то месте и таким-то образом. Если, наконец, мы признаем, что всё случившееся было от начала предвидено и предопределено Богом; если, говорю я, по вдохновению благодати мы рассмотрим это событие не в нём самом и вне Бога, а вне его самого и в связи с волей Бога, с праведностью Его определения, с судьбами Его Промысла, который один есть истинная причина этого события, без Которого оно бы и не свершилось, а свершилось только через Него и образом Им предназначенным, — тогда, в покорном молчании, мы преклонимся перед непроницаемой высотой Его тайн, воздадим хвалу святости Его решений, благословим водительство Его Промысла.

Тогда, соединяя свою волю с волею Самого Бога, мы вместе с Ним, в Нём и для Него пожелаем того, чего пожелал Он в нас и для нас от начала веков. Будем же так смотреть на это событие и воспользуемся наставлением, полученным мною от одного великого человека в минуту нашей сильнейшей скорби — что нет иного утешения, как в одной только истине. Без сомнения, речи Сократа и Сенеки о смерти нисколько неубедительны. Они находились под гнётом заблуждения, омрачившего в лице первого человека весь род человеческий: они считали смерть естественной для человека; и все беседы, основанные ими на этом ложном основании, так пусты, что своею бесполезностью доказывают только, как вообще слаб человек, если даже самые высокие произведения величайших людей оказываются столь низкими и детскими. Нельзя того же сказать об Иисусе Христе или о канонических книгах: истина в них открыта, и утешение также непреложно соединено с ними, как непреложно отделено оно от заблуждения.

Итак, рассмотрим смерть в свете учения, внушённого нам Святым Духом. Благодаря Ему, мы знаем, что вправду и на самом деле смерть есть наказание за грех, наложенное на человека, чтобы искупить его преступление, и необходимое человеку для очищения его от греха; что одна она может избавить душу от чувственности телесных членов, без которой и святые не появляются в этом мире. Мы знаем, что жизнь людей вообще, а христиан — в частности, есть постоянная жертва, могущая завершиться только смертью; мы знаем, что Иисус Христос, в Своей земной жизни, взирал на Себя и предложил Себя Богу как всесожжение и истинную жертву; что Его рождение, Его жизнь, Его смерть, воскресение, вознесение, Его присутствие в Евхаристии и Его вечное восседание одесную Бога Отца — есть единая и истинная жертва; мы знаем, что совершившееся в Иисусе Христе должно совершиться в каждом из Его членов.

Итак, будем смотреть на жизнь как на жертву; и пусть события жизни производят впечатление на ум христианина лишь постольку, поскольку они прерывают или восполняют эту жертву. Будем называть злом только то, что превращает жертву Богу в жертву дьяволу, но назовём добром то, что обращает жертву дьяволу в Адаме — в жертву Богу. На основании этого правила исследуем природу смерти. Для этого нам необходимо обратиться к личности Иисуса Христа, ибо всё собственно человеческое отвратительно; и так как Бог рассматривает людей только через посредника, Иисуса Христа, то и люди не должны бы смотреть ни на других, ни на себя иначе, как через посредство Иисуса Христа. Потому что, если мы не пройдём этою средою, то найдём в себе лишь истинные бедствия или отвратительные радости; когда же будем рассматривать всё в Иисусе Христе — найдём всякое утешение, всякое удовлетворение, всякое назидание.

Итак, рассмотрим смерть в Иисусе Христе, а не без Иисуса Христа. Без Иисуса Христа она страшна, омерзительна — ужас для природы. В Иисусе Христе она совершенно иная — приятна, свята, радость для верных. Всё сладостно в Иисусе, даже самая смерть: Он страдал и умер, чтобы освятить смерть и страдания. Как Бог и как человек, Он вместил в Себя всё, что есть великого, и всё, что есть отверженного, чтобы освятить в Себе всё, кроме греха, и быть образцом всяких жизненных положений.

Чтобы рассмотреть, что такое смерть и смерть в Иисусе Христе, необходимо узнать, какое место она занимает в Его постоянной и непрерывной жертве, и для того заметить, что в литургии главную часть её составляет заклание жертвенного агнца. Предложение и освящение Даров предшествуют ему как действия приготовительные; но совершение Даров есть смерть, в которой, через уничтожение жизни, тварь воздаёт Богу возможнейшее для неё поклонение — самоуничтожаясь пред очами Его величия и преклоняясь перед Его верховным бытием, которое одно действительно пребывает.

Правда, есть другая часть в литургии, после смерти агнца, без которой смерть эта бесполезна, — именно принятие Богом жертвы. В Писании сказано: «И обонял Господь приятное благоухание» (Быт. 8:21). Действительно, это благоволение к жертве и служит увенчанием предлагаемых Даров; но это, скорее, действие Бога к твари, чем твари к Богу, и потому не мешает смерти быть последним действием твари. Всё это совершилось во Иисусе Христе. Вступая в мир, Он принёс Себя: «Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу» (Евр.9:14). «Жертвы и приношения Ты не восхотел… Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе… вот, иду, исполнить волю Твою, Боже» (Евр.10:5-7)

Вот Его приношение. Освящение Его последовало непосредственно по принесении. Это жертвоприношение продолжалось всю Его жизнь и завершилось смертью: «Так надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою» (Лк. 24:26). Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию. «Он во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принёс молитвы могущему спасти Его от смерти — и услышан был за Своё благоговение» (Евр. 5:7–8). И Бог воскресил Его и послал Свою славу, преображённую, некогда упавшим с неба огнём, на жертвы, чтобы сжечь и поглотить Его тело и дать Ему духовную жизнь, жизнь славы. Вот что получил Христос — и это было совершено Его воскресением.

Когда таким образом жертва была завершена смертью Иисуса Христа и поглощена в Его теле Его воскресением, где образ тела греха был поглощён славою, Христос со Своей стороны совершил всё. Оставалось только, чтобы жертва была принята Богом, чтобы, подобно возносящемуся к престолу благоуханию всесожжений, и Иисус Христос, в этом состоянии совершенного заклания, был вознесён и принят у престола Самого Бога, что и было выполнено в Вознесении. Деяния Апостолов выразительно свидетельствуют нам, что Он был принят на небе как бы в уверение нас; что эта совершенная на земле жертва была принята Богом и, как угодная Ему, горит славою во веки веков.

Таково положение вещей в отношении нашего Господа и Спасителя. Рассмотрим теперь это положение в нас самих. С момента вступления нашего в Церковь, составляющую мир верных вообще и избранных в частности, куда Иисус Христос вступил с момента Своего воплощения, но по особому преимуществу, как Единородный Сын Божий — мы предлагаем себя в жертву и освящаемся. Это жертвоприношение продолжается в течение жизни и завершается смертью, в которой душа, действительно оставляя пороки и земную любовь, заражающую её своим ядом в течение всей этой жизни, оканчивает своё заклание и принимается в лоно Божие.

Поэтому не будем предаваться печали, как не имеющие надежды язычники. Мы не потеряли своего отца со смертью: мы, так сказать, лишились его уже с момента вступления его в Церковь чрез крещение. С тех пор он был для Бога; жизнь его была обречена Богу; его действия касались мира только ради Бога. В своей смерти он вполне отрешился от грехов; в эту именно минуту он был принят Богом, и жертва его получила своё завершение и увенчание. Стало быть, он исполнил то, чему был назначен: он сделал дело, данное ему Богом, совершил то единое, для чего был создан. Воля Божия совершилась в нём, а его воля отдана Богу. Итак, да не разлучает наша воля то, что соединено Богом; будем заглушать или умерять, в силу разумения истины, чувствования нашей повреждённой и обольщённой природы, имеющей лишь ложные представления, своими иллюзиями нарушающей святость чувств, внушаемых вам истиной Евангелия.

Итак, будем смотреть на смерть не как язычники, а как христиане, то есть с надеждою, которая, по учению апостола Павла, составляет особое преимущество христиан. Не будем более считать тело смрадным прахом, ибо таким представляет его себе обманчивая природа; будем смотреть на него как на неприкосновенный и вечный храм Святого Духа, как учит вера. Мы знаем, что тела святых служат вместилищем Святого Духа до воскресения, имеющего совершиться силою этого Духа, который для того в них пребывает. По этой-то причине мы чтим останки усопших, и по этому истинному воззрению, некогда полагали причастие в уста умерших, потому что, считая их за храм Святого Духа, думали, что и они заслуживали этого святого таинства. Но Церковь изменила этот обычай не потому, чтобы эти тела не были святы, но по той причине, что причастие, как хлеб жизни и живых, не может быть даваемо мёртвым.

Не будем более считать человека переставшим жить, что бы, вопреки этому, природа ни внушала нам, но — начавшим жить, как говорит истина. Не станем более смотреть на его душу как на погибшую и уничтоженную, но как на оживотворённую и присоединённую к высшей жизни. Постараемся же, во внимание к этим истинам, исправить столь укоренившиеся в нас ошибочные воззрения и столь присущие нам от природы побуждения страха. Чтобы успешнее побороть этот страх, нужно хорошенько узнать его происхождение; и, чтобы коснуться его в нескольких словах, я должен сказать вам вообще, в чём заключается источник всех грехов и пороков. Я узнал это от двух великих и святых людей. Истина, которая скрывается под этой тайной, та, что Бог создал человека с двумя родами любви — к Богу и к самому себе; но закон этих любовей таков, что любовь к Богу бесконечна, то есть не имеет иной цели, кроме Самого Бога, а любовь к самому себе конечна и находится в отношении к Богу.

Впав в грех, человек утратил первую из этих любовей; вторая же, то есть любовь к самому себе, оставшись одинокой в этой великой душе, способной на любовь бесконечную, расширилась вследствие этого одиночества и захватила собою пустоту, оставленную любовью к Богу; так полюбил человек себя и всё ради себя, то есть полюбил бесконечно.

Таково происхождение самолюбия. Оно было естественно в Адаме и справедливо вследствие его невинности, но стало преступным и неумеренным вследствие его греха. Таков источник этой любви и причина её уродливости и чрезмерности. То же можно сказать

и о властолюбии, лености и других пороках. Предаться им очень легко. Обратимся, однако, к нашему единственному предмету.

Страх смерти был естествен для невинного Адама, ибо жизнь его, как весьма угодная Богу, была очень привлекательна для него; смерть же была страшна, потому что с нею оканчивалась жизнь, согласная с волею Бога. Но как только человек согрешил, его жизнь стала повреждённою, тело и душа вступили во враждебные отношения как между собою, так и к Богу. Хотя эта ужасная перемена заразила до сих пор столь святую жизнь, однако любовь к жизни уцелела, а с нею и страх смерти, справедливый в Адаме, но несправедливый и преступный в нас.

Таково происхождение страха смерти и причина его уродливости. Постараемся рассеять заблуждение природы при помощи света веры. Страх перед смертью естествен, но только в состоянии невинности; действительно, смерть ужасна, но лишь как прекращение жизни совершенно чистой. Ненавидеть её было справедливо, когда она разлучала святую душу со святым телом; но теперь она заслуживает любви, разлучая святую душу с нечистым телом. Справедливо было бежать от неё, когда она нарушала мир между душой и телом, но не тогда, когда она прекращает непримиримый разлад. Наконец, когда она посещала невинное тело, отнимала у него возможность чтить Бога, отлучала от души тело покорное и соработающее её воле, прекращала всякое добро, на какое был способен человек, — то омерзение к ней было основательно; но теперь, когда она прекращает порочную жизнь, лишает тело возможности грешить, избавляет душу от весьма сильного и упорного противника всех побуждений к её спасению, то как, при подобном положении вещей, питать к ней одинаковые чувства?

Итак, не будем оставлять внушаемой нам природой любви к жизни, как полученной от Бога; но пусть эта любовь будет относиться к той самой жизни, к какой Бог нам дал её, а не к предмету ей противоположному. Признавая любовь к своей жизни, которую питал Адам и даже Сам Иисус Христос, как к жизни невинной, постараемся презирать жизнь, противоположную той, какую любил Спаситель, и бояться только той смерти, какой боялся Христос, то есть смерти тела, угодного Богу. Но не станем страшиться смерти, которая, служа наказанием телу виновному и очищая тело порочное, должна внушать нам совершенно обратное чувство, если в нас есть, хотя немного веры, надежды и любви.

По одному из величайших положений христианского учения, всё, совершившееся в Иисусе Христе, должно произойти и в душе, и в теле каждого христианина. Как Христос страдал в Своей земной жизни, умер для этой временной жизни, воскрес в жизнь новую, взошёл на небо и воссел одесную Отца, — так равно и тело, и душа христианина должны страдать, умереть, воскреснуть, взойти на небо и стать одесную. Всё это совершается в течение этой жизни, но в душе, а не в теле. Душа страдает и умирает для греха в таинствах покаяния и крещения; душа воскресает для новой жизни в том же крещении; душа покидает землю и возносится на небо в час смерти и станет одесную, когда прикажет Господь.

Ничего этого не происходит в теле в течение этой жизни, но произойдёт потом. Ибо со смертью тело умирает для своей смертной жизни; в день Суда оно воскреснет к жизни новой; по совершении Суда взойдёт на небо и станет одесную. Таким образом, одно и то же происходит и с душою, и с телом, но в разное время: изменения в теле наступают лишь после совершения их в душе, то есть в минуту смерти, так что смерть является венцом блаженства души и началом блаженства тела.

Таково премудрое промышление Бога о спасении святых. По этому поводу блаженный Августин учит нас, что Бог определил этот порядок во избежание того, что, если бы тело человека умирало и воскресало навсегда в Крещении, то, в послушание Евангелию,

христиане вступали бы только из любви к жизни; тогда как величие веры обнаруживается гораздо сильнее, когда мы стремимся к бессмертию через мрак смерти.

Таково, поистине, наше верование, и я думаю, что этого более чем достаточно в подкрепление моих слабых усилий утешить вас. Я бы не решился доставить вам эту помощь, если бы она шла от меня самого; но так как я повторяю здесь только слышанное мною от других, то делаю это с уверенностью и прошу Бога благословить эти семена и возрастить их; ибо без Его помощи мы бессильны, и святейшее слово Его не примется в нас, как Он Сам сказал.

Я не желаю, чтобы вы были совсем безчувственны: удар слишком чувствителен; он был бы даже невыносим без сверхъестественной помощи. Поэтому нельзя требовать, чтобы мы не ощущали боли, подобно ангелам, не знающим чувств нашей природы, но и несправедливо также быть нам безутешными, как язычникам, лишённым внушений благодати. Нам надлежит скорбеть и утешаться, как христианам, и чтобы утешение благодати превозмогало чувства природы.

Мы должны повторять слова апостола: «Нас преследуют, а мы благословляем» — так, чтобы благодать не только пребывала в нас, но и одерживала в нас победу над природными чувствами; чтобы, таким образом, благословляя имя Отца нашего, сделать Его волю нашей волею. Да царствует Его благодать над природой; да будут печали наши как жертвенное вещество, поглощаемое и уничтожаемое благодатью Его во славу Божию. Да будут эти частные жертвы в честь и предображение всемирной жертвы, в которой вся природа имеет быть поглощена всемогуществом Иисуса Христа. Таким путём мы извлечём пользу из самых несовершенств наших, как из имеющих послужить веществом для этого всесожжения; ибо цель истинных христиан — обращать в добро собственные свои несовершенства, так как «призванным по Его изволению всё содействует ко благу» (Рим.8:28).

Вглядевшись в обсуждаемое нами событие ближе, в свете вышеизложенной истины, мы найдём в нём много поучительного. Если смерть тела — не более как образ смерти души, и мы, основываясь на вышесказанном учении, имеем все данные надеяться на спасение нашего покойника, то несомненно, что, не будучи в состоянии вполне устранить горестное чувство, мы можем, однако, извлечь тот полезный вывод, что если так ужасает нас смерть телесная, то ещё безутешнее была бы для нас мысль о смерти душевной. Бог посылает нам первую и избавляет от второй. Поэтому будем судить о величии наших благ по силе наших зол, и пусть чрезмерность нашей скорби будет для нас мерилом силы нашей радости. Ослабить эту радость может только опасение, что, может быть, он будет томиться некоторое время муками, назначенными ему в очищение остатка грехов этой жизни.

Мы должны старательно позаботиться смягчить обращённый на него гнев Божий. Молитва и бескровная жертва — самые действенные средства облегчить его муки. Но от одного святого человека я узнал, что одно из самых действенных и полезных дел любви по отношению к умершим — исполнять то, что они приказали бы нам, находясь в живых; следовать их благим советам и ради них стать в такое положение, в котором они желали бы, чтобы мы находились теперь. Поступая таким образом, мы как бы даём им возможность оживать в нас, ибо тогда их советы ещё живут в нас и действуют; и как ересиархи наказываются в той жизни за грехи, в которые они увлекли своих последователей, ещё носящих в себе вложенный ими яд, — так и умершие, помимо собственных заслуг, вознаграждаются за тех, которые следуют их добрым советам и примеру.

Дадим же ему возможность ожить перед Богом в лице нашем; будем утешаться в союзе наших сердец, в котором, мне кажется, он живёт ещё, и пусть наше единение заменит нам в некотором роде его присутствие. Молю Бога внушить и поддержать в нас это настроение, а

также продлить те, кажущиеся мне данными Богом, чувства нежности, которыми полон я теперь как никогда прежде. Мне кажется, что любовь, которую мы питали к усопшему, не должна исчезнуть; напротив, мы должны перенести её друг на друга, и привязанность его к нам унаследовать главным образом с тем, чтобы, если возможно, взаимная любовь наша стала ещё сердечнее.

Прошу Бога укрепить нас в этих решениях и, в этой надежде, заклинаю вас благосклонно выслушать одно моё мнение, к которому вы, конечно, пришли бы и без меня, но которое я всё-таки выскажу, — это то, чтобы, найдя причины успокоиться за усопшего, нам не пренебречь заботами о нас самих и не забывать о тех нуждах и пользах, какие существовали бы для нас, если бы он оставался в живых. Я больше всех заинтересован в этом. Потеряй я его шесть лет тому назад, я бы погубил себя; и хотя его присутствие я считаю теперь не столь абсолютно необходимым, как в то время, но знаю, что нуждался бы в нём ещё десять лет; полезно же оно было бы для меня во всю жизнь. Но мы должны надеяться, что, так как Бог определил совершиться этому событию в известное время, в известном месте и известным образом, то, без сомнения, оно послужит к вящей Его славе и нашему спасению.

Как ни странным это кажется, но я думаю, что такого взгляда нужно держаться на все события и что, какими бы пагубными они ни казались нам, мы должны надеяться, что Бог обратит их в источник нашей радости, если мы только предадимся Его воле. Нам известно, что некоторые знатные лица опасались за жизнь своих домашних. Бог, может быть, по их молитве, отвращал смерть, но потом эти люди делались причиною стольких бед, что, пожалуй, было бы желательнее, чтобы молитвы не были услышаны.

Человек, без сомнения, настолько слаб, что не может здраво судить о последствиях грядущих событий. Возложим же наше упование на Бога и не станем утомлять себя нескромным проникновением в будущее. Предоставим Богу направлять нашу жизнь и не дадим скорби овладевать нами. Блаженный Августин учит нас, что в каждом человеке есть змей, Ева и Адам. Змей — это чувства и наша природа; Ева — чувственные вожделения наши; а Адам — разум. Природа искушает нас постоянно, чувственность часто пробуждается в нас, но грех ещё не совершен, если на него не согласен разум.

Пусть действуют в нас этот змей и эта Ева, если мы не можем избежать их; но будем молить Бога, чтобы благодать Его помогла нашему Адаму оставаться победителем. Да воссияет над врагом нашим победа Христа, и да царствует Он в нас во веки. Аминь.

Молитвенное размышление об обращении во благо болезней

(Составление этой статьи относится к концу 1647 или началу 1648 года, когда Паскаль, в возрасте около 24 лет, вследствие чрезмерных трудов подвергся болезни).

I.

Господи, благой и добрый во всем и столь милостивый, что не только благоденствие, но и самые несчастья, посылаемые избранным Твоим, исходят из Твоего милосердия, — благоволи научить меня, чтобы я не действовал подобно язычнику в положении, назначенном мне Твоим правосудием! Да признаю в Тебе, как истинный христианин, Отца моего и Бога, в каком бы состоянии я ни находился, ибо изменение в моем положении никакой перемены в Тебе не производит. Ты неизменен, когда я подвергнут превратностям. Посылая огорчение или кару, как и даруя утешение и прощение, — Ты всё тот же Бог.

II.

Ты даровал мне здоровье на служение Тебе, а я истратил его для суетных целей. Теперь Ты посылаешь мне болезнь, чтобы исправить меня; не допусти же меня прогневить Тебя моим нетерпением. Я злоупотребил своим здоровьем, и Ты справедливо наказал меня. Помоги мне извлечь должную пользу из Твоего наказания. Расположение моей природы так велико, что обращает во вред мне Твои милости. Молю, Боже мой, чтобы Твоя всесильная благодать превратила Твою казнь в спасение мое. Если сердце мое было полно привязанности к миру, пока в нем была некоторая сила, — уничтожь эту силу для моего блага и сделай меня неспособным наслаждаться миром: ослабив ли мое тело или возбудив во мне пыл любви к ближним, чтобы наслаждаться мне одним Тобою.

III.

Боже, которому я должен дать полный отчет во всех своих действиях при конце моей жизни и по окончании мира! О Боже, поддерживающий мир и все живущее в нем лишь для испытания Твоих избранных или для наказания грешников! О Боже, оставляющий закоренелых грешников в соблазнительном и преступном пользовании миром! О Боже, допускающий умирать наше тело и в час смерти, отрешающий нашу душу от всего, что она любила в мире! О Боже, который разлучишь и меня, в эту последнюю минуту моей жизни, от всего, к чему я привязался и во что вложил мое сердце! О Боже, имеющий истребить в последний день небо и землю со всеми тварями, их населяющими, чтобы показать людям, что существуешь только Ты один, и потому только Ты один достоин любви, будучи один вечен! О Боже, имеющий разрушить все эти суетные кумиры и все эти пагубные предметы наших страстей!

Воздаю Тебе хвалу, Боже мой, и благословлю Тебя во все дни моей жизни, ибо Ты благоволил полезно предупредить меня об этом страшном дне, разрушая для меня всё посредством посланного Тобою ослабления сил моих. Восхваляю Тебя, Боже мой, и благословлю Тебя во все дни жизни моей, что Тебе угодно было лишить меня возможности пользоваться благами здоровья и удовольствиями света, что Ты некоторым образом для моей же пользы уничтожил обманчивые кумиры, которые Ты на самом деле к смущению злых уничтожишь в день гнева Твоего. Сотвори, Боже, чтобы я сам осудил себя после этого произведенного Тобою во мне разрушения, и Тебе не пришлось бы судить меня после окончательного разрушения Тобою моей жизни и всего мира.

Ибо, Господи, так как в минуту смерти моей я окажусь в разлуке с миром, лишенным всего, одиноким в Твоем присутствии, и должен буду отвечать пред судом Твоим за все движения моего сердца, — сделай так, чтобы в этой болезни я смотрел на себя как бы на подвергшегося некоторому роду смерти, отделенного от мира, лишенного всех предметов моих привязанностей, одинокого пред Тобою, умоляющего Твое милосердие об обращении моего сердца, — и чтобы таким образом я мог вполне утешиться в посылаемом мне теперь Тобою подобии смерти, как проявлении Твоего милосердия, прежде чем пошлешь мне настоящую смерть для совершения Своего суда. Молю Тебя, Боже мой: как Ты предупредил меня о моей смерти, так да предварю я строгость Твоего приговора и испытаю себя прежде Твоего суда, чтобы обрести Твое милосердие, когда буду пред лицом Твоим.

IV.

Сотвори, Боже мой, чтобы мне в молчании преклониться пред порядком Твоего дивного промышления в моей жизни; пусть бич Твой будет мне в утешение; да вкушу, прожив в горечи грехов моих в продолжение мира, небесную сладость Твоей благодати среди посылаемых Тобою спасительных бед! Но сознаю, Господи, что сердце мое так загрубело и полно мирских помышлений, забот, беспокойств и привязанностей, что ни болезнь, ни здоровье, ни беседы, ни книги, ни милостыня, ни посты, ни умерщвления плоти, ни чудеса,

ни совершение таинств, ни все мои усилия, ни усилия всего мира бессильны начать мое обращение, если всему этому Ты не пошлешь чрезвычайную помощь Твоей благодати.

Ради сего, Боже мой, обращаюсь к Тебе, Всемогущему, с мольбою о даре, которого не могут сообщить мне все твари вместе. Я не дерзнул бы обратиться к Тебе с моим воплем, если бы кто другой мог услышать его. Но так как обращение моего сердца, о котором прошу Тебя, Боже мой, есть дело, превосходящее все усилия природы, то обратиться могу только к Создателю и всемогущему Владыке и природы, и моего сердца. К кому, Господи, воскликну, к кому прибегну, как не к Тебе? Кроме Бога, никто не может исполнить чаяний наших. Прошу и ищу я Самого Бога, и к Тебе одному, Боже мой, обращаюсь, чтобы обрести Тебя.

Отверзи сердце мое, Господи, войди в это мятежное место, занятое пороками. Они держат его в своей власти. Войди в него, как в жилище укрепившегося врага; но свяжи сначала крепкого и сильного, который им владеет, и тогда возьми лежащие в нем сокровища. Господи, возьми мою любовь, похищенную миром, восхити Сам это сокровище или, лучше, возврати его Себе, как Тебе принадлежащее, как должную Тебе мною дань, ибо она носит отпечаток Твоего образа.

Ты, Господи, запечатлел его там в минуту моего крещения, которое есть мое второе рождение, но образ этот совсем изгладился. Отпечаток мира так глубоко врезан там, что Твоего изображения не стало видно. Ты один мог создать мою душу — Ты один можешь и создать ее снова; Ты один мог вложить в нее Твой образ — так Ты же один можешь преобразовать ее и снова оттиснуть в ней Твой изгладившийся лик, то есть Иисуса Христа, моего Спасителя, который есть Твой образ и выражение Твоей сущности.

V.

О, Боже мой! Как счастливо сердце, могущее любить Того, привязанность к Кому для нас столь спасительна! Я чувствую, что не могу любить мир, не прогневив Тебя, не вредя и не бесчестя себя; при всем том мир остается предметом моих желаний. О, Боже мой! Как счастлива душа, находящая в Тебе свою радость, ибо она может питать любовь к Тебе не только без сомнений, но и сознавая в этом свое достоинство. Как прочно и долговечно ее счастье, ибо ожидания ее никак не будут обмануты, так как Ты нерушим, и ни жизнь, ни смерть не разлучат ее с предметом ее желаний! В то время как злые подвергнутся истреблению вместе со своими кумирами, праведные соединятся с Тобою в вечной славе. Как одни погибнут с бренными предметами своих привязанностей, так другие вечно будут пребывать в непреходящем и самосущем Предмете, с которым они тесно связаны. О как счастливы те, которые, при полной свободе и непреодолимой наклонности своей воли, вполне и свободно любят то, что любить обязаны необходимо!

VI.

Доверши, о Боже мой, внушаемые мне Тобою добрые побуждения. Будь целью их, как был их началом. Увенчай Твои собственные дары, ибо знаю, что это — Твои дары. Да, Боже мой: будучи далек от мысли считать свои молитвы достойными слуха Твоего, приношу мое смиреннейшее сознание, что, отдав твари свое сердце, созданное Тобою только для Тебя, а не для мира и не для меня самого, я не смею ждать от Тебя никакой благости, так как во мне нет ничего, что бы могло вызвать Твое милосердие, и все естественные движения моего сердца, склоняющиеся только к твари или ко мне самому, могут лишь прогневить Тебя. Итак, воздаю Тебе, Боже мой, благодарение за влагаемые Тобою добрые побуждения, как и за самое побуждение благодарить Тебя.

VII.

Склони мое сердце к раскаянию в моих прегрешениях, ибо без этой внутренней муки внешние страдания, посылаемые Тобою моему телу, стали бы для меня новым поводом к

греху. Вразуми меня, что телесные боли — не что иное, как наказание и в то же время прообраз мук душевных. Но сделай, Господи, чтобы они стали врачеванием недугов душевных; чтобы в ощущаемых мною болях я увидел дотоле не ощущавшиеся мною недуги души, хотя она очень больна и покрыта язвами. Величайшая болезнь ее, Господи, — это бесчувственность и та крайняя слабость, которая лишила ее способности ощущать свою собственную нищету. Пошли мне, Боже, живо почувствовать ее, и да будет остаток жизни моей неустанным покаянием, чтобы смыть им соделанные мною согрешения.

VIII.

Господи, хотя моя прошедшая жизнь протекла без особенных преступлений, благодаря Твоему не попущению, но тем не менее она была весьма мерзостна пред Тобою по своей постоянной беспечности, по дурному употреблению Твоих святейших таинств, по презрению к Твоему слову и Твоим внушениям, по совершенной праздности и бесполезности моих действий и мыслей, по совершенной потере времени, данного Тобою лишь на служение Тебе, на искание во всех моих занятиях возможности угождать Тебе, на раскаяние в прегрешениях, совершаемых ежедневно и столь обычных даже для самых праведных, что жизнь их должна быть постоянным покаянием, без которого им угрожает опасность ниспасть из своей праведности. Так всегда сопротивлялся я Тебе, Боже мой!

IX.

Да, Господи, до сих пор я всегда был глух к Твоим внушениям, пренебрегал Твоим глаголом, судил вопреки Твоему суждению, противоречил святым правилам, которые Ты принес в мир от вечного Отца Твоего и по которым Ты будешь судить этот мир. Ты говоришь: Блаженны плачущие, ибо они утешатся! А я сказал: Несчастны скорбящие и пресчастливы утешившиеся! Я сказал: Блаженны пользующиеся богатством, громким именем и цветущим здоровьем! А почему считал я их счастливыми, как не потому, что эти преимущества доставляли им широкую возможность пользоваться тварями, то есть оскорблять Тебя? Да, Господи, каюсь, что считал здоровье благом не потому, что оно облегчает обязанность должным образом служить Тебе, обращать больше забот и времени на это служение и на помощь ближнему, но потому, что за его счет я мог свободнее предаться наслаждениям жизни и полнее вкусить от ее гибельных удовольствий.

Яви мне, Господи, милость, преобрази мой поврежденный разум и приведи в согласие мои чувства с Твоими. Да в печалях своих буду полагать свое счастье, и, лишенный способности к внешним действиям, очисти настолько мои чувства, чтобы они не сопротивлялись Тебе, чтобы, таким образом, я обрел Тебя внутри себя и, по слабости своей, не был в состоянии искать Тебя вовне. Ибо, Господи, царство Твое среди верных Твоих, и я обрету его в себе самом, если буду исполнен Твоего духа и Твоих чувств.

X.

Но что подобает мне сделать, Господи, чтобы Ты излил Духа Твоего на эту жалкую землю? Всё, чему я следую, есть мерзость пред Тобою, и в себе я не вижу ничего, что было бы угодно Тебе. Вижу там, Господи, только свои страдания, которые имеют некоторое сходство с Твоими. Узри же, Боже, болезни, которыми стражду, и которые еще угрожают мне. Воззри оком милосердия на раны от руки Твоей, о мой Спаситель, возлюбивший Свои страсти до смерти! О Боже, сделавшийся человеком только для того, чтобы пострадать, как ни один человек, ради спасения человечества! О Боже, воплотившийся после грехопадения людей и принявший тело лишь для того, чтобы выстрадать в нем все бедствия, заслуженные нашими грехами!

О Боже, настолько любящий тела страдальцев, что избрал Себе тело, обременённое страданиями, каких свет не видел! Призри на тело мое не ради его самого, ни ради всего, что наполняет его, достойного лишь Твоего гнева, но ради переносимых им болезней,

которые одни могут быть достойны любви Твоей. Возлюби мои страдания, Господи, и ради них посети меня. Но для полного приготовления Твоего жилища, благоволи, Спаситель мой, — если тело мое уподобляется Твоему тем, что страдает за мои согрешения, — чтобы и душа моя, уподобляясь Твоей, скорбела о тех же прегрешениях, и чтобы таким образом я сострадал Тебе и телом, и душой за совершенные мною беззакония.

XI.

Господи, приложи милосердно утешения Твои к моим страданиям, дабы страдал я, как подобает христианину. Не прошу избавить меня от скорбей, ибо такова награда святых, но молю — не предоставлять меня недугам природы без утешений Твоего Духа, ибо таково проклятие иудеев и язычников. Не прошу полноты утешения без всякого страдания, ибо такова жизнь славы; но и не прошу полноты мучений без отрады, ибо таково состояние иудейства. Молю же, Господи, дать мне испытать одновременно и муки природы за грехи мои, и утешения Твоего Духа по Твоей благодати, ибо таково истинное состояние христианина.

Да не испытаю болезней без утешения, но то и другое совместно, чтобы, наконец, чувствовать мне только Твое утешение без всякой боли. Ты Господи, предоставил мир неутешным страдальцам естества до пришествия Твоего Единородного Сына; ныне же Ты утешаешь и облегчаешь страдания Твоих верных благодатью Твоего Единородного Сына и преизбытком чистейшего блаженства одаришь святых Твоих в царстве славы Твоего Единородного Сына. Таковы чудные ступени в последовательности дел Твоих! Ты извел меня из первого состояния — помоги мне пройти второе, чтобы достигнуть третьего. Господи, молю, пошли мне благодать Твою!

XII.

Не попусти быть мне в таком удалении от Тебя, чтобы я мог видеть Твою скорбящую до смерти душу и Тело Твое, пораженное смертью за мои собственные грехи, не радуясь страданиям своего тела и души. Есть ли что постыднее и, несмотря на то, обыкновеннее в христианах и во мне самом, как наша жизнь, проводимая в наслаждениях, когда Ты кровавым потом искупаешь наши беззакония? Что может быть более ужасным, чем то, что христиане, называющие себя преданными Тебе, отказавшиеся при Крещении от мира ради Тебя, торжественно перед лицом Церкви поклявшиеся жить и умереть с Тобою, исповедующие, что мир преследовал и распял Тебя, верующие, что Ты был предан гневу Божию и жестокости людей, чтобы искупить их преступления, — как те, которые, веруя во все эти истины, считая Тело Твое жертвою, принесенною для их спасения, видя в удовольствиях и грехах мира единственную причину Твоих страданий, а в мире — Твоего палача, — несмотря на все это, живут, услаждая свое тело теми самыми утехами, среди этого самого мира!

Как те, которые, будучи не в состоянии без содрогания и ужаса видеть человека, ласкающего и ублажающего убийцу своего отца, предавшего себя, чтобы дать ему жизнь, могут, подобно мне, жить с полной радостью среди мира, бывшего, как известно мне и всем, действительным убийцей Того, кого я признаю своим Богом и Отцом, предавшим Себя ради моего спасения, принявшего на Себя вину моих неправд? Справедливо, Господи, прекратил Ты столь преступную радость, в которой я отдыхал под сенью смерти.

XIII.

Отними же от меня, Господи, печаль, которая могла бы явиться во мне под влиянием самолюбия — от моих собственных страданий и от вещей мира, совершающихся не согласно желаниям моего сердца или не имеющих в виду Твоей славы, — но да будет печаль моя угодна Тебе. Да послужат мои страдания к смягчению Твоего гнева. Пусть они

станут поводом к моему спасению и обращению. Да пожелаю отныне здоровья и жизни только для того, чтобы пользоваться ими и окончить её для Тебя, с Тобою и в Тебе.

Не прошу у Тебя ни здоровья, ни болезни, ни жизни, ни смерти, но чтобы Ты располагал моим здоровьем и недугами, моей жизнью и смертью — во славу Твою, на мое спасение и на пользу Церкви и святых Твоих, в доле которых уповаю принять некоторое участие по Твоей благодати. Ты один ведаешь мою потребу. Ты — Владыка всяческих, и да будет воля Твоя. Приложи мне или отними у меня по Своему изволению, но согласуй мою волю с Твоею. Пусть, в совершенной и смиренной покорности и с блаженным упованием, я буду расположен принимать повеления Твоего вечного промысла и одинаково поклоняться всему, что от Тебя исходит.

XIV.

Даруй мне, Господи, силу одинаково относиться ко всем событиям, ибо мы не знаем, чего просить нам и чего желать, не впадая в самонадеянность и не становясь судьями за последствия, кои Твоей премудрости, по всей справедливости, угодно было сокрыть от нас. Господи, знаю, что мне известно только одно: что хорошо — Тебе повиноваться, и дурно — согрешать перед Тобою. А затем я уже не могу судить ни о чем — что хорошо и что плохо; не знаю, что может быть полезно для меня — здоровье или болезнь, богатство или бедность, или что бы то ни было в мире. Суждение об этом превышает силы человеческие и ангельские; оно сокрыто в тайнах Твоего промысла, которому поклоняюсь, не дерзая проникать в него.

Даруй же, Господи, чтобы во всяком положении воля моя согласовалась с Твоею, чтобы, испытывая болезнь, я прославлял Тебя в своих страданиях. Без них я не могу достигнуть славы. И Сам Ты, Спаситель мой, только ими восхотел войти в славу Свою. По знакам страданий Твоих был Ты узнан учениками Твоими, и по страданиям Ты Сам узнаешь учеников Твоих. Признай же меня за Твоего ученика в муках телесных и духовных, переносимых мною за содеянные мною согрешения. И так как ничто не угодно Богу, что приносится Ему не чрез Тебя, то соедини мою волю с Твоею, приобщи мои страдания к Своим. Сделай мои мучения Твоими.

Соедини меня с Собою, исполни меня Собою и Духом Святым. Войди в мою душу и мое сердце, чтобы принять там мое бремя мучений и выстрадать то, что остается Тебе вынести из Твоих страданий, завершаемых Тобою в Твоих членах до окончательного восполнения Тела Твоего, для того, чтобы, исполнившись Тобою, жил и страдал уже не я, а жил и страдал во мне Ты, Спаситель мой! И чтобы, допуская меня принимать хотя малейшее участие в Твоих страданиях, Ты всецело исполнил меня приобретенной ими славой, в которой пребываешь Ты с Отцом и Святым Духом во веки веков.
Аминь.

Сравнение древних христиан с нынешними

В первые времена существования Церкви христиане были вполне сведущи во всем, что необходимо для спасения. В наше же время господствует такое грубое невежество, что вызывает вздохи у всякого, любящего Церковь. Прежде вступали в Церковь люди после долгого ожидания и приготовления; а теперь обретаются в недрах её без всяких подвигов, забот и труда. Тогда разрешался доступ только по строгому испытанию; ныне же человек делается членом Церкви прежде, чем становится способным выдержать испытание. В те времена приём обусловливался отречением человека от своей прежней жизни, от мира, плоти и диавола; теперь вступают в Церковь, не имея способности к таким действиям. Первые христиане, чтобы быть принятыми в Церковь, должны были покинуть мир, тогда как в наш век вступают в Церковь одновременно со вступлением в мир.

Благодаря такому порядку делалось существенное различие между миром и Церковью; их считали противоположностями, двумя непримиримыми, постоянно преследующими друг друга врагами, из которых слабейший должен был восторжествовать некогда над сильнейшим. Люди покидали один из этих враждебных лагерей, чтобы перейти в другой; отвергали законы одного ради законов другого; совлекались мыслей, приличных одному, чтобы облечься мыслями, соответствующими другому. Одним словом, отказывались, отлучали себя от мира, в котором были рождены, ради предания себя Церкви, где как бы совершалось вторичное рождение. Этим устанавливалась очень большая разница между теми и нами: наши дни люди одновременно принадлежат и Церкви, и миру.

Тот же момент, в который мы рождены для мира, есть момент нашего вторичного рождения в Церкви, так что неприготовленный разум уже не делает никакого различия между этими столь противоположными мирами. Разум воспитывается в обоих одновременно. Приступают к Таинствам и наслаждаются удовольствиями этого мира. Тогда как в былое время замечалось различие между обоими существами, теперь они совершенно смешаны между собой, так что их уже не различают.

Оттого в древности совсем не было христиан, не получивших должного воспитания в предметах веры; тогда как настоящее время они отличаются ужасным невежеством. Вследствие этого, в первые века, крещёные и возрожденные, покидавшие мирские пороки ради церковного благовестия, редко снова отпадали от Церкви в мир. Теперь же самое заурядное явление: христиане, исполненные светских стремлений и пороков. Общество святых совершенно теряется в массе злых, а дети Церкви, зачатые и вскормленные ею в своём лоне с самой колыбели, суть именно те, которые вносят в её сердце, то есть до участия в её величайших тайнах, включая самого злейшего и врагов её, дух мирской, нечистоты и чувственности. Её любовь к своим чадам заставляет её допускать в самые сокровенные недра свои своего жесточайшего гонителя.

Но не Церковь следует обвинять в несчастьях, бывших вследствие перемены столь спасительной дисциплины. Церковь не изменилась в духе, хотя в поведении её произошли перемены. Усмотрев, что вследствие опозданий крещения множество детей оставлялось в Адамовом проклятии, она пожелала избавить их от старой закваски, ускоряя подаваемую ею помощь. Эта добрая мать, лишь с крайним сожалением, видит, что средство, обращённое ею на спасение этих детей, делается поводом к гибели взрослых. Истинный дух её требует, чтобы те, которых она удаляет в столь нежном возрасте от приращений мира, исполнялись чувств, совершенно противоположных миру. Она предваряет время пользования разумом, чтобы предупредить пороки, в которые увлек бы их повреждённый разум; и прежде чем для их ума наступит пора деятельности, она исполняет их своим духом, чтобы они жили в невидении мира и в состоянии, тем более далёком от порока, что они никогда не могли узнать его.

Это видно из обряда Крещения: она совершает Крещение детей не прежде, чем они устами своих восприемников заявят о своём желании креститься, исповедуют веру и отрекутся от мира и сатаны. И желая, чтобы крещаемые сохранили это настроения в течение всей своей жизни, она настоятельно предписывает хранить его ненарушимо, возлагая на восприемников постоянную обязанность наставлять детей в этом духе. В этом видно её желание, чтобы воспринятые ею в своё лоно были также научены и ревностны в вере, как те взрослые, которых она некогда принимала в среду своих последователей. Она желает своим питомцам такого же совершенства, как и своим взрослым приёмышам.

Между тем к Крещению относятся столь несогласно с целями и намерениями Церкви, что страшно подумать. О таком великом благодеянии вряд ли и размышляют когда-нибудь, потому что никогда его не желали, никогда не требовали, даже и, забывая, что получили его.

Но ввиду очевидности, что Церковь требует не меньшей ревности от родившихся в вере, чем и от домогающихся вступить в неё, нужно взять себе пример оглашённых, обратить внимание на их горячность, ревность и преданность Церкви, их отвращение к миру, великодушное отречение от него. Раз они не считались достойными принять Крещение, если не обнаруживали такого настроения, то кто не находит его в себе?

Следовательно, они должны подчиниться необходимости принять наставление, как если бы им приходилось готовиться к вступлению в Церковь. Им даже следует подвергать себя постоянному покаянию, прилагать меньше отвращения к строгости умерщвления плоти, чем привязанности к ядовитым прелестям греха. Чтобы расположить их к назиданию, необходимо пояснять им различие обычаев, употреблявшихся в Церкви согласно тому или другому времени, что в нарождавшейся Церкви оглашённых, т.е. желавших получить Крещение, поучали прежде, чем допускали их к этому таинству. До этого они должны были получить полное наставление и разъяснение тайн веры, покаяться в своей прошлой жизни, торжественно признать величие и превосходство вероисповедания и прав христианских, которые они желали себе усвоить навсегда, обнаружить явные признаки действительного обращения сердца и горячее желание креститься.

Когда это становилось известно всей Церкви, их допускали к таинству причащения, через которое они делались членами Церкви. В настоящее же время, когда к Крещению допускаются ещё неразумные дети, на что есть свои весьма уважительные причины, небрежность родителей нередко бывает причиной того, что христиане достигают старости, не имея ни малейшего понятия о величии нашей веры. Когда наставление в вере предшествовало Крещению, все имели познание веры; теперь же, когда Крещение предшествует наставлению, ознакомление с истинами веры, бывшее прежде необходимым, стало произвольным, потом стали им пренебрегать, а иногда и совсем обходиться без него.

Истинная причина такого явления заключается в уверенности, что Крещение необходимо, тогда как подобного убеждения в необходимости наставления в вере не существует. Поэтому, когда учение предшествовало Крещению, потребность в одном обязательно заставляла прибегать к другому. При настоящем же порядке, когда христианами делаются, не изучив истин веры, считают возможным оставаться христианами и без этого. Тогда как первые века христиане выражали столько благодарности к Церкви за милость, оказанную ею только после их долгих просьб, они обнаруживают теперь столько же неблагодарности за ту же самую милость, которую она дарует им даже прежде, нежели они в состоянии просить о ней.

Если она так строго относилась к, хотя и редким случаям отпадения первых христиан, как должна она вознегодовать на беспрестанные и повторяющиеся отпадения новых христиан? А ведь они обязаны ей гораздо больше, так как с несравненно большей поспешностью и щедростью она избавляет их от проклятия, тяготеющего падением с момента первого рождения. Без вздоха она не может видеть, как злоупотребляют величайшей из её милостей и как положенное ею для упрочения их спасения становится почти несомненной причиной их гибели.

Об обращении грешника

Когда благодать Божия действительно коснется души человека, то первым делом внушает ей совершенно новый взгляд на окружающее и на самого себя. Этот новый свет порождает в ней страх, смущение, покой, в котором она пребывала до сих пор, среди услаждавших её предметов, нарушается. Она уже не может пользоваться тем, что услаждало её ранее. Постоянные мысли удручают её среди этих предметов; это не позволяет ей более находить

отраду в том, чему она предавалась своим сердцем. Но в делах благочестия она ощущает ещё больше горечи, чем в суетах мира.

С одной стороны, присутствие видимых предметов трогает её больше, чем надежда на невидимые; с другой же стороны, видимые вещи для неё дороже тщеты видимых. Таким образом, наличность одних и благонадежность других оспаривают её любовь, а тщетность первых и отсутствие вторых возбуждают в ней отвращение; вследствие этого в ней рождается беспорядок и смущение. На преходящие вещи она смотрит как на исчезающие и даже исчезнувшие. Зная несомненную гибель всего, что ей дорого, она ужасается при виде того, как каждая минута отнимает у неё пользование благами, как всё любимое ею гибнет одно за другим, и что настанет день, когда ей неминуемо нужно будет отречься от всего, в чём она возлагала свои надежды.

Так она в совершенстве проникается сознанием, что если сердце её привязывается лишь к тленным и суетным вещам, то душа должна будет остаться одинокой при разлуке с этой жизнью, так как не заботилась соединить себя с действительным благом, существующим самостоятельно и способным поддержать её как во время, так и по окончании жизни на земле. Таким образом, она начинает взирать как на ничтожество на всё, подлежащее уничтожению: небо, землю, свой ум, своё тело, своих родных, друзей, врагов, богатство, нищету, невзгоды, благосостояние, честь и бесчестие, уважение и презрение, силу и убожество, здоровье, болезнь и саму жизнь. Наконец, всё, чему положен меньший предел существования, чем его душе, становится неспособным удовлетворить желания этой души, серьёзно ищущей приобрести счастье столь же продолжительное, как и она сама.

Она начинает удивляться своему прежнему ослеплению, воображая с одной стороны продолжительность времени, прожитого ею без этих размышлений, и что так много людей ведут подобную жизнь, а с другой — насколько несомненно, что душа, будучи бессмертна, не может находить своего счастья среди тленных предметов, которые, в крайней мере, в смертный час она должна покинуть. Она впадает в благодетельное смущение, в спасительную тревогу и удивление. Она начинает понимать, что как бы значительно ни было число стареющихся в этих мирских правилах, как ни велик авторитет такого множества примеров в людях, налагающих своё счастье в мире, всё же несомненно, что если в земных предметах заключалось бы какое-либо прочное благо — оно признано за ложное благодаря бесчисленному множеству роковых и постоянных опытов — мы неизбежно лишимся его при жизни или, наконец, потеряем вместе с жизнью.

Таким образом, собрав множество земных сокровищ — будь то золото, наука или громкое имя — душе необходимо будет расстаться со всеми этими предметами её блаженства. Поэтому, если они не могут удовлетворять, то никоим образом не могут удовлетворять всегда; если обладание ими можно считать за действительное счастье, то всё-таки это счастье не прочно, ограничено сроком настоящей жизни. Силу этого смирения, которое Бог возвышает, человек начинает подниматься над обыкновенным уровнем людей, осуждает их образ жизни, испытывает отвращение к их правилам, скорбит об их ослеплении, начинает искать истинного блага; понимает, что оно должно иметь следующие два качества: во-первых, одинаковую с ней продолжительность и неотъемлемость без её на то согласия; во-вторых, должно быть для неё дороже всего на свете.

Она видит, что, слепо любя мир, находила в нём это второе качество, но, не замечая в нём первого признака, она узнаёт, что это есть высшее благо. Поэтому ищет его в другом месте и, зная, благодаря осенившему её чистейшему свету благодати, что оно не заключается ни в ней самой, ни вне её, ни перед нею, начинает искать его выше себя. Этот подъём настолько силён, что он не останавливается на небе, не может удовлетворить её ни даже выше неба, ни на ангелах, ни на самых совершенных существах. Она минует все эти создания и не

может остановить своё сердце, лишь достигнув престола Бога, где начинает обрести свой покой, то есть то драгоценное благо, которое она может потерять только с собственного согласия.

Хотя и не чувствуя ещё блаженства, которым Бог награждает неустанные подвиги благочестия, она понимает, однако, что твари не могут быть драгоценнее своего Творца. Тогда её разум, при помощи света благодати, открывает ей, что нет ничего драгоценнее Бога, что утратить это благо могут только те, которые его отвергают, ибо обладать им значит желать его, а отрицание его равно утрате. Так радуется она обретению блага, которое не может быть похищено у неё, пока она этого не пожелает, и выше которого ничего быть не может. Новыми размышлениями она подвигается к созерцанию величия своего Создателя, к глубочайшему смирению и благоговению перед Ним. Вследствие этого она как бы уничтожает себя и, не имея возможности сама по себе составить ни достаточно низкого, ни достаточно высокого понятия о высшем благе, делает своё усилие принизиться до последних бездн ничтожества, представляя себе Бога бесконечно умножаемой ею необъятностью.

Наконец, в этом истощающем её силы созерцании она преклоняется перед Ним в молчании, смотрит на себя как на жалкую и бесполезную тварь Его; в этом неослабном поклонении она славит и благословляет Его и желала бы вечно благословлять и славить. Тогда она сознаёт оказанную Ею милость, что такому ничтожному червю Он благоволил открыть своё бесконечное величие. Твердо решив быть вечно благодарной за это, она приходит в смущение, что предпочитала такую суету Божественному Владыке. Сокрушённая перед Господом, со слезами раскаяния, она прибегает к Его милосердию, прося Его отвратить свой гнев, последствия которого ей кажутся ужасными. Она горячо молится Богу, чтобы Он, Кому угодно открыться ей благоволил, привёл её к Себе и указал пути. Приближаясь к Богу, она желает обрести Его только указанными Им путями, чтобы Он Сам был её внутренним миром, её предметом и конечной целью. В силу исполнения этих молитв она начинает действовать и искать: начинает познавать Бога и желать к Нему.

Не зная средств к достижению этой цели, она, если желает искренне и действительно, поступает так же, как тот, кто, желая добраться до известного места, заблудился и прибегает к людям, которые отлично знают дорогу. Она решается согласовать остаток своей жизни с Его волей, так как её естественная немощь, вместе с грехами, в которых она жила до этих пор, не позволяет ей достичь блаженства самостоятельно. Она надеется на Его милосердие как средство приблизиться и соединиться с Ним. Она выполняет свои обязанности: как тварь поклоняться Богу, как должница всесильно благодарить Его, как виновная умилостивлять Его и как нищая просить Его благости. Аминь.

Редакция 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top